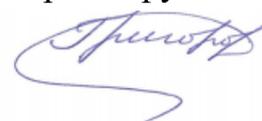

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Пермский национальный исследовательский политехнический университет»

На правах рукописи

Григорова Яна Викторовна

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ТИПА ТРУДА:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

09.00.11 – Социальная философия

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук, доцент
Комаров Сергей Владимирович

Пермь – 2019

Оглавление

Введение.....	3
1 Методологические основания исследования современного труда.....	16
1.1 Основные положения теории труда в классической марксистской философии.....	16
1.2 Осмысление труда в теориях постиндустриального общества и в концепции креативной экономики.....	27
1.3 Концепция труда в философии современного итальянского неомарксизма (постопераизма).....	42
2 Специфика труда во второй половине XX – начале XXI века: переход от фордизма к постфордизму.....	54
2.1 Гибкие формы организации труда и становление прекариата.....	54
2.2 Особенности организации рабочего времени во второй половине XX – начале XXI века.....	64
2.3 Универсализация труда и деквалификация работников во второй половине XX – начале XXI века.....	70
3 Субъект труда во второй половине XX – начале XXI века.....	79
3.1 Противоречия постфордистского труда.....	79
3.2 Появление новой формы эксплуатации труда.....	91
3.3 Субъект современного труда и особенности его субъективности.....	98
Заключение.....	115
Список литературы.....	119

Введение

Актуальность исследования заключается в том, что главными социально-философскими исследованиями труда на данный момент считаются работы XIX – середины XX века, но именно за последние 50 лет, начиная с 60-х годов XX века, произошло резкое изменение условий труда, связанное с трансформацией технико-технологической основы современного труда, а именно с внедрением цифровых технологий в производственные процессы. На данный момент не существует абсолютно ни одной отрасли, где бы не применялись компьютерные технологии. Они одновременно заменяют ручной и машинный труд автоматизированным, а коммуникативный аспект данных технологий сопровождается возрастанием роли интеллектуальной и аффективной составляющей труда. Такой труд задействует все наши антропологические способности. Здесь сложно провести однозначную границу, которая бы различала, что является трудом, а что нет. Для понимания особенностей трансформации труда в условиях современности нужен философско-антропологический аналитический инструментарий: схематизация его пространственной и временной модальности, описание способов переживания таких трансформаций современным субъектом труда. Нужно обратиться к проблеме субъекта и реконструировать способ его существования в рамках философских построений, посвященных проблеме современного труда.

Труд некогда был ключевой темой в социально-философских дебатах, тем не менее, необходимо признать, что проблематизация труда утратила свое исключительное место, перейдя в область социологии, экономики, психологии и в публичное пространство¹. Чувствуется нехватка социально-философских исследований, которые могут отвлечься от частности, эмпирических данных.

¹См. Обсуждение влияния автоматизации на труд в Европейском парламенте: 158. Delvaux M. Report with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics [Electronic resource] // European Parliament. – Электрон. дан. [Б. м.], 2019. URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2017-0005_EN.html (дата обращения: 10.08.2019). В России 31 июля 2017 года была принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в которой значительная часть посвящена изменениям труда, производственным отношениям, структуре экономики. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р // Электрон. дан. [Б. м.], 2019. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 10.08.2019).

Проблемы, связанные с трудом и занятостью, очень широко волнуют мировое сообщество в целом и некоторые страны и регионы в частности. Социальная философия не может остаться в стороне от происходящих изменений, поскольку труд – важнейшая составляющая жизни общества и значимая категория в социальной философии. По изменениям труда можно судить о тенденциях развития общества и самом обществе в целом. Несмотря на важность технико-технологических изменений, особую актуальность исследования для социально-философского теоретизирования представляет субъект труда, который формируется под воздействием новых типов организации труда.

Развитие новых мировых тенденций в сфере труда позволило выдвинуть обоснованное мнение, что передовые страны переживают качественную «метаморфозу»² общественного развития. Эта стадия характеризуется такими понятиями как «информационное общество»³, «постфордизм»⁴, «когнитивный капитализм»⁵, «поздний капитализм»⁶, «семиокапитализм»⁷ и т.д. Разумеется, есть и другие языки описания. Но все они, так или иначе, пересекаются с мыслью о том, что современный труд подвергся серьезным изменениям.

В данном исследовании мы концентрируемся преимущественно на трех направлениях социальных теорий: классический марксизм, теории информационного общества (постиндустриального) и концепции креативной экономики, автономистский марксизм, потому что в фокусе внимания этих теорией находятся именно попытки проследить логику развития трансформация труда и прогнозировать изменения на несколько десятилетий вперед.

Итак, отмеченные изменения, а также глобальность социальных преобразований обуславливают особую значимость и актуальность философского исследования проблемы труда. В сложившейся ситуации возникает необходимость

²Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб., 2011.

³См. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.

⁴См. Буайе Р. Теория регуляции: критический анализ. М., 1997.

⁵См. Горц А. Нематериальное: знание, стоимость, капитал. М., 2010; Руллани Э. Когнитивный капитализм: déjà vu? // Логос. 2007. № 4. С.64–69.; Польрэ Б. Двусмысленности когнитивного капитализма // Логос. 2007. № 4. С. 70–114.

⁶См. Mandel E. Late Capitalism. L., 1975.

⁷См. Берарди Ф. Б. Новые герои: массовые убийцы и самоубийцы. М., 2016.

осуществить социально философский анализ труда под углом зрения изменений в его общественном содержании.

Степень разработанности темы исследования. Пограничный характер проблемы труда предполагает ее комплексное рассмотрение с широким использованием достижений философии и ряда других наук. В настоящее время можно говорить о достаточно высоком уровне разработанности проблемы труда в целом. Со времен античной мысли философия работает над проблематикой труда, но именно эпоха Нового Времени подготовила то место, которое проблематика труда заняла со второй половины XIX века⁸. Уже в период становления классического капиталистического общества (в середине XIX в.) возникают предпосылки того, что категория труда станет центральной для социальной философии.

Теоретическое обоснование труда нашло свое отражение в трудах Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркса и Ф. Энгельса. Анализ основных идей марксистской философии явился важной частью диссертационного исследования. В работах философов труд понимается как положительная творческая деятельность. Важнейшим достижением теории Карла Маркса является выделение материального труда в качестве сущности человека и подчеркивание субстанциальности труда. Кроме того, Маркс рассмотрел труд как процесс, проходящий ряд исторических ступеней, сумев вывести особенности развития общества из сущности каждого исторического типа труда. Впервые в истории философии Маркс сумел показать двойственную природу труда, выделив абстрактный и конкретный труд, что послужило ему при решении проблем трудовой теории стоимости.

Важные работы М. Вебера, В. Зомбарта Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля определили неклассическое направление развития мысли, посвященное труду, поставив многие классические идеи, связанные с ролью труда, под сомнение⁹.

⁸См. Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч.: в 3 т. / Дж. Локк. – М., 1988. – Т. 3. Смит. А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962; Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Философия духа // Соч.: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель – М., 1977. – Т. 3.

⁹См. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990; Его же. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990;

В XX столетии философии тема труда актуализировалась в связи с пересмотром в неклассической философии роли человека и его преобразующей деятельности¹⁰. Важным вкладом в понимание труда являлся так называемый «западный марксизм», который возвратил проблематику отчуждения в понимание труда¹¹. А. Грамши¹² испытал на себе значительное влияние марксизма. Автор теоретически осмыслил труд интеллигенции и промышленных рабочих, обратив внимание, что из несовпадения интеллектуального и физического труда может возникнуть «общее действие». Именно А. Грамши предложил понятие фордизма для описания экономических и культурных особенностей производственной системы начала XX века.

Особое место в корпусе работ, посвященных труду имеют исследования Г. Брейвермана¹³, который рассмотрел прогрессирующее отрицательное влияние на работников индустриального труда (деквалификация). В свою очередь, А. Горц¹⁴ рассмотрел труд как репрессивный элемент общественной системы и показал, что преодоление отчуждения человека возможно только через отказ от труда.

Следующим моментом, повлиявшим на исследование труда в XX веке, стало эмпирически фиксируемое возрастание роли информации в мире. Одной из наиболее обсуждаемых концепций в этот период являлась постиндустриальная теория, которая, начиная с 60-х гг. XX в., получила широкую разработку в социальных науках. Наиболее основательно концепция постиндустриального общества исследовалась Д. Беллом, Э. Тоффлером, М. Кастельсом, П. Дракером, А.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX-начала XX веков. М., 1996; Зиммель Г. Философия труда // Избранное / Г. Зиммель. – М., 1996. – Т. 2; Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984; Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994.

¹⁰См. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2011; Марсель Г. Быть и иметь. Новочеркасск, 1994; Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000; Хоркхаймер М., Адорно Т. Дилектика просвещения: философские фрагменты. М.-Спб., 1997; Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2011; Кожев А. Диалектика Реального и феноменологический метод у Гегеля. М., 1998; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

¹¹См. Лукач Г. История и классовое сознание. М., 2003; Фромм Э. Душа человека. М., 1998; Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003; Его же. Эрос и цивилизация. Киев, 1995; Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006; Его же. Символический обмен и смерть. М., 2000.

¹²См. Грамши А. Тюремные тетради // Избранные произведения / А. Грамши. – М., 1959. – Т. 3.

¹³См. Braverman H. Labor and Monopoly capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century. New York, 1998.

¹⁴См. Горц А. Нематериальное: знание, стоимость, капитал. М., 2010.

Туреном, И. Масудой, Т. Стоуньером, М. Постером, М. Маклюэном¹⁵ и другими. Эта теория имеет множество различных интерпретаций. Из этих интерпретаций вытекают такие теории как теория информационного общества, теория виртуального общества, теория сетевого общества и другие. Все эти теории отмечают, что информация и знание стали основными факторами развития производства. Мы позволим себе пользоваться в ряде случаев терминологией данных концепций, в целом критически их анализируя и оценивая.

Концепция постиндустриального общества проводит резкие различия между новым социумом и социумом предыдущих столетий: отмечаются рост сектора услуг и снижение материального производства, изменение самого характера деятельности человека, повышение роли информации, появление новых ресурсов, используемых в производстве, а также модификация традиционной социальной структуры.

Стремительное развитие «творческого» сектора экономики (средства массовой информации, кинематография и звукозапись, издательский бизнес, производство программного обеспечения, производство видеоигр, исполнительские виды искусства и т.д.) привлекло внимание теоретиков, стремящихся осмыслить трансформацию труда. Т. Адорно и М. Хоркхаймер¹⁶ были первыми, кто актуализировал проблематику культурной индустрии. Позднее понятие культурной индустрии перемещается в экономические науки, а в конце 1970-х годов появляется теория культурной индустрии. Концепция постепенно утратила социально-критическое содержание, сосредоточившись на анализе так называемых «творческих индустрий». Исследователи творческих индустрий (А. Высоковский, Д. Тросби, Р. Флорида, Д. Хокинс¹⁷ и другие) отмечают возросшее

¹⁵См. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М., 1999; Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; Дракер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. М., 2001; Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998; Masuda Y. Information Society as Postindustrial Society. Wash., 1983; Стоуньер Т. Информационное общество: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986; Poster M. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. Cambridge, 1990; Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры. М., 2003.

¹⁶См. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения: философские фрагменты. М., Спб., 1997.

¹⁷См. Высоковский А. Креативность как ресурс [Электронный ресурс] // Электрон. дан. [Б. м.], 2019. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=25&article=1105> (дата обращения: 10.06.2019); Тросби Д. Экономика и культура. М.,

значение креативности в труде. Например, Р. Флорида выдвинул идею, что высокая концентрация творческих работников ведет к значительному росту инноваций, появлению прогрессивных предприятий, и, как следствие, к развитию экономики в целом.

Отечественный исследователь постиндустриального общества В. Л. Иноземцев предлагает трактовку современного общества как постэкономического. По мысли автора, труд, как типичный вид активности человека, вытесняется творчеством. Творчество, по мнению Иноземцева, - качественно отличный тип деятельности, содержащий в себе основные признаки постэкономического общества¹⁸. Ряд ученых (У. Бек, Дж. Рифкин, З. Бауман¹⁹) ставят вопрос не просто о «замене труда творчеством», но и о «будущем без труда», «смерти труда».

Исследование проблематики труда тесно связано с исследованиями, посвященными трансформациям современного капиталистического мира. Так, исследователи Л. Болтански, Э. Кьяпелло²⁰ (прагматическая социология) с социологической точки зрения показали изменения в современном труде через концепцию появления нового «духа капитализма». Отметим, что ряд работ современных авторов направлены на осмысление возможности выхода за границы капитализма (посткапитализм) и того, какую роль в этом переходе будет играть труд (П. Мейсон²¹, Н. Срничек, А. Уильямс²²). Говоря о переосмыслении труда в работах, которые испытали на себе влияние марксизма, следует указать исследования когнитивного капитализма (Я. М. Бутан, Э. Руллани, Б. Польрэ, К. Марацци, А. Корсани²³).

2013; Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007; Хокинс Д. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. М., 2011.

¹⁸См. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998.

¹⁹См. Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000; Rifkin J. The end of work. Social Planning Council of Winnipeg. New York, 1996.

²⁰Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011.

²¹Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М., 2016.

²²См. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М., 2019.

²³См. Бутан Я.М. Новое огораживание: информационные и коммуникационные технологии или Ползучая революция прав собственности // Логос. 2007. № 4 (61); Руллани Э. Когнитивный капитализм: déjà vu? // Логос. 2007. № 4 (61); Польрэ Б. Двусмысленности когнитивного капитализма. // Логос. 2007. № 4 (61); Марацци К. Тело-машина

Особое внимание в диссертационном исследовании уделяется осмыслению работ постопераистов. В рамках концепции постопераизма проблему труда разрабатывают такие исследователи как П. Вирно, М. Лаззарато, А. Негри, М. Хардт²⁴ и другие. Представители этого направления считают, что с середины XX в. происходит существенное изменение производственной парадигмы, основанное на трансформации ведущей формы труда, которая становится нематериальной.

В отечественной философии проблема труда преимущественно разрабатывалась на стыке идей марксизма и психологии деятельности. Проблема труда освещалась в работах Б. Г. Ананьева, Д. Б. Богоявленской, А. В. Брушлинского, Л. С. Выготского, Ю. Н. Давыдова, В. Н. Дружинина, Е. А. Климова, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, Я. А. Пономарёва, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова, О. К. Тихомирова²⁵ и многих других. В этих исследованиях рассматривается проблема взаимосвязи труда и творческой деятельности, дается анализ специфики труда в условиях автоматизации.

С философских позиций деятельность исследовалась в работах Г. С. Батищева, Л. П. Буевой, Б. Т. Григорьяна, С. В. Комарова, А. Г. Мысливченко, Э. Г. Юдина²⁶ и других.

и его амортизация // Логос. 2007. № 4 (61); Корсани А. Трансформация труда и его темпоральностей. Хроническая дезориентация и колонизация нерабочего времени // Логос. 2015. Т. 25. №. 3.

²⁴См. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2013; Лаззарато М. Нематериальный труд // Художественный журнал. 2008. №. 69; Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.

²⁵См. Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания // Избранные психологические труды / М., Воронеж, 1996; Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение // Избранные психологические труды / М., Воронеж, 1996; Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей. М., 2002; Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб., 1999. Климов Е. А. Человек как субъект труда и проблемы психологии // Вопросы психологии. 1984. №4; Пономарев Я. А. Психология творчества. Воронеж, 1999; Теплов Б. М. Психология и психофизиология индивидуальных различий // Избранные психологические труды / М., Воронеж, 2004; Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

²⁶См. Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969; Буева Л.П. Социальная среда и сознание личности. М., 1968; Григорьян Б. Т. Философия о сущности человека. М., 1973; Комаров С. В. Онтология управленческой проблемы: деятельностный подход. Варна, 2008. Мысливченко А. Г. Человек как предмет философского познания. М., 1972; Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. М., 1978.

В те же годы онтологические аспекты проблемы труда обсуждаются в работах Э. В. Ильенкова, М. А. Лифшица, Г. П. Щедровицкого²⁷. Социально-философские вопросы, связанные с проблемой труда, рассмотрели В. Я. Ельмеев, Д. П. Кайдалов, В. Ж. Келле, А. В. Нельга, И. Н. Сиземская, Е. И. Суименко, С. С. Товмасын, Ж. Т. Тощенко, В. Г. Федотова, И. И. Чангли²⁸ и другие. В работах этих авторов проблема труда решалась в соответствии с пониманием сущности человека и места человека в мире.

Проблема труда как проявления всеобщего труда освещалась философами Г. С. Батищевым, В. С. Библером, С. Н. Мареевым, В. М. Межуевым, В. В. Орловым²⁹. Как считает В. М. Межуев, всеобщий труд является необходимой стороной деятельности человека как источника культуры. По мнению В. С. Библера, во всеобщем труде происходит полное воплощение труда совместного. Как считают В. В. Орлов и Т. С. Васильева, всеобщим трудом является высоко сложный материальный труд, материальная творческая деятельность, связанная с производством самого человека, а также с производством информации.

Философско-теоретические проблемы труда в России в постсоветский период разрабатывались в работах А. В. Бузгалина и А. И. Колганова, считающих, что основой общественного развития является деятельность в креатосфере по созданию предметного мира, которая распредмечивается в культурном диалоге³⁰.

Важную роль в развитии социально-философского знания в области рассматриваемых проблем сыграли исследования отечественных авторов, таких как В. Ж. Келле, В. А. Колпаков, В. В. Корякин, В. М. Межуев, Л. А. Мусаелян, Ю.

²⁷См. Ильенков Э. В. Об эстетической природе фантазии // Искусство и коммунистический идеал / Э.В. Ильенков. М., 1984; Лифшиц М. А. Собрание сочинений // Соч.: в 3 т. / М. А. Лифшиц. – М., 1984. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.

²⁸См. Ельмеев В. Я. Проблемы социального планирования. Ленинград, 1973; Кайдалов Д. П. Актуальные проблемы социологии труда. М., 1974; Келле В.Ж. Наука как компонент социальной системы. М., 1988; Нельга А. В. Формирование потребности в труде. Киев, 1986; Сиземская И. Н. Человек и труд: условия гармонии и развития: (социально-философский анализ общественного производства). М., 1981; Товмасын С. С. Философские проблемы труда и техники. М., 1972; Тощенко Ж. Т. Социальное планирование в СССР. М., 1981. Федотова В. Г. Практическое и духовное освоение действительности. М., 1991. Чангли И. И. Труд: социологические аспекты теории и методологии исследования. М., 1973.

²⁹См. Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии / Г. С. Батищев. М., 1969; Библер В. С. Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога). М., 1975; Мареев С.Н. Введение в пост-рыночную экономику. М., 1993; Межуев В.М. О понятии культуры. М., 1968. Орлов В.В. Философия экономики / В. В. Орлов, Т. С. Васильева. – Пермь, 2006.

³⁰См. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Теория социально-экономических трансформаций. М., 2003.

К. Плетников, И. Н. Сиземская, В. Г. Федотова, В. Н. Шевченко и других³¹. Необходимо отметить работы Т. Ю. Сидориной³², М. А. Маяцкого³³. В последние десятилетия произошел заметный спад интереса к проблематике труда в отечественной социальной философии, что связано, на наш взгляд, с попыткой дистанцирования от материалистической философии. Однако актуализация самой проблематики требует ее дальнейшего исследования в контексте новых изменений.

Объект исследования: формы и содержание общественного труда второй половины XX — начала XXI века.

Предмет исследования: процесс изменения форм и содержания общественного труда второй половины XX – начала XXI века и его основные противоречия.

Целью исследования является определение социальных последствий изменения форм и содержания труда второй половины XX – начала XXI века. Для достижения поставленной цели исследования были сформулированы следующие **задачи:**

1. Определить методологию исследования труда второй половины XX – начала XXI века путем анализа концепций труда в различных социальных теориях;
2. Выявить принципиальные изменения в формах и содержании современного труда;
3. Выяснить характер изменений в организации рабочего времени в современном производстве;
4. Проанализировать движущие противоречия труда второй половины XX – начала XXI века;
5. Охарактеризовать особенности нового субъекта современного труда второй половины XX – начала XXI века.

³¹См. Межуев В. М. Идея культуры. М., 2005; Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005; Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм. Три великие трансформации. М., 2008; Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Российские ритмы социальной истории. М., 2004; Плетников Ю. К. Материалистическое понимание истории и проблемы теории социализма. М., 2008; Шевченко В.Н. Динамика внешних и внутренних факторов и вектор развития российского общества. М., 2013.

³²См. Сидорина Т. Жизнь без труда или труд во спасение? М., 2018.

³³См. Маяцкий М. Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля //Логос. 2015. Т. 25. №. 3.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составил логико-диалектический анализ труда в работах К. Маркса, современного западного марксизма (постопераизм), а также в социально-философских исследованиях наиболее авторитетных отечественных и зарубежных авторов. Особое внимание было уделено критическому анализу трудовых процессов представителями частных социально-гуманитарных наук (социология, экономика, политология, психология и другие). Опорным методологическим принципом исследования стал общеполитологический принцип историзма и конкретности. Применение системного метода исследования обусловлено междисциплинарным подходом.

Научная новизна работы состоит в следующем:

1. Определено, что возникновение новых форм труда (гибкий, мобильный, проектный, прекарный труд) характеризуются проявлением качественно нового типа противоречия: между конкретно-всеобщим содержанием самого труда и формой его эксплуатации как абстрактно-всеобщего труда. Индустриальный труд выступает как абстрактный и совместный труд, а современный постфордистский труд - как всеобщий и конкретный.

2. Показано изменение темпоральности современного труда и разрушение дихотомии свободного и рабочего времени. В условиях постфордистского труда личное время работника также становится реальным, но не учитываемым источником производства прибавочной стоимости.

3. Выявлено, что в современном труде обнаруживается тенденция развертывания всеобщего интеллекта (*general intellect*), поскольку процесс труда связан с использованием всех (антропологических, лингвистических, коммуникативных, творческих) способностей человека. Использование всеобщего интеллекта как родовой силы человека позволяет в скрытом виде эксплуатировать производительную силу работника.

4. Продемонстрировано, что субъектом постфордистского труда становится не просто работник как носитель рабочей силы, но человек в единстве всех его

родовых способностей, а процесс его формирования (индивидуации) выходит за пределы непосредственно трудового процесса, охватывая все время его жизни.

Положения, выносимые на защиту:

1. В противоположность индустриальному труду, доведенному до предела частичности, постфордистский труд становится высокоинтеллектуальным, творческим трудом. Такой труд неразрывно связан с использованием живого труда и «всеобщего интеллекта» (general intellect). Стремление к росту производительности и попытка сократить затраты на частичную рабочую силу, вытесняя ее за пределы производства, заставляют капитал обращаться именно к такому высокоинтеллектуальному творческому труду. Однако постфордистский труд – это не только трата рабочей силы, следовательно его измерение общественно рабочим временем становится проблематичным. Все это заставляет капиталистические формы «искусственным» путем сводить постфордистский труд к его прежнему абстрактному содержанию, поскольку лишь таким путем достигается получение прибавочной стоимости. Либо использовать его в скрытом виде. Это означает, что противоречия труда – между абстрактным/конкретным, живым/мертвым, простым/сложным трудом - приобретают новое содержание: это противоречие между абстрактно-всеобщим и конкретно-всеобщим содержанием самого труда. Индустриальный труд (абстрактно-всеобщий) выступает как совместный труд, современный труд (конкретно-всеобщий) – как всеобщий труд.

2. Эти новые формы труда связаны с размыванием границы между временем собственно трудового процесса и свободным временем. Поскольку процесс высокоинтеллектуального труда, творческого труда не может быть сведен к простым рабочим операциям, постольку этот процесс выходит за пределы непосредственно рабочего времени, захватывая также и свободное время работника. В результате личное время работника становится таким же «рабочим» временем, как и время непосредственного трудового процесса. Следовательно, в условиях постфордистского труда личное время работника также становится условием производства прибавочной стоимости.

3. Поскольку современный труд становится сложным трудом, дополненным «всеобщим интеллектом» (general intellect), в нем коренным образом отражается процесс развертывания родовых сил человека в процессе развития общественного труда. «Всеобщий интеллект» содержит не только «всеобщие» знания в виде науки, но и «конкретные» знания, неотделимые от индивидуальных способностей работника. Современный процесс труда связан с использованием не отдельных, а всех (антропологических, лингвистических, коммуникативных, творческих) способностей человека, превращением их в опосредованную рабочую силу.

4. Субъектом постфордистского труда становится не просто работник как носитель способности затрачивать рабочую силу, но человек в единстве всех его родовых способностей. Процесс формирования работника выходит за пределы непосредственного производства, но охватывает также и личное время его жизни. Во-первых, благодаря тому, что современный труд использует все способности работника как антропологического существа (его биологическую природу, физическую мощь, психологические способности восприятия, внимания, памяти, языковые компетенции, интеллектуальные операции). Во-вторых, благодаря стиранию различия между рабочим и нерабочим временем. В-третьих, благодаря тому, что сам труд реализуется в связи с всеобщим интеллектом. Поэтому процесс становления современного работника в большей степени, чем ранее определяется индивидуализацией субъекта из определенной доиндивидуальной среды.

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы заключается в изучении труда в современном обществе с позиций социальной философии, при этом рассматриваются существующие российские и зарубежные исследования по данной проблематике и проводится их критический анализ. Практическая значимость состоит в возможности использования результатов данного исследования в учебных программах по социальной философии, социологии, спецкурсах, связанных с указанной проблематикой. Также работа может использоваться экономистами, урбанистами и исследователями других специальностей для своих работ по схожей тематике. Последнее особенно актуально в связи с широким освещением работ зарубежных авторов, в том числе

еще не изданных на русском языке. Среди потенциальной аудитории исследования – специалисты по развитию творческого, интеллектуального сектора экономики, а также исследователи высококвалифицированной рабочей силы. Результаты исследования могут лечь в основу отдельного специального курса лекций для учащихся гуманитарных и инженерных специальностей.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность полученных результатов обусловлена выверенной логической аргументацией основных положений, междисциплинарным характером исследования с применением системного метода, релевантностью текстов, проанализированных в исследовании, а также корректным решением, поставленных диссертантом задач.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования докладывались и обсуждались на 6-ти российских и международных конференциях: Международная конференция «Смысл жизни: обретение и утрата» (Дни философии в Санкт-Петербурге, 2011); Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы российской философии» (Пермь, 2011); Международная научная конференция «Ильенковские чтения» (Москва, 2015); Научно-практическая конференция «Интерпретация литературного текста» (Пермь, 2017), Научно-практическая конференция «Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии» (Пермь, 2018); Международная научно-практическая конференция «Робототехника, искусственный интеллект, общество: новые вызовы» (Пермь, 2019), а также представлены на семинарах Лаборатории феноменологических исследований Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, 2019) и получили положительную оценку.

Структура и объем работы. Исследование состоит из введения, трех глав и списка литературы, содержащего цитируемые работы (202 наименования, из них 33 на иностранных языках). Общий объем 135 страниц.

1 Методологические основания исследования современного труда

Проблематика современного труда привлекает внимание различных течений философской, социологической, экономической мысли. Тем не менее, ряд ключевых вопросов, связанных с особенностями развития современного труда, подчас остается без должного прояснения. Осмысление особенностей развития современного труда требует выбора определенной теоретико-методологической основы исследования и базового аналитического инструментария для работы с ними.

В первой главе мы проанализируем важнейшие течения мысли XIX - начала XXI века, которые стремились проследить логику развития труда и прогнозировать его дальнейшие изменения. Эти течения, так или иначе, рассматривали ключевые тенденции развития современного труда, раскрывали основные механизмы его функционирования. Однако делали они это с разных, порой противоположных позиций.

1.1 Основные положения теории труда в классической марксистской философии

Общепризнан вклад К. Маркса и Ф. Энгельса в развитие социальной философии. Однако отношение к марксизму как к теории неоднозначно. Многие исследователи являются его явными апологетами, другие отрицают потенциал идей марксизма при осмыслении современной ситуации. Несмотря на то, что критика марксизма не стихает, все больше растет интерес к работам основоположников диалектического материализма, особенно в западной философии. «Не читать, не перечитывать и не обсуждать Маркса будет ошибкой»³⁴, пишет Ж. Деррида в работе «Призраки Маркса». Э. Хобсбаум отмечает, что в конце 90-х годов произошло своего рода «новое открытие» вклада Маркса в понимание

³⁴Деррида Ж. Призраки Маркса // Государство долга, работа скорби и новый интернационал. М., 2006. С. 28.

природы тенденций общественного развития³⁵. В первые десятилетия XXI века интерес к марксизму только нарастает. В сложившейся ситуации обращение к анализу трудовой парадигмы в ее классическом варианте представляется актуальным.

Фундаментальным уровнем теории марксизма является разработка трудовой парадигмы. В основании объяснения общества как целостного образования кладется предпосылка деятельной активности человека, которая обнаруживает единство его родовой и индивидуальной жизни. «Предпосылки, с которых мы начинаем, – не произвольны, они – не догмы; это – действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем»³⁶. Производя необходимые им жизненные условия, люди в процессе совместной деятельности тем самым производят свою материальную жизнь. В отличие от животных, человек не находит готовых условий для своего существования в природе. Имея определенную физическую конституцию, люди нуждаются в пище, одежде, убежище. Первым историческим действием людей становится производство средств, помогающих удовлетворить их потребности, орудий труда. Таким образом, в своей деятельности люди не просто приспосабливаются к природе, но приспосабливают природу к себе, изменяют ее в соответствии со своими нуждами. Кроме того, удовлетворение потребностей людей ведет к появлению новых потребностей. Их удовлетворение требует нового производства. Указывая на специфику существования человека, Маркс и Энгельс открывают закон возрастания потребностей. Производя свою материальную жизнь, люди производят других людей. Для того, чтобы делать историю, они должны быть в состоянии жить упорядоченно. Производя свою материальную жизнь, люди

³⁵См. Хобсбаум Э. Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России [Электронный ресурс]: // Журнала «Скепсис». Электрон. дан. [Б. м.], 2017. URL: http://scepsis.net/library/id_421.html. (дата обращения: 10. 09.2017).

³⁶Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс Собр. Соч.: в 50-ти тт. М., 1955. Т. 3. С. 18.

вступают в общественные отношения друг с другом. Притом, такие отношения носят объективный характер, то есть они обусловлены не сознанием и волей людей, а самой человеческой природой. Кроме того, общественные отношения полностью не осознаются индивидами. «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»³⁷.

Маркс и Энгельс отмечают, что жизнедеятельность человека непосредственно связана с материальными условиями производства: с тем, что они производят и как производят. Человек как материальное социальное существо, обладающее производительной силой, создает объективные условия, определяющие развитие общества.

Переходя от общих идей материалистического понимания истории, Маркс и Энгельс ставят задачу открытия и обоснования социальных законов, которые выражают поступательное движение человеческой истории. Согласно классикам марксизма, история представляет собой последовательную смену формаций, от низших к высшим. Общество, таким образом, проходит пять основных этапов: первобытно-общинный строй (первобытный коммунизм), рабовладельческое общество, феодализм, капитализм и коммунизм. Позже Маркс дополняет эту периодизацию концепцией азиатского способа производства.

В ходе развития теории К. Марксом понятие труда уточнялось и получало дополнительные дефиниции. Если в раннем творчестве ему важно было выделить общее представление о труде как сущности человека, то позднее данное понятие необходимо было детализировать, исходя из конкретно-исторических реалий.

В «Капитале» К. Маркс анализирует труд на капиталистическом этапе развития общества. Однако для того, чтобы выделить особенное в конкретно-исторической форме труда, необходимо было в общем плане зафиксировать его содержательные характеристики. В общем плане труд, пишет Маркс, это «процесс,

³⁷Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. 2-е изд / К. Маркс. М., 1959. Т.13. С. 6.

совершающийся между человеком и природой; процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы». ³⁸ При этом воздействии на природу, человек изменяет самого себя, свою собственную жизнь. Иными словами, труд предстает как процесс преобразования природы и производства собственной жизни человека. В труде можно выделить основные его элементы, или, как отмечает Маркс, простые моменты труда: самый труд, или целесообразную деятельность; предметы труда, средства труда.

Природа является всеобщим предметом труда. Кроме того, предметом труда могут выступать как естественные, так и искусственные объекты. Вместе с тем, воздействие на предмет труда носит опосредованный характер. Опосредованность выражается в использовании средств труда, которые выступают, как проводники между человеком и предметом труда ³⁹. Наличие этих посредников демонстрирует особый механизм взаимодействия человека и природы. Средства труда опосредуют деятельность человека, направленную на объект. Они выступают в качестве среднего члена между деятельностью человека и природой. Средства труда по мере развития труда усложняются, становятся более многообразными. Следовательно, как отмечает К. Маркс, ключевой отличительной чертой каждой экономической эпохи является то, какими средствами труда что-либо производится. Так, средства труда становятся своеобразным мерилем общественных отношений.

Результатом труда является продукт труда. Труд как активный фактор, приводящий в действие средства производства, совместно с природным фактором, создает общественно полезную потребительную стоимость продукта. Маркс пишет, что «в процессе труда деятельность человека при помощи средств труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает в продукте. Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы» ⁴⁰.

³⁸Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. 2-е изд / К. Маркс. – М., 1962. – Т. 23. С. 188.

³⁹Маркс К. Капитал. Т.1. ... С.190.

⁴⁰Маркс К. Капитал. Т.1. ... С. 192.

Определив общую структуру труда, Маркс отмечает, что в капиталистическом обществе труд приобретает специфическую форму – форму абстрактного труда. Первым условием ее возникновения становится общественное разделение труда. В ходе развития общества, производство различных товаров разделяется между отдельными людьми. Для удовлетворения потребностей им необходимо обмениваться между собой. «Как только начинается разделение труда, у каждого появляется какой-нибудь определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он – охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни»⁴¹.

Первоначально обмен возникает в натуральной форме, но при условии накопления достаточного первоначального капитала и отделения производителей от средств производства, переходит в рыночную форму. Другим важным условием существования товарного производства является наличие частной собственности на средства производства.

Итак, при капиталистическом производстве продукт труда становится товаром. Товар предстает единством потребительной стоимости и стоимости. Стоимость является субстанцией меновой стоимости, а потребительная стоимость выступает как полезность вещи. Потребительная стоимость – это полезность данной вещи, которая реализуется в ее использовании. Под меновой стоимостью понимается такое количественное соотношение, в котором одна потребительная стоимость обменивается на другую. То есть, это нечто общее, что позволяет обменивать одни товары на другие. Этим общим является, вложенный в производство вещей человеческий труд. Иными словами, общим признаком является расходование рабочей силы без соответствия к какому-либо качественному содержанию.

Такое объяснение товаров, как кристаллов человеческого труда, безотносительно к его содержанию, позволило раскрыть суть меновой стоимости. Поскольку труд производит потребительную стоимость, то следует ввести

⁴¹Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология ... С. 32.

следующие различия. Различные виды труда отличаются качественными особенностями. Труд, затраченный в определенной, целесообразной форме, является конкретным трудом. Например, труд сапожника, ткача, портного. Полезность такого труда выражается в потребительной стоимости продукта. Различные виды труда отличаются качественными особенностями. Если же рассматривать труд только как затраты мозга, мускулов, нервов, то качественными характеристиками такого труда можно пренебречь. Такой труд, рассмотренный вне зависимости от качественных характеристик, от его конкретной формы, называется абстрактным трудом. Абстрактный труд существует только при товарном производстве, связан с тем, что продукт производится для обмена. Абстрактный труд создает стоимость товара. Действительно, если произведены различные товары, которые необходимо обменять друг на друга, например, сапоги и холст, как возможно сравнить их потребительные стоимости? Сравнить их можно только по количеству труда, затраченного на их производство. Таким образом, рабочее время, затраченное на создание товара, измеряет количество труда вложенного труда. Это «то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно-нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»⁴². Маркс называет такое рабочее время – общественно необходимым. Одинаковую величину стоимости будут иметь товары на производство которых затрачено одинаковое количество общественно-необходимого рабочего времени.

На величину стоимости товара влияет сложность труда. Сложный труд в единицу времени создает большую стоимость, чем простой, неквалифицированный труд. Маркс отмечает, что сложный труд выступает как возведенный в степень, или помноженный, простой труд.

В условиях капиталистического способа производства труд потребляется в качестве рабочей силы капиталистом. Рабочая сила становится товаром. Для этого необходимо наличие людей лично свободных, но не обладающих средствами производства и в силу этого вынужденных продавать свою рабочую силу. Маркс

⁴²Маркс К. Капитал. Т.1. ... С. 47.

отличает понятие рабочей силы от понятия труда. Хотя труд есть субстанция и мера стоимостей, сам он стоимости не имеет.

Рабочая сила – это способность к труду. Как и всякий товар, она имеет стоимость и потребительную стоимость. Для нормального функционирования и воспроизводства рабочей силы необходимо постоянное удовлетворение определенного круга потребностей работника и его семьи.

Стоимость рабочей силы, выраженная в деньгах, является ценой рабочей силы, или заработной платой. Рабочая сила как товар имеет особенность создавать большую стоимость, чем стоимость рабочей силы.

Рабочая сила создает прибавочную стоимость. Появление прибавочной стоимости обусловлено тем, что работник отработал большее количество времени, чем необходимо для воспроизводства стоимости его рабочей силы. Прибавочная стоимость, таким образом, становится результатом эксплуатации рабочего. Рабочий день распадается на необходимое и прибавочное рабочее время. Необходимое рабочее время – это время, требуемое работнику для воспроизводства стоимости его рабочей силы. Прибавочное рабочее время – это то рабочее время, которое затрачивается на производство прибавочного продукта. Прибавочный продукт присваивается капиталистом.

Заработная плата понималась Марксом как превращенная форма стоимости и цены рабочей силы. Рабочая сила становится товаром, заработная плата выступает как цена этого товара. Рабочий получает плату только за необходимый труд. Маркс предполагал, что заработная плата всегда будет стремиться к уровню, который обеспечивает только процесс воспроизводства рабочей силы, так как всегда существует излишек рабочей силы. «...Капиталистическое накопление постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно избыточное, то есть избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в возрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население»⁴³. Другими словами, существование резервной армии труда препятствует росту заработной платы. «...в свою очередь становится рычагом

⁴³Маркс К. Капитал. Т.1. ... С. 644.

капиталистического накопления и даже условием существования капиталистического способа производства. Оно образует промышленную резервную армию, которой может располагать капитал...»⁴⁴ Та часть капитала, которая используется для покупки рабочей силы, называется Марксом переменным капиталом. Прибавочный труд создает прибавочную стоимость. «Прибавочная стоимость есть не что иное, как избыток того количества труда, которое даёт рабочий, над тем количеством овеществлённого труда, которое он получил в своей собственной заработной плате, в качестве стоимости своей рабочей силы»⁴⁵. При том, что степень эксплуатации рабочей силы по Марксу легко рассчитать, разделив прибавочную стоимость на стоимость рабочей силы.

Такая экономическая система, по мысли К. Маркса, является «отчуждающей». В «Экономико-философских рукописях 1844 года» К. Маркс подробно разрабатывает феномен отчуждения, выделяя его четыре формы:

1. Отчуждение от продукта труда. К. Маркс считал, что при доминировании частной собственности продукт труда не принадлежит его создателю. В этом смысле он становится чуждым производителю.

2. Отчуждение от процесса труда, самоотчуждение в процессе производства: «...в процессе труда чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает, а когда он работает, он уже не у себя... он чувствует себя не счастливым, а несчастным, не разворачивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свой дух»⁴⁶.

3. Отчуждение от своей родовой сущности. В этой третьей форме отчуждение проявляется через отношение человека к самому себе.

4. Отчуждение от других людей. В нем выражается отношение к другому человеку, процесс обособления от окружающих людей.

Таким образом, работник отчужден, прежде всего, от средств производства и результатов труда, и как следствие, от самого процесса труда. Результатом

⁴⁴Там же. С. 646.

⁴⁵Там же. С. 190-191.

⁴⁶Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. 2-е изд / К. Маркс. – М., Т. 42. С. 90.

отчужденного труда является отчуждение от человека природы, его родовой сущности, других людей, общества в целом. «Конечно, труд производит чудесные вещи для богачей, но он же производит обнищание рабочего. Он создает дворцы, но также и трущобы для рабочих. Он творит красоту, но также уродует рабочего. Он заменяет ручной труд машиной, но при этом отбрасывает часть рабочих назад к варварскому труду, а другую часть превращает в машину. Он производит ум, но также и слабоумие, кретинизм как удел рабочих»⁴⁷.

Важно отметить, что К. Маркс, опираясь на анализ самых передовых отраслей своего времени, воспринимает крупную промышленность как режим, который, под давлением конкуренции и с толчком науки, постоянно революционизирует трудовой процесс. Он анализирует производственный процесс характерный для крупной промышленности, где производство делится на его объективные компоненты. Процесс постоянно революционизируется посредством научно-технического прогресса. К. Маркс раскрывает понятие всеобщего труда. Такой труд «является напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который выступает в процессе производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы»⁴⁸. В общем виде речь идет о том, что природные силы тотально вовлекаются в производственный процесс при помощи научного познания через всеобщий труд, который уже не зависит от непосредственных затрат рабочей силы. В этом процессе проявляются всеобщие силы человека, которые составляют его подлинное величие. Маркс связывает всеобщий труд с научным трудом, считая науку непосредственной производительной силой. Автор говорит об этом так: «Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников»⁴⁹. В классическом капиталистическом производстве труд

⁴⁷Там же.

⁴⁸ Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. 2-е изд / К. Маркс. М., 1968. Т. 46, Ч. 1. С. 110.

⁴⁹Там же. С. 215.

работником сводился к простейшим операциям, тем не менее, именно машинное производство вовлекло науку в развитие производительных сил. По словам К. Маркса: «принцип машинного производства – разлагать процесс производства на его составные фазы и решать возникающие таким образом задачи посредством применения механики, химии и так далее, короче говоря, естественных наук, – повсюду становится определяющим»⁵⁰. Основной капитал в форме системы машин адекватно соответствует капиталистическим производственным отношениям. Система машин явилась итогом развития производительных сил общества и совокупности всеобщих знаний, поэтому капитал в определенном смысле явился представителем всеобщего труда. Именно под его патронажем произошло включение науки в процесс производства. Капитал способствовал приданию научного характера производству, однако ценой сведения непосредственного труда к лишь к его моменту. Однако адекватность формы еще не предполагает, что система машин «сама по себе является капиталом...»⁵¹. Маркс поясняет эту мысль следующим образом: если непосредственный труд теряет принципиальное значение в процессе производства, то «капитал, таким образом, работает над разложением самого себя как формы, господствующей над производством»⁵². Парадокс состоит в том, что благодаря развитию капитала производительные силы высвобождаются. Предел развития капитала открывает путь к действительному богатству. Производственный процесс «становится менее зависимым от рабочего времени»⁵³.

Здесь следует сказать еще о той роли, какую будет играть человек в процессе производства. Ответ Маркса заключается в том, что «рабочий помещает между собой и объектом труда уже не преобразованный природный предмет, а природный процесс, преобразованный им в промышленный процесс. Рабочий становится «рядом» с процессом производства»⁵⁴. Так, человек становится его «контролером».

⁵⁰Маркс К. Капитал. Т.1. ... С.472

⁵¹Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 гг. ... С. 207.

⁵²Там же. С. 208.

⁵³Там же. С. 207.

⁵⁴Там же. С. 221.

Суммируя сказанное по поводу всеобщего труда, важно отметить, что Маркс наметил этап в развитии труда, когда человек полно реализует свои всеобщие способности. Перестав быть «выдрессированной силой природы», субъект сможет актуализировать собственно человеческие силы.

В заключение этого параграфа резюмируем основные идеи марксистской философии. Выше мы показали, что в философии марксизма проблема труда является центральной. Важнейшим достижением теории К. Маркса является выделение труда в качестве сущности человека и подчеркивание субстанциальности труда. Через труд человек производит свое общественное бытие путем преобразования природы. Кроме того, Маркс рассмотрел труд не только как процесс, но и отношение человека к самому себе, к другим людям. Рассмотрев ряд исторических ступеней общественного развития, К. Маркс сумел вывести особенности развития общества из сущности каждого исторического типа труда. Он показал, как на этапе капитализма труд становится двойственным, поскольку сама способность к труду превращается в товар. В этом превращении – глубинная причина как колоссального роста производительности труда, так и его отчуждения. Проанализировав процессы изменения труда, К. Маркс сумел предсказать появление системы машин, как автоматизации производственных процессов, которые должны были кардинально изменить всю производственную систему.

Завершая рассмотрение классического марксизма, хочется отметить, что марксистская теория многомерна, ее методологические основания дают возможность исследовать труд на различных этапах его развития. Материалистический подход к пониманию труда строится на анализе предметной деятельности человека, преобразующей природу. Человек подчиняет природу «своей собственной власти»⁵⁵. Таким образом, способом существования человека является производство своего собственного бытия и своей сущности посредством преобразования природы и самого себя. Развитие труда определяет направление развития бытия человека – бесконечное усложнение, создание нового, обогащение

⁵⁵Маркс К. Капитал. Т.1. ... С.188.

своих способностей. Ведь, в отличие от животных, человек не находит готовых условий для своего существования в природе, а должен их произвести. По мере освоения мира происходит развитие производительных сил человека, его потребностей, способностей. Через труд раздвигаются исторические возможности человека, происходит развитие всего общества.

1.2 Осмысление труда в теориях постиндустриального общества и в концепции креативной экономики

С середины 1970-х годов современные общества вступили в новую эру ускоренного роста сектора услуг, особенно с точки зрения занятости. Рост сектора услуг четко прослеживается в долях занятости по всему миру. Причинами этого были несколько факторов. Во-первых, произошли технологические изменения. Появление микрочипа в 1970-х годах вызвало новое направление обработки данных при помощи компьютера, гибкой коммуникации и недорогой передача информации. Интенсивность обработки и передачи информации в большинстве видов деятельности создало потребность в новых услугах. Во-вторых, продолжительное увеличение доходов послевоенного периода привело к расширению таких услуг как туризм, средства массовой информации, индустрии развлечений, а также финансового сектора. В-третьих, глобальный рынок и перемещение промышленного производства в страны с более дешевой рабочей силой сместили занятость в сторону услуг. Технологические изменения создали принципиально новые возможности информационных потоков и их организации.

В таких условиях стало характерным появление концепций, направленных на переосмысление проблемы труда. Изменение прежнего значения индустриального труда метафорически обозначается современными «смерть труда».

В рамках концепций, связанных с марксизмом, развитие новых тенденций в труде не остались без должного внимания. Можно сказать, что с середины XX века в западной философии начинается этап переосмысления классического марксизма.

К примеру, Г. Брейверман в своей книге «Труд и монополистический капитал»⁵⁶ разворачивает дискуссию о теории трудового процесса. Он считает, что тейлоризм превратился во внутренний встроенный элемент самой логики капиталистического накопления, которая производит прогрессирующую деквалификацию работников (deskilling). И это относится к основной массе работников, причем работников не только физического, но в большей степени уже и умственного труда. Их труд становится все более рутинным, специализированным, подчиненным. Эксплуатация теперь основана на самом трудовом процессе, на контроле над этим процессом.

Г. Брейверман считает, что с конца XIX в. капитализм вступил в новый этап эпохи монополии. Затем он пытается объяснить характер труда в этой новой фазе. Согласно тезису Брейвермана, деквалификация возникает, когда технология сочетается с инструментами управления разделения квалифицированной задачи на более мелкие операции, которые затем могут осуществляться большим числом людей с меньшей квалификацией. Г. Брейверман отрицает технологический детерминизм, утверждая, что деквалификация лишь результат использования технологий менеджментом для повышения контроля над работником. Важнейший элемент деквалификации – это смещение контроля. Рабочий процесс, совершаемый рабочими, становится процессом, в котором контроль сосредоточен в руках отдельных работников с учетом возрастания все более простых рутинных задач. Концепция Брейвермана получила разработку в таком научном направлении, как анализ трудовых процессов LPT (Labour Process Theory)⁵⁷.

Работа Г. Брейвермана вызвала широкую дискуссию, посвященную изменениям в трудовом процессе. Критики Г. Брейвермана отмечали, что в оценке распространенности деквалифицированного труда и прямых форм контроля он игнорирует влияние автоматизации и связанных с ней новых форм контроля⁵⁸. Критикуя тезис Брейвермана, исследователи отмечают, что машины позволяют

⁵⁶Braverman H. Labor and Monopoly capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century, New York, 1998.

⁵⁷Thompson, P. The Nature of Work. London, 1983.

⁵⁸Meiksins, P. Labor and monopoly capital for the 1990s: A review and critique of the labour process debate // Monthly Review. – 1994. – vol. 46, (6) –P. 45-59.

менеджменту получать такой же контроль как в рамках тейлористской системы, но другими средствами. В отраслях, где достигнута зрелость автоматизации, трудовой процесс не следует операционному разделению труда; вместо этого все процедуры и шаги постоянно изменяется в соответствии с основанными достижениями в науки и техники. Разделение труда является основным механизмом удешевления труда только в отраслях, которые до сих пор не достигли зрелости. Ссылаясь на К. Маркса, критики показывали, что формы контроля различаются в переходе к автоматизированному производству, когда контроль объективируется в системе машин.

Итак, Г. Брейверман высказал ряд важнейших доводов против той экономической системы, которая сложилась в современном ему обществе. Однако, на наш взгляд, автор не учел, что автоматизированное производство преодолевает все предшествующие барьеры на пути развития производительных сил.

Одной из наиболее обсуждаемых концепций современного общества является постиндустриальная теория, которая, начиная с 60-х гг. XX в., получила широкую разработку в социальных науках. Наиболее основательно концепция постиндустриального (информационного) общества исследовалась, Д. Беллом, Э. Тоффлером, М. Кастельсом, П. Дракером, А. Туреном, И. Масудой, Т. Стоуньером, М. Постером, Д. Рисманом, М. Маклюэном и другими.

Ф. Уэбстер в работе «Теории информационного общества» предпринимает попытку классифицировать подходы, которые считают, что информации принадлежит ключевая роль в современном мире. Автор выделяет следующие критерии классификации: технологический, экономический, пространственный. Кроме того, выделяются критерии, связанные со сферой занятости, с культурой, а также критерий качества и количества. Исходя из этих критериев, Уэбстер выделяет теоретиков постиндустриализма (Д. Белл и его последователи), информационного капитализма (М. Кастельс), постмодернизма (Ж. Бодрийяр, Дж.Ваттимо, Ж – Ф Лиотар, М. Постер), гибкой специализации (М. Пайор, Ч. Сейбл, Л. Хиршхорн) и противопоставляет им неомарксистские исследования.

Согласно «технологическому подходу», возникновение нового общества определяет развитие ИКТ (информационно-коммуникационных технологий). Главный упрек, адресованный Уэбстером этому подходу, состоит в отсутствие ответов на вопрос какого уровня развития должны достигнуть ИКТ, чтобы можно было говорить об информационном обществе. Критике подвергается технологический детерминизм подхода. Иначе говоря, чрезмерная редукция общественных отношений к технологическим условиям.

Согласно «экономическому подходу», предполагается учет роста экономической ценности информационной деятельности. Уэбстер указывает на субъективизм исследователей в интерпретациях и оценках. Уэбстер критикует размытость критерия категориального разделения занятий. Исходя из этого подхода невозможно определить статус и иерархическое место в системе власти информационных работников.

Также Уэбстер рассматривал исследования с «пространственным подходом», критикуя их за то, что они оперируют понятиями информационных сетей, при этом не определяя ключевого понятия «сеть». Исходя из этого остается не раскрытым вопрос – до какого уровня должна развиваться сеть, чтобы соответствовать информационному обществу.

В «культурологическом подходе» Уэбстер находит проблемы, связанные с количественным анализом медианасыщенности, символичности среды и ее информативности.

Таким образом, Уэбстер не считает ни один подход убедительным, и поэтому скептически относится к подходам, выделяющим информационное общество как особый тип капитализма. Сам же Уэбстер предпочитает рассматривать современное общество качественно не отличающимся от классического капитализма.

Попытаемся вслед за Уэбстером рассмотреть наиболее известные теории постиндустриального (информационного) общества, сконцентрировавшись на наиболее важных и обобщающих положениях, связанных с проблемой труда, в особенности творческого труда.

Исследование «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» Д. Белла ознаменовало начало длительной дискуссии о сущности и перспективах развития постиндустриального мира. В последующие десятилетия данная теория получила ряд новых интерпретаций.

В концепции постиндустриального общества выделяются три основные идеи: во-первых, основой общественных изменений становится возрастающее значение информации. Прежде всего, информация превращается в главный ресурс, сырье, предмет и продукт нового производства. Во-вторых, экономика переориентируется на производство услуг с производства товаров. Услуги, воздействующие на самого человека, а не на природу, становятся важнейшей сферой экономической деятельности. Наконец, ядром новой социальной структуры являются профессионалы. Под профессионалами автор понимает людей, чей труд направлен на переработку информации и насыщен знаниями.

Так, Белл отмечает, что общество проходит три ступени развития: доиндустриальную (аграрную), индустриальную и постиндустриальную (информационную). Доиндустриальная ступень основана на отраслях, обеспечивающих добычу и первичную обработку ресурсов. Труд на этой ступени чаще всего неквалифицированный, основан на традициях. Индустриальный строй радикально отличается от доиндустриального. Добыча сменяется производством, работник становится более квалифицированным, основным ресурсом является энергия. Наконец, постиндустриальное общество противопоставляется индустриальному. В новых условиях возрастает значение информации, ключевую роль приобретает теоретическое знание, социальное значение начинают играть инженеры и ученые, как носители кодифицированного знания, необходимого для прогнозирования хозяйственных и социальных процессов. Автор отмечает, что теоретическое знание начинает играть ведущую роль. Несмотря на то, что каждое общество опиралось на знания, именно сейчас теоретические исследования фундаментальных наук оказывают решающее влияние на технологический прогресс. Таким образом, знание и информацию Белл считает не только

катализатором развития постиндустриального общества, но и его стратегическим ресурсом.

Так, основной идеей постиндустриальной теории является предположение, что современное общество – это принципиально новое социальное состояние, адекватная оценка которого возможна лишь при отказе от экономического детерминизма. Постиндустриальное общество рассматривается как совокупность «технико-экономической системы, политического строя и культуры»⁵⁹. Технико-экономическая система состоит из системы занятости, технологии и экономики. Экономизация, иными словами, способ получения ресурсов через наименьшие затраты, является ее осевым принципом. Распределение власти между группами и отдельными людьми решается политическим строем. Здесь осевой принцип – участие»⁶⁰.

Осевым принципом культуры является развитие и реализация своей личности через символизм и выразительность. «В прошлом, – пишет Белл, – три этих сферы связывались общей системой ценностей (а в буржуазном обществе еще и общим характером структуры). Но в наши времена имеет место их нарастающая разъединенность, и в силу причин ... таковая будет усиливаться»⁶¹.

Главная же проблема, по словам Белла, будет состоять в конфликте между группами (ситусами), что послужит разрушению классовых групп. Так, классы перестанут играть роль в обществе. Ситусы делятся на функциональные (технический, научный, культурный и административный) и институциональные (государственные учреждения, экономические предприятия, социальные комплексы, университеты и научно-исследовательские центры, армия).

Важным является то, как постиндустриальная теория фиксирует изменения формы и содержания современного труда. С одной стороны, происходит углубление разделения труда, связанное с его усложнением. С другой стороны, труд становится более универсальным, что выражается в востребованности умений, задействованных в труде, не столько специфических, сколько

⁵⁹Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 42.

⁶⁰Там же. С. 95.

⁶¹Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество ... С.16.

междисциплинарных, общих знаний. Автор постиндустриальной теории отмечает возрастание значения творческого труда и потенциальную его массификацию. Однако, утверждает Белл, труд перестает быть тем фактором, который определяет общество: «существенным фактом выступает то, что тема труда как такового не является центральной, она не имеет уже социологического и культурного значения, поляризующего и определяющего все другие темы. Тема труда остается в экономике, но не в социологии и культуре»⁶².

Как и Белл, социолог Э. Тоффлер, развивает тему зарождения нового типа общества, отмечая в развитии цивилизации три стадии. Такие периоды развития цивилизации Тоффлер метафорически называет волнами. Первую волну автор связывает с сельским хозяйством. Вторая основывается на промышленном производстве. Третья же волна в технологическом плане характеризуется, прежде всего, созданием турбоактивной авиации, космической техники и компьютерных технологий. Характерно, что деление Тоффлером истории (доиндустриальная, индустриальная и постиндустриальная эпохи) связано со специфическими видами производства: вещества – энергии – информации. Тоффлер рассматривает информацию в качестве «одного из главных видов сырья, причем неисчерпаемого»⁶³.

Автор также отмечает изменение трудовых отношений, связанных с тем, что современный труд не столько производит вещи, сколько производит символы. В связи с этим возникает новый тип работника в «экономике суперсимволов». «Экономика суперсимволов» нуждается в творческом, разностороннем и высококвалифицированном работнике. Рабочий процесс требует вовлечения не только интеллекта, но и воображения, эмоций, интуиции. Организация труда становится гибкой и индивидуализированной. Символический работник должен уметь рисковать, добывать знания и управлять их распространением. В результате, как считает Тоффлер, классические представления о мотивах труда, применимые для массового производства и потребления, потеряли свою значимость. В массовом

⁶²Там же. С. 49.

⁶³Тоффлер Э. На пороге будущего //Американская модель: с будущим в конфликте. М. 1984. С. 33

сознании закрепляется идея ценности труда самого по себе, независимо от получаемого вознаграждения. Рабочий не является более объектом подневольного и механического труда. Он, напротив, участвует в принятии решений и становится независимым субъектом творческого, по своей сути, процесса. «Компании третьей волны, – утверждает Э. Тоффлер, – не увеличивают свои прибыли посредством выжимания пота из своих рабочих. Они достигают своей цели не тем, что делают труд более тяжелым, а тем, что работают более умело»⁶⁴.

Одной из наиболее интересных и масштабных работ, анализирующих глобальные трансформации в обществе, стала работа М. Кастельса «Информационная эра: экономика, общество и культура»⁶⁵.

Согласно Кастельсу, современную ступень развития капитализма можно назвать информационным капитализмом. Автор приводит следующую классификацию этапов истории развития общества: аграрный, индустриальный и информационный. Аграрный способ связан с определяющим значением «количества труда и природных ресурсов»⁶⁶. Индустриальный способ основывается на новых энергетических источниках. Информационный определяется производством знаний. Притом, по мнению Кастельса, различия информационного и индустриального способов не так сильны, как различия индустриального и аграрного способа.

Специфика нового этапа заключается в революционном распространении информационных технологий. Под воздействием технологических изменений происходят существенные сдвиги в экономических и управленческих структурах. Сложную иерархическую пирамидальную структуру повсюду заменяет «плоская сетевая структура»⁶⁷. Результатом является смена «вертикальных бюрократий» на «горизонтальные корпорации»⁶⁸.

⁶⁴Тоффлер О. Будущее труда //Новая технократическая волна на Западе. М.,1986. С. 254

⁶⁵См. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

⁶⁶См. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

⁶⁷См. Кастельс М. Становление общества сетевых структур //Новая постиндустриальная волна на Западе. М.,1999. С. 494-505.

⁶⁸Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 37.

Труд также претерпевает существенные трансформации. Автор считает, что важнейшим фактором развития информационной экономики является производство рабочей силы, обладающей качеством «самопрограммирования». Кастельс отмечает, что профессионал более не привязан к работодателю, а сам контролирует свою карьеру, превращаясь в «самопрограммирующуюся рабочую силу»⁶⁹. Вовлечение наемных работников в сетевую структуру организации осуществляется посредством методов гибкой организации труда, которые интегрируются в управление человеческими ресурсами.

В отличие от ранее рассмотренных авторов, Кастельс видит не только светлую сторону таких изменений. Труд характеризуется возрастанием индивидуализма, которое выражается в раздробленности по организационному признаку.

Еще одна концепция, схожая по своей аргументации с постиндустриальными теориями, – концепция креативной экономики и культурных индустрий. Впервые понятие «культурная индустрия» встречается в работах Т. Адорно и М. Хоркхаймера. В 1947 г. в книге «Диалектика Просвещения» в главе «Культуриндустрия. Просвещение как обман масс» авторы рассмотрели процесс капитализации и индустриализации искусства. Согласно представителям Франкфуртской школы, синтез культуры и развлечения привел к появлению особой разновидности товара – стандартизированного искусства. «Техника культуриндустрии была превращена в феномен стандартизации и серийного производства»⁷⁰. Такой товар превращается в средство манипуляции и эксплуатации, порождая «удобную» ответную реакцию потребителей на стереотипные сообщения. Таким образом, «машинерия» индустриального общества заполняет все сферы общества. «Могущество индустриального общества подчиняет себе человека раз и навсегда»⁷¹.

Т. Адорно и М. Хоркхаймер были первыми, кто актуализировал проблематику культурной индустрии. Позднее понятие культурной индустрии

⁶⁹Там же. С. 114.

⁷⁰См. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. СПб., 1997.

⁷¹Там же.

перемещается в экономические науки, а в конце 1970-х годов появляется теория культурной индустрии. Концепция постепенно утратила социально-критическое содержание, сосредоточившись на анализе так называемых «творческих индустрий».

Согласно определению Департамента культуры, медиа и спорта правительства Великобритании (The Creative Industries Mapping Document, 1998, UK), под творческой индустрией понимается «деятельность в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант и которая может создавать добавленную стоимость и рабочие места путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности, и должна стать основой экономики страны»⁷².

Д. Тросби, определяет креативные индустрии, как «различные отрасли, в которых менеджмент творческого труда занимает центральное значение, результатом деятельности которых являются продукты с высокой долей символической ценности и которые капитализируются за счет эксплуатации интеллектуальной собственности»⁷³.

Стремительное развитие «творческого» сектора экономики: средства массовой информации, кинематография и звукозапись, издательский бизнес, производство программного обеспечения, производство видеоигр, исполнительские виды искусства и так далее) – привлекло внимание теоретиков, стремящихся осмыслить трансформацию современного общества.

Например, Р. Флорида считает, что в современной экономике появляется особая социальная группа, которая является движущей причиной развития общества⁷⁴. Согласно автору, именно творческие работники («креативный класс»), становятся «ядром» и движущей силой «нового» общества. Аргументируя данную позицию, Флорида приводит обширный эмпирический материал, указывающий на то, что экономический рост регионов определяется концентрацией, проживающих

⁷²Department for Culture, Media and Sport [Электронный ресурс] // Сайт Департамента культуры Медиа и спорта Великобритании. Электрон. дан. [Б. м.], 2017. URL: <http://www.creativitycultureeducation.org/research-impact/explorerresearch/creative-industries-mapping-document-1998,10,PAR.html> (дата обращения 12. 06.2018)

⁷³См. Тросби Д. Экономика и культура. М., 2013

⁷⁴См. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2005.

в этом месте творческих людей. Флорида констатирует, что в наши дни компании переезжают туда, где сосредоточены квалифицированные специалисты, а не наоборот.

По мнению автора, склонность к определенной ценностной системе, в которой важнейшее место занимает выражение таланта, получение качественного образования и толерантное отношение ко всему многообразию, является основным критерием принадлежности к креативному классу. Таким образом, в формировании креативного класса большую роль играют не столько трудовые отношения, сколько ценностная система. Основным стимулом к труду креативного класса становится определенный образ жизни. Для них, по мнению Флориды, особое значение имеют возможность проявить индивидуальность, высокая оценка их способностей и ориентация на разнообразие и открытость. Кроме того, креативному классу важна ценность их деятельности для других людей, интересное содержание их работы, гибкие условия труда, повышение квалификации.

По мнению Ричарда Флориды, модернизация, гибкость и темп становятся ключевыми факторами новой экономики. Креативная экономика, составляющими частями которой являются инновации, разнообразие и индивидуальный стиль, оказывает сильнейшее воздействие на скорость перемен в обществе.

В состав креативного класса входят множество профессий: программисты, математики, архитекторы, инженеры, преподаватели естественных и социальных наук, исследователи, дизайнеры и др. Р. Флорида считает, что представители этих профессий составляют ядро креативного класса. Помимо ядра к креативному классу относятся профессионалы, такие как топ-менеджмент, предприниматели и финансисты.

Итак, высокая концентрация творческих работников ведет к значительному росту инноваций, появлению прогрессивных предприятий, и как следствие, возникают новые рабочие места, и происходит рост экономики региона. Регион будет развиваться, если в нем сложился определенный рынок труда творческих работников. Такие работники демонстрируют специфический стиль жизни, в которых традиционное деление на «дом», «работу», «досуг», по мнению Флориды,

больше не имеет значения. Для креативных профессионалов яркий досуг и отсутствие жестких ограничений времени и пространства являются важной характеристикой образа жизни, к которому они стремятся. В силу высокой мобильности этой ключевой для современной экономики группы, регионы вынуждены конкурировать за них и подстраиваться под их жизненный стиль.

Автор считает, что наличие крупного научно-исследовательского университета улучшает качество жизни в регионе, давая ему преимущество перед другими регионами. Вокруг университета происходит взаимообмен между передовыми предприятиями и научными сотрудниками университета, что приводит к синергетическому эффекту и самовоспроизводству творческой среды. Все эти факторы влияют на то, что университеты улучшают качество жизни и расширяют количество представителей креативного класса.

Общим местом в критике взглядов Флориды стало замечание об отсутствии у автора четких критериев принадлежности к креативному классу, само же понятие класса в работе Флориды не определено. Критерии Р. Флориды аксиологические: единство норм, ценностей, подходов, вкусов и предпочтений. В анализе класса автор тяготеет к выделению, прежде всего, жизненных установок креативного класса, сосредотачивается, в первую очередь, на рассмотрении характерных для него ценностей и поведенческих практик.

Впрочем, констатация ценностных изменений, происходящих в современном обществе, становится повсеместной. Так, Р. Инглхарт, опираясь на опросы общественного мнения в западных странах, показал, что материальное благополучие послевоенного времени привело к росту «нематериалистически» мотивированного слоя населения⁷⁵. Используя теорию мотивации А. Маслоу, автор отмечает, что преобладание «постматериалистических ценностей» в том или ином обществе отражает стадию его общего экономического и социального развития. Причинами формирования постэкономических ценностей, согласно ученому, является, во-первых, то, что новое поколение выросло «в условиях

⁷⁵Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011. С. 33-43.

исключительной экономической безопасности». Во-вторых, стала очевидной корреляция между образованием и достатком. Это, в свою очередь, изменило отношение человека к информации, что простимулировало генерацию новых знаний.

Характерно, что постматериалисты, отмечает Инглхарт, «имеют лучшую работу, солидное образование и более высокие доходы, нежели материалисты; однако для ценностей, на которые ориентируются постматериалисты, характерен отказ от акцента на экономический успех»⁷⁶. Экономическому успеху постматериалисты предпочитают интересную, осмысленную, творческую работу.

Отечественный исследователь постиндустриального общества В. Л. Иноземцев также предлагает трактовку современного общества как постэкономического. По мысли автора, труд, как типичная активность экономической эпохи, вытесняется творческой деятельностью. Творчество, по мнению Иноземцева, – качественно отличный тип деятельности, скрывающий в себе основные признаки постэкономического общества. Автор пишет, что «постэкономическое общество возникает тогда, когда преодолевается труд как деятельность, диктуемая внешней экономической необходимостью, а на смену ему приходит активность, побудительным мотивом которой служит стремление человека к самосовершенствованию»⁷⁷. По Иноземцеву, такие изменения приводят к преодолению отчуждения труда.

Ограниченность данного подхода, на наш взгляд, заключается в отождествлении рыночной модели с экономической, а акцент на главенствующей роли мотивационного фактора приводит к пониманию, что основой современного общества является по преимуществу творческая духовная деятельность. Такой вывод затушевывает значение производственного сектора экономики. По нашему мнению, так называемые «постматериалистические» ценности, широкое распространение которых свидетельствует об усложнении труда, развитии его творческого содержания, являются следствием, а не причиной изменения труда.

⁷⁶Там же.

⁷⁷Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 80.

Действительно, духовная деятельность, знания, как результат творческого труда, ценность самовыражения становятся особенно важными в современном мире. Однако духовная деятельность имеет такое значение, если входит в производственный процесс. Знания должны воплощаться в виде средств производства, в новых формах организации труда и так далее. Как отмечает В. Черковец, «ключевая роль труда как субъекта производственного процесса не подрывается и не ослабляется, – она, можно утверждать, даже усиливается – благодаря развитию интеллектуальных технологий, востребованию самим материальным производством широкого фронта информации и высоких профессиональных знаний. Развитие творческого характера труда становится на этой базе объективной необходимостью и результатом изменения самого содержания труда»⁷⁸.

Ряд ученых (У. Бек, Дж. Рифкин, З. Бауман) ставят вопрос не просто о «замене труда творчеством», но и о «будущем без труда», «смерти труда». Дж. Рифкин проводит мысль о конце существования работы как таковой⁷⁹. Информационная эпоха, по мнению автора, приближает мир к состоянию, когда исчезнут почти все работающие. Данный тезис Дж. Рифкин подтверждает тем фактом, что уже сейчас во всех секторах экономики живой труд замещается автоматизированным трудом. Вытеснение людей из производственного процесса, а также введение компьютеризированных технологий не уменьшило, а наоборот, резко увеличило социальную напряженность. Автор отмечает, что общество становится глубоко поляризованным: средний класс приходит в упадок, что представляет угрозу для политической стабильности. Когда общество добьется полного замещения человека в производстве, необходимо будет полностью пересмотреть роль людей в социальном процессе. Отсутствие формальной массовой занятости, как считает Рифкин, станет самой главной проблемой столетия. Если же не принять соответствующие меры, то неизбежны социальные и политические потрясения во всем мире. Потребуется сокращения трудовой недели

⁷⁸Черковец В. Н. О содержании понятия "Реальный сектор экономики" и роли материального производства (материалы к лекциям и семинарам) //Российский экономический журнал. 2001. №. 11. С. 12.

⁷⁹См. Rifkin J. The end of work. Social Planning Council of Winnipeg. New York, 1996.

во всех странах, а также согласованные усилия по обеспечению альтернативной занятости в «социальной экономике». Именно к этому сектору, пишет Рифкин, будут обращаться люди для удовлетворения своих социальных и индивидуальных потребностей.

Подведем предварительные итоги: критика методологической парадигмы «трудового общества», на наш взгляд, является слабой стороной представленной концепции. Однако автор правильно подметил важнейшие черты современного общества: изменение социальной структуры общества, возрастание неравенства и безработицы, необходимость развития социального сектора экономики.

В целом концепция постиндустриального общества является важным теоретическим вкладом в осмысление изменений современных форм труда. В данной концепции приведен широкий фактический материал, требующий дальнейшего философского осмысления. Однако в основании представленных взглядов лежит технологический детерминизм, который делает акцент лишь на внешних проявлениях труда, на основании которых делаются выводы о природе социальных изменений. Проблема труда в основном связывается лишь с темами профессиональной стратификации, занятостью, безработицей, организацией рабочих процессов, мотивацией и так далее. Следует отметить, что в содержательном плане постиндустриальная парадигма адекватно описывает современные социальные трансформации в следующих идеях: тезис о выдвигании науки и универсально развитого человека в качестве доминирующих элементов в структуре общества. Тем не менее, в стороне осталось философское осмысление природы новой формы труда.

Кроме этого, многие исследователи выделяют следующие слабые черты теории постиндустриального общества: стадийный подход к анализу общеисторического процесса, технологический детерминизм, в целом идеалистическое понимание общества и истории, отказ от трудовой парадигмы. Слабой стороной, на наш взгляд, является акцентуация внимания на ведущей роли сферы услуг по сравнению с материальным производством. Известно, что большинство видов деятельности в сфере услуг и в так называемых культурных

индустриях являются либо новыми, либо имеют различные препятствия на пути автоматизации. Следовательно, в них занято гораздо больше работников, чем в автоматизированных отраслях. Вопреки другим секторам, которые совершили переход к автоматизированному производству, вытесняя работников, многие виды деятельности в сфере услуг не сделали этого, тем самым вынуждены были поглощать растущую долю работников, занятых в экономике.

Тем не менее, без обращения к историческому развитию каждой отрасли трудно правильно определить, является ли определенная сфера труда продуктом продвинутого этапа трансформаций трудового процесса или, наоборот, следствием его эмбрионального развития. Распространенной ошибкой является заключение, что относительно новая отрасль экономики представляет собой более продвинутый этап в организации труда. В действительности же получается наоборот. Другими словами, новые виды деятельности обычно представляют собой не более продвинутые формы организации труда, а более отсталые. Поэтому они чаще выражают меньше общих тенденций развития труда. Соответственно и сфера услуг не является выражением тенденции развития труда в середине XX века.

Таким образом, можно сделать вывод, что в постиндустриальном дискурсе проблема труда рассматривается достаточно узко. Акцент делается на экономическом и социологическом измерении труда и не затрагиваются фундаментальные вопросы сущности и ключевых особенностей труда. Следует констатировать ограниченный характер понимания труда в концепциях, которые делают акцент лишь на конкретных элементах труда, оставляя без внимания наиболее существенные его черты.

1.3 Концепция труда в философии современного итальянского неомарксизма (постопераизма)

Проблемы «нестыковки» теории и практики марксизма породили различные направления критической мысли, которые, с одной стороны, стремились оставаться частью марксистского подхода, с другой стороны, вышли за его

пределы. Многие исследователи, которые придерживались марксистских взглядов, совершили определенный переход на альтернативные позиции, а сам марксизм представлен многообразными школами и направлениями.

Действительно, марксистская философия в своем развитии следует за трансформациями капиталистических отношений. Мировая капиталистическая система оказалась очень гибкой, отношения в рамках этой системы постоянно усложняются, поэтому для марксизма интерпретация нового материала и пересмотр традиции является важнейшей частью обновления социальной теории. Авторы, которые пишут в этом ключе, условно называют неомарксистами. Оговоримся сразу, что такое соотнесение авторов и направления не всегда является точным, тем не менее, под понятие неомарксизм попадают критически ориентированные авторы, которые используют марксистский категориальный аппарат, но, так или иначе, пересматривая теоретические положения классического марксизма⁸⁰.

Важно, что не все модификации марксизма сохранили интерес к проблематике труда. Исходя из этого, для нашего исследования особое значение имеет то направление современного марксизма, которое не просто сохранило труд как отдельный предмет научного рассмотрения, но и предложило новое объяснение того, как в силу трансформации труда появляются совершенно особенные формы существования общества. Таким направлением является постопераизм.

Постопераизм, как идейное течение, возник из операизма, который параллельно со «структурным марксизмом» и постструктурализмом внес особое понимание общественного производства в 1960-х годах. Операизм стал теоретическим полем для новых левых интеллектуалов, которые развивая марксистскую теорию, осознавали при этом невозможность в полной мере оперировать аппаратом классического марксизма в современных им условиях. В течение десятилетий теория операизма влияла на сопротивление итальянских рабочих. Операисты дистанцировались от классического представления о необходимости освобождения труда, т. к. считали, что труд, организованный по

⁸⁰См. Грецкий М.Н. Неомарксизм // Словарь современной западной философии. М., 1991. С. 199-201.

образцу конвейерного производства, не может быть свободным. Соответственно нужно освободиться от труда вообще. Путем освобождения стали саботаж, забастовки отказ от работы и проч. Все это должно было, по мысли операистов, подтолкнуть капитализм к распространению автоматизированного производства и освобождению рабочих от труда.

Мировую известность это направление марксизма получило только к началу XXI, трансформировавшись в постопераизм. Несмотря на серьезную критику, которую постопераизм получил от марксистов различных направлений, эта концепция способствовала значительному повышению интереса к марксизму в современной интеллектуальной среде. Особенно востребованы оказались такие концепты как «нематериальный труд», «социальный индивид», «множество», «всеобщий интеллект», характерные для постопераистского подхода. Важно понять в какой степени концептуальные рамки постопераизма могут помочь понять логику развития общества вообще и труда в частности.

Способ теоретического осмысления труда в философии постопераизма отличается от других течений неомарксизма. На первый план теории выдвигают проблему субъекта, который может действовать в новых исторических условиях. Для них важно рассмотреть вопрос формирования субъективности и механизмов ее действия. Кроме того, исследователи стремятся освободить концепцию труда от экономического редукционизма, но сохранить труд как базовое основание капиталистических отношений.

Итак, постопераизм является важнейшим марксистским течением в современной философии. Главные представители постопераизма: А. Негри, П. Вирно, М. Лаззарато, Б. Берарди и другие. Они попытались переосмыслить марксистскую философию, соединив ее с постструктурализмом. В итоге такой теоретический «гибрид» марксистской философии и французского постструктурализма был воспринят как настоящая «коперниканская революция»⁸¹ в рамках марксизма.

⁸¹Turchetto M. From «Mass Worker» to «Empire»: The Disconcerting Trajectory of Italian Operaismo [Электронный ресурс] // Critical Companion to Contemporary Marxism. 2008. №16. P. 285-308. Электрон. версия печат. публ. [Б. м.].

Отправной точкой социальной философии почти любого направления современного западного неомарксизма является постановка вопроса о субъекте социальных изменений. Резкое сокращение частичных работников и возрастание доли высококвалифицированных работников обострили вопрос классовой структуры общества. Занятые высококвалифицированным трудом работники разительно отличаются как от традиционных работников, так и друг от друга. Например, Б. Берарди использует термин «семиокапитализм»⁸², объясняя через него особенности современной экономической системы, в которой производство информации играет ключевую роль. Такой взгляд сближает автора с концепциями постиндустриального (информационного) общества. Впрочем, отличием является то, что главным действующим лицом общественного процесса становится «когнитариат». Это своего рода сплав «пролетариата» и латинское *cognitio* (познание).

Для философии постопераизма ключевым именем является А. Негри. В поисках субъекта социальных изменений А. Негри в соавторстве с М. Хардтом отталкивается от концепта народа противопоставляя его «множеству». Как очень точно прокомментировала Т. Чижова, целью введения категории «множества» является объединение всех работников «под знаком класса эксплуатируемых»⁸³.

Итогом этих рассуждений становится следующая мысль: пролетариат, как субъект социальных изменения классического капитализма, сменяется множеством в условиях нового типа капитализма. Этот тип капитализма сформировался под воздействием изменений самого труда, который теперь основывается на языке, воображении, информации и креативности. Таким образом, труд становится нематериальным.

На разработку концепта множества в рамках постопераизма оказали определяющее влияние работы Делёза и Гваттари. А. Негри М. Хардт следует не только за Делёзом и Гваттари, но и за Альтюссером и Спинозой. Вывести всеобщие

⁸²Берарди Ф. Что значит автономия сегодня? [Электронный ресурс] // Anti-Job – Электрон. дан. – [Б. м.], 2019. URL: http://antijob.net/class_war/id609/ (дата обращения: 08.06.2019).

⁸³Чижова Т. Грамматика множества Паоло Вирно: к проблеме субъекта политического действия в эпоху постфордизма // Топос. 2013. № 1. С. 137.

богатства за границы капитала, по мнению исследователей, может множество, так как продукты их труда носят нематериальный характер. Соответственно, их потребление не разрушает производимое благо, а приумножает его. А. Негри и М. Хардт считают, что в основе труда множества лежит интеллект, который по своей природе социален. При том, что такой интеллект нельзя субъективировать, он утрачивает свое воплощение в разуме отдельного человека, а «обладает «разумом пчелиного роя»⁸⁴. Коллективный разум является следствием коммуникации, а существование множества становится похожим на существование языка. Разница здесь в том, что множество в отличие от языка само является активным субъектом. Множество не является массой, народом или толпой. Если масса, народ, толпа утрачивает свою активную позицию, уходят, по словам Ж. Бодрийяра «в мир частной жизни»⁸⁵, то множество в своем единстве не перестает быть субъектом, не растворяется в сети коммуникации, сохраняя свое многообразие. «Членам множества нет нужды становиться одинаковыми или отказываться от креативности»⁸⁶, оставаясь внутренне различными, они внутренне организованы и способны управлять сами собой. Как указывают А. Негри и М. Хардт, современное производство переходит к организации в гибкие или гибридные сети. Структура крупного промышленного капитала совпадает с самим обществом, которое также рассматривается как предприятие, что стало возможным за счет возрастания информационного производства и доступности телекоммуникаций⁸⁷.

Нематериальный труд в работах Хардта и Негри предстает как производство биополитического, то есть самой жизни. Работники производят отношения, идеи, эмоции, все это включается в современную капиталистическую экономику. Нематериальный труд становится основой, как материального производства, так и общественного воспроизводства.

Итак, основной идеей концептуальных объяснений социальных перемен является утверждение, что на авансцену современного производства выходит

⁸⁴Хардт М, Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С.121.

⁸⁵Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000. С.17.

⁸⁶Хардт М, Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи ... С.122.

⁸⁷Там же. С.139.

нематериальный труд, а промышленный труд теряет свое привилегированное положение. Гегемония нематериального труда связана с ведущей ролью интеллекта, коммуникации и языка, которую они начинают занимать в любом типе труда. Понятие гегемонии труда отражает доминирующую форму труда, но не в количественном, а в качественном отношении. Эта форма подразумевает не только тенденцию роста спроса на работников нематериальной сферы, но и то, что любой труд перенимает характеристики нематериального труда. Такими характеристиками являются, во-первых, что все большее значение в любом труде играют интеллектуальные и лингвистические задачи. Во-вторых, происходит внедрение информационных и коммуникационных технологий. В-третьих, растет важность нематериальных форм собственности. Наконец, важное значение в современном труде имеет так называемая аффективная сфера. Аффективный труд не овеществляется, а существует как некое событие, эмоциональное проявление или фон. Такой труд в наиболее явном виде представлен в сфере услуг или в культурных индустриях, но не сводится только к ним. Можно сказать, что аффективный труд является важной составляющей любой современной работы. Под ним возможно понимать любую деятельность, которая провоцирует эмоциональные реакции. Исследователи определяют этот труд как процесс, создающий определенные «психологические» состояния (непринужденность, благополучие, удовлетворение, беспокойство, страсть)⁸⁸.

Разумеется, А. Негри и М. Хардт понимают, что, описанные ими характеристики труда, развиваются неравномерно в глобальном мире. Фактически, те особенности нематериального труда, которые выделяются авторами, в явном виде представлены только в центрах капиталистической экономики, физический же труд перемещается на периферии мировой экономики. Тем не менее, и в центрах глобального мира нематериальный труд не выступает как «какой-то рай»⁸⁹. Напротив, он пронизан многими социальными антагонизмами, которые обусловлены тем, что границы труда и жизни вне труда предельно размываются,

⁸⁸Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи ... С.139.

⁸⁹Там же. С.187.

сама жизнь становится производством, но особым производством – производством субъективностей. Именно производство субъективностей и присваивание этих субъективностей становится целью современного капитализма. Однако труд современного работника обладает способностью производить избыток, который не может быть присвоен капиталом. Такой избыток связан с тем, что труд становится креативным, наполненным компетенциями, общими знаниями, на которые невозможно наложить запрет распространения, присвоить, превратить в частную собственность.

По мнению М. Хардта и А. Негри, крупные организации должны перестроить свое управление, так как для того, чтобы эффективно действовать в современном мире, им необходимо работать с «различием», быть гибкими и мобильными. Национальные границы для таких организаций раздвигаются, поэтому чувствительность к культурному разнообразию становится объективной потребностью. «Корпорации пытаются сделать «различие» частью своей внутренней среды и, таким образом, стремятся максимизировать креативность, свободную игру и разнообразие корпоративной деятельности»⁹⁰. М. Лаззарато пытается свести концепцию нового труда к синтетическому термину нематериального труда. В это понятие он вкладывает следующий смысл: с одной стороны, нематериальный труд создает культурные и информационные товары, с другой стороны, в него включаются такие процессы, которые ранее не считались трудом. Через них происходит формирование потребительских предпочтений, вкуса, художественного стандарта, общественного мнения. Наконец, такие изменения радикально преобразили саму организацию производства. По мнению М. Лаззарато, в нематериальном труде взаимно переплетаются собственно физический и умственный труд. «Нематериальный труд, по мысли постопераистов, направлен не на создание непосредственного «продукта», а на то, какого человека он производит в форме своего конечного результата»⁹¹.

⁹⁰Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи ... С.187.

⁹¹Григорова Я. В. Концепция нематериального труда в философии постопераизма и ее критика / Я. В. Григорова, В. С. Гриценко // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 2. С. 41.

При этом важно не столько то, каков его непосредственный «продукт», сколько то, какого человека он производит. Производство человека определяется расширением возможностей проявления творческого мышления. Реальность такова, что теперь «каждый работник становится «умственным работником»»⁹². Физический труд все больше включает в себя интеллектуальные операции, в которых важную роль играет «неявное знание»⁹³. При этом неявное знание не может быть подвергнуто полной формализации, оно, можно сказать, не переводимо на язык технологических систем. Труд работников происходит в форме сетей и потоков «бассейне нематериального труда»⁹⁴. Так, М. Лаззарато метафорически выражает особенность организации нематериального труда, когда цикл производства запускается по требованию. Такое растворение в производственных потоках негативно воздействует на работника, обостряя его неустойчивое положение. Работники-фрилансеры вместо свободы получают гомогенную жизнь, неотделимую от работы⁹⁵.

Заметим, что М. Лаззарато понятие нематериального труда не отрицает труда физического, скорее автор пытается показать, что труд наполняется информатизацией и коммуникацией. Нематериальный труд не утопическая свободная творческая работа, а ядро социальных и политических противоречий. Он подвергается эксплуатации, как и любой другой труд, однако, учитывая его аффективный, символический, событийный характер, такая эксплуатация затушевывается, когда «... общительность, речевые способности и внешняя привлекательность являются частью требований, предъявляемых рынком труда»⁹⁶.

По мнению Лаззарато, роль общественности – обеспечивать продуктам «место в жизни». «Преобразование продукта в товар не отменяет этот двойной процесс «креативности»; скорее принимает его как должное, пытаясь управлять им

⁹²Лаззарато М. Нематериальный труд [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2008. №. 69. Электрон. дан. [Б. м.], 2008. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrln-trd/> (дата обращения: 08.03.2019).

⁹³См. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Благовещенск, 1998.

⁹⁴Лаззарато М. Нематериальный труд [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2008. №. 69. Электрон. дан. [Б. м.], 2008. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrln-trd/> (дата обращения: 08.03.2019).

⁹⁵Там же.

⁹⁶Там же.

и подчинять собственным ценностям»⁹⁷. Таким образом, отмечает Лаззарато, старая дихотомия «умственного и физического труда», или же «материального и нематериального труда», уже не способна описать новую природу производственной деятельности. Доминантной формой теперь стали различные типы автономной работы «на себя»; возник тип «интеллектуального трудящегося», который сам оказывается предпринимателем, «играющим на постоянно меняющемся рынке и внутри сетей, преобразующихся во времени и пространстве»⁹⁸. Подобные формы нематериального труда, пишет автор, заставляют нас поставить под вопрос классические определения работы и рабочей силы.

Резюмируя наиболее существенные идеи постопераизма, важно отметить, что теоретики ориентированы в первую очередь на переосмысление проблематики труда и того значения, который труд имеет в современном мире. Важнейшим положением постопераизма является тезис о том, что в современных обществах нематериальный труд становится основой социальных изменений. При том, что в такой ситуации есть определенная двусмысленность. С одной стороны, нематериальный труд описанный в постопераизме является важным достижением общественного развития, так как он включает в себя творческие моменты, с другой стороны, присваивается то, что автоматически не вписывается в логику рыночных отношений. «В современном капитализме становление труда как независимой творческой силы меняет одновременно природу прибыли и условия ее присвоения фирмой. С другой стороны, потенциал служащих приносит прямую выгоду фирме, склонной рассматривать работников как «основной капитал», производительность которого трудно оценить; работнику достается поэтому заранее установленная плата»⁹⁹. Иначе говоря, сложившиеся отношения, пронизаны антагонизмами, но постопераизм именно в этом и видит возможность для утверждения новых форм социальной жизни.

⁹⁷Там же.

⁹⁸Лаззарато М. Нематериальный труд [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2008. №. 69. Электрон. дан. [Б. м.], 2008. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrln-trd/> (дата обращения: 08.03.2019).

⁹⁹Польэр Б. Двусмысленности когнитивного капитализма // Логос. – 2007. – №. 4. – С. 70.

Постоопераисты отмечают, что свободное время все больше начинает влиять на бытие и сознание людей. Таким образом, отмечают философы, единственным возможным вариантом присвоения творческих продуктов является контроль не только над рабочим, но и над свободным временем. Иными словами, над всей жизнью людей и их деятельностью в качестве творческих субъектов.

Таким образом, в постоопераистской версии марксизма общество развивается вследствие изменений производительных сил. В основе этих изменений лежит нематериальный труд. Тем не менее, остается неясным, как постоопераизм понимает материальность. И здесь следует согласиться с мыслью британского философа П. Осборна, что новые процессы являются как новыми формами материального труда, т.к. по сути своей труд коммуникативен и обусловлен определенными технологиями и определенными общественными отношениями. Исходя из этого замечания, с постоопераизмом можно не согласиться по меньшей мере с признанием современного труда как нематериального. Дело в том, что в понятии нематериального труда стирается исключительная важность материального труда, отмеченная в марксистской философии. На наш взгляд, прояснение того, что материальный труд не тождественен труду физическому, позволит показать, ошибочность использования понятия нематериального труда в философии постоопераизма. Под материальным трудом следует понимать процесс создания человеком своего собственного бытия через преобразование природы и самого себя. Физический труд является процессом расходования физических сил человека в их социальном значении. Материальный труд есть процесс производства человеком своей собственной жизни через преобразование природы и самого себя. В постоопераизме выдвижение на первый план нематериального труда выглядит попыткой нарочито размежеваться с так называемым фордистским этапом, где труд в большинстве своем был сведен к простейшим физическим операциям. Но трудность заключается в том, что такое простое переворачивание материального труда, превращение его в нематериальный, ведет к смысловым ошибкам. Отрицание ведущей роли материального труда в развитии общества неизбежно

приводит к весьма противоречивому пониманию человека и общества. Не только труд, но тогда и человек утрачивает материальную сущность.

Если рассмотреть современные особенности с позиции обозначенного выше определения материального труда, то становится ясным, что оппозиция нематериального/ материального труда не является продуктивной. Труд не лишается материальной формы существования. Он становится научным, в него включены сложнейшие природные процессы, таким образом, высокая интеллектуальность является абсолютно необходимым условием для выполнения такого труда. Многие функции, которые выполнял человек, передаются системам машин. Сложные природные процессы и объекты выступают предметом такого труда. Сложная вычислительная, телекоммуникационная и компьютерная техника является средствами труда. Здесь мы вполне имеем дело с материальным трудом. Так, руководствуясь классической марксистской философией, подчеркнем, что труд сохраняет свое материальное содержание.

Итак, постопераисты стремятся пересмотреть многие положения марксизма. Однако сами отмечают, что в попытке уйти вперед от Маркса «невозможно избавиться от ощущения, будто он до нас побывал там, куда мы только добрались»¹⁰⁰.

В заключение резюмируем основные идеи первой главы. Необходимо сказать, что все упомянутые течения социальной мысли поставили ряд вопросов, для ответа на которые необходимо прояснить свои собственные социально-философские позиции.

В первом параграфе мы рассмотрели понимание человека, общества, труда, законов исторического развития с позиции материалистического понимания истории. К проблематике труда К. Маркс пришел через тщательный политэкономический анализ общественной жизни. Тем не менее, дальнейшее развитие истории потребовало переосмысления социальной реальности. С середины XX века вполне отчетливо сформировались новые общественные черты, которые привели к необходимости переосмысления проблематики труда.

¹⁰⁰Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006 С.180.

Во втором параграфе мы рассматривали концепции постиндустриального общества, информационного общества, креативной экономики и выявили, что эти концепции либо рассматривают социально-философские абстракции достаточно узко, либо вообще отказываются от них. В этих интеллектуальных направлениях акцент делается в основном на экономическом и социологическом понимании общества и не затрагиваются фундаментальные вопросы социальной философии ее существенные понятия и категории.

Исключение в этом смысле составляет постопераизм, который мы рассмотрели в третьем параграфе. Постопераизм, опираясь на марксистский подход, сменил ракурс рассмотрения современного труда, что позволило с философской позиции обнаружить особенности его развития. Авторы сделали акцент на усложнении интеллектуальной, лингвистической, коммуникативной составляющей современного труда. Тем не менее, как нам кажется, пришли к неверному выводу о том, что гегемония теперь принадлежит нематериальному труду.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что основные положения, касающиеся изменений труда, были сформулированы уже в классическом марксизме, а идеи К. Маркса продолжают оказывать влияние на исследования труда, даже если эти исследования напрямую и не отсылают к марксистскому наследию. Поэтому мы полагаем, что выбор в пользу марксистской методологии позволит нам наиболее полно обнаружить особенности развития современного труда. В то же время взгляды постиндустриальной (информационной) и постопераистской концепций будут нами использованы в дальнейшем, так как многие из их положений достаточно точно описывают ситуацию, в которую попал современный работник, кроме того, в них содержится чрезвычайно обширный фактический материал.

2 Специфика труда во второй половине XX – начале XXI века: переход от фордизма к постфордизму

2.1 Гибкие формы организации труда и становление прекариата

Со второй половины XX века произошли важнейшие изменения в труде, которые характеризовались появлением целого ряда новых особенностей развития общественного производства. Они были связаны как с распространением новых технологий, так и с изменением профессиональной структуры, а также с новыми требованиями, предъявляемыми к работникам. Как было показано в первой главе, такие изменения по-разному осмысляются в современных социальных науках. Большая часть из них накопила существенный эмпирический материал, который требует социально-философского осмысления. Принимая во внимание множественность сложившихся подходов, в этой главе мы попытаемся конкретизировать те особенные черты, которые исторически сложились в сфере труда со второй половины XX века.

Характеризуя изменения труда в 60-70 гг. XX века, важно отметить, что производство сталкивается с неразрешимыми кризисами в рамках, сложившейся к тому времени системы. Преодоление этого кризиса в развитых странах породило новую форму системы производства, которая получила название постфордизм (тойотизм). Концепция постфордизма получила свое оформление в исследованиях французской школы регуляции¹⁰¹. А затем оказала значительное влияние на различные направления социальной мысли, вызвав так называемые «постфордистские дебаты»¹⁰².

Если исходить из схемы периодизации типов производства, разработанной данной экономической концепцией, труд при капитализме проходит следующие этапы: дофордистский – фордистский – постфордистский. Дофордистский труд формируется и развивается в период становления капиталистического

¹⁰¹См. Буайе Р. Теория регуляции: критический анализ. М., 1997.

¹⁰²См. Шевчук А. В. Постфордистские концепции (критический анализ). Казань., 2000.

производства: с середины XV века до начала XX века. Он сменяется фордистским типом производства.

Концепт фордизма появляется в работе «Американизм и фордизм» итальянского теоретика А. Грамши¹⁰³. В общем виде понятие фордизма обозначает связь конвейерного производства и порядка общественных отношений, которые, по мысли автора, ознаменовали новый этап капитализма. Успешное использование конвейера на автомобильных фабриках Г. Форда привело к появлению целой общественной системы, которая характеризовалась развитием массового производства, возрастанием развитием иерархичной системы управления, почти максимальной занятостью и относительной стабильностью рынка. Изменилась и роль государства в трудовом регулировании. Распространение социальных гарантий позволило стимулировать потребительский спрос, что способствовало достижению относительно высокого среднего уровня жизни. Следствием таких изменений, затронувших всю систему, стало появление так называемого «государства всеобщего благосостояния». Итак, организация производства конвейерного типа изменила общество в целом.

Фордизм довольно быстро наталкивается на вполне определенные трудности развития. В производственной системе появляются существенно отличные от фордизма черты, что позволило многим исследователям высказаться в пользу появления новой производственной системы, которая получила название постфордизма.

Отличительными чертами постфордизма становятся, во-первых, что предприятие (фирма) как экономический институт существенно изменяется. А именно, большие производственные структуры заменяются мелкими командами, работающими с компьютерными технологиями. Во-вторых, размываются границы предприятия. В-третьих, корпорации становятся способными меняться в контексте изменений внешних условий. И наконец, подвергаются изменению сами трудовые отношения. Таким образом, за достаточно короткий период времени появилось качественно новое состояние труда, которое мы можем назвать «гибкой формой

¹⁰³См. Грамши А. Тюремные тетради //Грамши А. Избранные произведения. Т. 3. М., 1959. С. 416-454.

организации». Это понятие включает в себя гибкую организацию труда (по сравнению с жесткой иерархией фордизма) и гибкие пространственно-временные отношения трудовой деятельности.

Исходя из этих замечаний, необходимо подробно рассмотреть в чем же заключается фундаментальное отличие фордистского и постфордистского труда. Для этого необходимо сравнить эти две производственные формы и посмотреть, какие причины привели к появлению последней.

Как было сказано ранее, до 60-х гг. XX века производственная система характеризовалась строгими организационными принципами (rigidity)¹⁰⁴. Поэтому в некоторых исследованиях такой тип западного общества получил название «организованная современность»¹⁰⁵. Для организованной производственной системы были характерны крупномасштабные организации со строгой иерархической структурой, преобладание массового производства, стандартизация, бюрократизация, централизованный управленческий контроль. Кроме того, сформировалось то, что принято называть «общество занятости», в котором важную роль играли профсоюзные организации.

Тем не менее, в 1960–1970-е гг. в западном обществе происходят значительные изменения экономических, социально-политических и культурных процессов, затронувшие всю производственную систему. «Организованная современность» подверглась глубокой реструктуризации¹⁰⁶. При том, что изменения продолжали нарастать в 80-е годы XX века, что позволило высказать гипотезу о появлении новой производственной системы¹⁰⁷.

Итогом всех изменений стал экономический спад, который вместе с ростом безработицы и инфляции, выступил свидетельством кризиса так называемой «организованной современности». Кроме того, общественная реакция на

¹⁰⁴Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. P. 165.

¹⁰⁵См. Wagner P. A. Sociology of Modernity: Liberty And Discipline. 1994.

¹⁰⁶Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011. С. 385.

¹⁰⁷Там же.

«организационную структуру, техноструктуру, кланы, кастовость»¹⁰⁸ породила различные формы протеста.

Постепенно четко организованные производственные структуры стали уступать место гибким организационным структурам. Быстрота технологических изменений и их моральное устаревание, внедрение новых дорогих методов производства, риск ошибок – все это подтолкнуло к «промышленному сотрудничеству», иными словами, к межфирменной кооперации. Важное место в этих изменениях занимает многоуровневый субподряд, который порождает «очень разветвленные сети, часто объединяющие сотни предприятий»¹⁰⁹.

Таковы в общем виде особенности смещения организованной формы к гибкой. Как видим, общее движение к гибкости форм организации было связано, в первую очередь, с тем, что требовалось повышение адаптивности производственной системы к стремительно меняющимся условиям. Гибко организованные фирмы в условиях изменений проявили лучшую приспособляемость, большую чуткость к новым потребностям рынка. Они не были скованы жесткостью многоступенчатой иерархической структурой крупных организаций.

Гибко организованные фирмы сумели быстрее переключаться на выпуск новой продукции, стали более успешными в использовании ресурсов. Кроме того, развитие технических возможностей позволило производить товары мелкими партиями, рассчитанными на запрос потребителей.

Итак, новый гибкий тип организации производства сочетал в себе, как преимущества массового производства, позволяющего выработать некоторый технологический стандарт, так и преимущества мелкого производства.

Для экономического контекста такой тип организации производства оказался весьма эффективным. Это привело к тому, что к 80-х годах XX века гибкие формы организации распространились не только в материальном производстве, но и в сфере услуг. Сфера услуг стала одним из наиболее активных секторов по приросту

¹⁰⁸Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М., 2008. С. 261.

¹⁰⁹Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма ... С. 386.

рабочих мест, эту особенность как раз и отразила теория постиндустриального общества.

Примечательно, что гибкая форма организации получила в некоторых источниках название «тойотизм»¹¹⁰. Японская экономика стала своеобразным «полигоном», где внедрялись новые формы организации предприятий. Преимущества предпринимательской фирмы в новых условиях рынка стали использоваться и во внутренней организации крупных предприятий. Речь идет о том, что на производстве «Тойота» произошла гибкая перестройка производства, нацеленная на сокращение затраченных ресурсов и брака. Принципы «тойотизма» выразились в возрастании участия всего производственного коллектива в принятии решений, что во многом и определило успех данной системы, которая достаточно быстро распространилась по всему миру.

С 80-х годов XX века ключевое влияние даже в жестких организационных структурах начинают оказывать ранее не присущие управлению группы работников, которых мотивировали различными системами участия в прибылях или собственности предприятия. Кроме того, использовались различные способы привлечения работников к выполнению управленческих функций. Примером этому могут служить «кружки качества» в Японии, частичная передача акций работникам фирм («Employee stock ownership plan» – в США и Западной Европе) и многие другие.

Под эгидой автономии и вовлечения творческого потенциала работники получили возможность принятия решений. Этот механизм создал условия для коллективного социального творчества работников. Саморазвитие стало необходимыми условиями трудовой деятельности. Введение данных принципов в капиталистическую систему не могло не оказать огромное влияние на изменение основных ценностных ориентиров. «Управленцы, выделенные из иерархических структур, возглавляют структурные подразделения с финансовой самостоятельностью или реализуют собственные проекты, а рабочие, освобождаясь от расписанных по минутам форм труда на конвейере, видят, как

¹¹⁰См. Лайкер Д. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира. М., 2005.

возрастают уровень их ответственности и признание их способности действовать независимо, проявляя в своей деятельности творческие способности»¹¹¹.

Одним словом, внутренняя организация управления стала изменяться в соответствии с внешними изменениями. Организационное управление постепенно стало передаваться с верхнего уровня на более низкие уровни. Так, усиливалось участие производственного коллектива в принятии решений, уменьшалось количество иерархических уровней.

Таким образом, изменения в производственной системе позволили говорить о возникновении нового этапа развития труда и общества. Важно отметить, что изменение организации и механизмов управления производственной системы было связано и с недовольством общества «организованной современностью», которое наиболее ярко проявилось в конце 60-х начале 70-х годов. Л. Болтански и Э. Кьяпелло отмечают, что май 1968-го года, который известен массовыми студенческими волнениями, стал тем моментом, когда «капитализм обезоружит критику, перехватит инициативу и обретет новую динамику»¹¹².

Как известно, майские события 68-го года во Франции стали апофеозом недовольства индустриальным трудом. Примером этому может служить лозунг, который использовался во время студенческих волнений: «Мы не хотим жить в мире, где за уверенность в том, что не помрешь с голоду, платят риском помереть со скуки».

Примечательно, что в новой форме организации труда то, что не нравилось протестующим, было в какой-то степени учтено. Именно в это время креативность стала востребованной идеей. Как отмечает Б. Нойз, эта идея «всегда и везде настаивает на переполняющейся творческой силе в противовес критическим структурам и ограничениям рынка»¹¹³. Опыт современных работников парадоксален, так как, с одной стороны, изменения открывают ранее широкие возможности, с другой стороны, приводят к снижению горизонта планирования.

¹¹¹См. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011.

¹¹²Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма ... С. 299.

¹¹³Нойз Б. Рециркуляция негативности: теория, литература и неудача утверждения // Stasis. 2013. № 1. С. 159.

Уверенность в завтрашнем дне сменилась ощущением зыбкости и нестабильности трудовых отношений.

Итак, в самом общем виде, принципы постфордистского и фордистского труда можно выразить в таблице 1:

Таблица 1 – Сравнение принципов фордизма и постфордизма

Фордизм	Постфордизм
Жесткость	Гибкость
Планирование	Проекты
Иерархии	Сети
Квалификация	Компетенции
Труд	Деятельность
Государственное регулирование	Либерализация
Социальная защищенность	Адаптация
Стабильность	Мобильность

Таким образом, со второй половины XX века в общественной системе появляются новые черты, которые осмысляются в зависимости «от выбора исторического «масштаба»»¹¹⁴. Если концепция постиндустриального общества отталкивается от того, что современная социальная система качественно отличается от социальной системы начала XX века, при том, что эти изменения настолько резкие, что позволили говорить о «смерти» предыдущего этапа, то концепции, использующие понятие постфордизма, показывают, что общественная система подвержена трансформации во времени. Изменения затрагивают всю систему, но качественно ее не меняют. Строго говоря, постфордизм – это система, которая продолжает существовать в пределах той базовой структуры, которая была описана в классическом марксизме.

¹¹⁴Шевчук А. В. Постфордистские концепции (критический анализ). Казань, 2000. С. 55.

Теперь мы должны перейти от изменений производственной системы к последствиям, которые связаны с положением наемных работников в рамках постфордизма.

Большое значение в условиях современного производства приобретает гибкая занятость. Несмотря на то, что такие формы занятости как неполный рабочий день являются не новым явлением, тем не менее, к концу 1970-х годов эти формы постепенно формируются в систему гибкой занятости – базу трудовых отношений XXI века. Гибкая занятость проявилась в формировании гибкого рабочего времени.

Гибкое рабочее время включает в себя две формы: найм на ограниченный срок (как правило, не более одного года) и найм на неполный рабочий день. Эти формы могут сочетаться между собой, например, найм на ограниченный срок и на неполный рабочий день.

Трудовое законодательство в разных странах обычно регулирует такие формы занятости. В некоторых европейских странах неполная занятость строго контролировалась или находилась вне закона. Сильная государственная политика и профсоюзы не давали практике неполной занятости получить широкое распространение.

Однако к середине 80-х годов XX века ситуация стала меняться. Гибкая занятость стала быстро распространяться. Это было связано с упадком профсоюзных движений и «сворачивания» государства всеобщего благосостояния. Мобильность рабочей силы, связанная с гибкой занятостью, привела к повышению конкуренции между работниками и, как следствию, снижению оплаты труда. Происходит переход на краткосрочный контракт, снижаются социальные гарантии, усиливается власть работодателя. Эта ситуация обостряется неравным доступом к труду, когда навыки работников, полученные ими как в ходе обучения, так и в ходе жизни, могут быть востребованы, а могут просто затухать, не получив реализацию в процессе производства. Такая ситуация возможна, например, когда работник обладает большей квалификацией, чем требуется на рабочем месте.

Таким образом, на смену трудовым отношениям, имеющим правовые и социальные гарантии, приходят атипичные формы занятости. Предприятия нового типа используют гибкие и децентрализованные формы трудовых отношений, а также частичную или удаленную систему занятости. В этом отношении можно отметить, что условия, в которые попадают современные работники характеризуются снижением социальной защищенности.

Для наемного работника такие изменения выражаются в том, что, во-первых, происходит замещение вертикальной карьеры на горизонтальную. Продвижение вверх по служебной лестнице не является теперь настолько привлекательным как раньше, что связано, отчасти, с отсутствием развитой иерархии во многих экономических субъектах. Во-вторых, работники в большей мере определяют себя в соответствии со своей профессией, чем с местом, где они работают. В-третьих, люди более ответственны за все стадии своей карьеры. Они берут на себя как риск, связанный со сменой работы, так и обязательства по развитию профессиональных навыков.

Причиной этих изменений является нестабильность трудовых отношений, когда вознаграждением за работу становится не столько карьерный рост, сколько приостановление увольнения. Таким образом, рост независимости осуществился за счет защищенности работника.

Гибкость достигается путем замены трудовых отношений на коммерческие. Таким образом, наемный работник, в конце концов, превращается в поставщика услуг, исключенного из системы трудового законодательства. Возникают и распространяются новые формы занятости, появление которых спровоцировано переходом к специализированному производству и системе глобального разделения труда. Дестабилизация трудовых отношений привела к появлению прекарных работников. Прекариат (от англ. «precarious» - «нестабильный») – понятие, обозначающее ситуацию, когда наемные работники лишены тех или иных социальных гарантий. Иными словами, могут ожидать только прямого денежного

вознаграждения за труд. Г. Стендинг, например, называет прекариат новым опасным классом¹¹⁵.

Понятие прекариат появилось в ответ на распространение работников, которые не имеют формальной занятости и стабильного положения на рынке труда. Возрастание нестабильности проявляется в вынужденном согласии работников на частую смену места работы и смену деятельности. При этом разница в доходах может быть максимально широка, от высокооплачиваемого специалиста до неквалифицированного работника¹¹⁶. Скачкообразная, временная система занятости постепенно нормализуется и вытесняет стабильность трудовых отношений.

Прекариат как социальный феномен возник задолго до того, как развился дискурс вокруг постфордистского общества. Однако ранее, как отмечает Р. Кастель, нестабильность существования и уязвимость в большей степени затрагивали бродяг и пролетариев, сегодня же их сменили все те, кто нанимается на зыбких условиях, либо те, кто «непригоден к найму»¹¹⁷.

Отметим, что к прекариату все более тяготеют работники интеллектуальных, творческих профессий. При этом даже работники с постоянной занятостью имеют дело с так называемой внутренней прекаризацией, когда они работают в командах «срок годности» которых не должен превышать одного года¹¹⁸.

Так, в «текучести» всей социальной сферы, росте разнообразных рисков человек подвержен постоянному страху потери статуса и социального нисхождения.

Сделаем вывод. На наш взгляд, в 60–70 годы XX века произошла глубокая трансформация общества наемного труда. Дестабилизация трудовых отношений при постфордизме характеризуется тем, что уменьшаются социальные гарантии, увеличился разрыв в доступе к труду, произошло проникновение нестабильных

¹¹⁵См. Стэндинг Г. Прекариат – новый опасный класс. М., 2014.

¹¹⁶Пасквинелли М. Цифровой неофеодализм: кризис сетевой политики и новая топология ренты [Электронный ресурс] // Музей современного искусства «Пермь». Электрон. дан. [Б. м.], 2016. URL: <http://permm.ru/menu/xzh/archiv/xudozhestvennyj-zhurnal-E2%84%9685.-nashe-novoe-budushhee.-chast-2/czifrovoj-neofeodalizm:-krizis-setevoj-politiki-i-novaya-topologiya-renty.html>. (дата обращения: 10.02.2016).

¹¹⁷Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб., 2011. С. 391

¹¹⁸Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость, безразличие // Логос. 2008. №3. С. 96.

трудовых отношений во все области экономики. Все это угрожает увеличением обострения социальных проблем. Так называемый «постоянный временный работник» в силу постоянного движения между работой и безработицей испытывает глубокую неуверенность в завтрашнем дне.

Таков общий контекст проблемы изменения форм труда с середины XX века: 1) постфордизм связан с появлением новых принципов организации труда, которые, на наш взгляд, отражают особенности и противоречия современного труда, 2) современный работник получил большую свободу организации своей деятельности, но такая свобода обернулась нестабильностью трудовых отношений.

2.2 Особенности организации рабочего времени во второй половине XX – начале XXI века

Трансформация касается не только новых принципов организации труда, но в значительной степени она направлена на организацию рабочего времени. Несмотря на большой разброс мнений по этому вопросу, мы полагаем, что основой современной организации рабочего времени является его оформление в проектную работу. Эта форма организации рабочего времени наиболее полно соответствует, описанной ранее форме организации постфордистского труда. Проектная работа послужила толчком для размывания хронопорядка, присущего фордистскому этапу развития труда, который подчинялся строгим закономерностям. Речь идет о четком разделении рабочего времени и свободного времени, которое сменилось их смешением и пористостью.

По сути, пористость, взаимопроникновение, смешение труда и свободного времени сегодня воспринимается исследователями как исторически нетипичное явление. Хотя до XVII–XVIII века это было нормой. Пористость труда была как бы поставлена на паузу индустриальным капитализмом, поэтому исследователи считают уместнее говорить об исторических скобках, включающих в себя XVII–XX век¹¹⁹.

¹¹⁹Маяцкий М. Отium для никого? // Логос, 2015, Т. 25. №. 3. С. 47.

Согласимся с мыслью А. Корсани, что каждой эпохе соответствует модельное время, которое наделяют первостепенной важностью. Такое время модифицирует прочие темпоральности жизни¹²⁰. Модельное время изменяет хронопорядок трудовой деятельности и восприятие разных типов времени экзистенции. До середины XX века время жизни было «расщеплено» на время труда и свободной время¹²¹. Этот тип несет в себе разрыв между рабочим временем и временем личной жизни, очерчен пространственными границами завода. Похожую мысль высказывает Р. Кастель: «Вспомним воспетого Ивом Монтаном пролетария, который после окончания трудового дня «слонялся по Большим бульварам», предаваясь беспечным мыслям о своих веселых друзьях и о милых девушках»¹²².

Важной особенностью постфордистского труда является проектная работа, которая связана со множеством задач и направлений деятельности. «Проект – это набор активных контактов, направленный на производство форм, то есть на созидание – посредством стабилизации связей, которые становятся необратимыми, объектов и субъектов ... Таким образом, он является своего рода временным накопительным резервуаром»¹²³.

Работа становится проектом, который всегда заканчивается. Более того, проектная деятельность предполагает завершение, а время, посвященное поискам новых проектов, переносится как на рабочее, так и на личное время. Проектная работа ведет к увеличению продолжительности рабочего дня, интенсификации труда и повышению эмоциональной нагрузки на работников. Это вызвано необходимостью включаться в работу команды и, соответственно, испытывать ее давление. «Современные управленческие концепции требуют от работника принципиально иного и большего: постоянной готовности выполнять работу и, в конечном счете, полного подчинения интересам предприятия. Страх перед

¹²⁰Корсани А. Трансформация труда и его темпоральностей. Хроническая дезориентация и колонизация нерабочего времени// Логос, 2015, Т. 25. №. 3. С. 51.

¹²¹Там же.

¹²²Кастель Р. Конец эпохи постоянного найма: правда или вредный миф? // Отечественные записки, 2003. №3. С. 390.

¹²³Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011, С. 200.

увольнением только усиливает эту сверхжесткую привязанность работника к своему труду»¹²⁴. В целом, карьера, связанная с проектами, характеризуется высокой степенью гибкости и прерывистости.

Практические условия, которые застали современных работников, способствуют особому пересечению личных и профессиональных отношений. Если при фордизме работа и свободное время были разделены как во времени, так и в пространстве, то в современной ситуации они практически сливаются. Возможность слияния работы и свободного времени обусловлена целым рядом факторов. Работа захватывает личную жизнь, и становится трудно обозначить границу между рабочим и свободным временем. Такую ситуацию можно охарактеризовать, как пористость труда.

В чем таком случае состоит модельное время современного труда? Распространение прерывистой занятости отразилось на формировании модальности времени. Так, отличительной чертой организации рабочего времени является то, что работник вынужден находиться в режиме постоянного доступа. «Хороший работник» должен быть постоянно доступен для заданий, обсуждения проектов через мессенджеры, сотовую связь, электронную почту и даже социальные сети. Работнику нужно постоянно быть в ожидании, быть начеку. Очевидно, что такой темпоральный горизонт не дает проецировать себя в будущее.

Таким образом, можно выделить отличия влияния рабочего времени на жизнь работника при фордизме и постфордизме. Данные отличия выражаются в продолжительности рабочего дня, возможностях планирования дня и долгосрочного планирования жизни, разделении рабочего времени и досуга, стабильности или нестабильности занятости. Кроме того, рабочее время влияет на возможность формирования самоидентичности работника. Схематично такие отличия отражены в таблице 2:

¹²⁴Кастель Р. Конец эпохи постоянного найма ... С. 390.

Таблица 2 – Сравнение рабочего времени при фордизме и постфордизме

Фордизм	Постфордизм
Четко понятная продолжительность рабочего дня	Дезориентация во времени (трудно жить настоящим)
Возможность планирования дня и долгосрочного будущего	Невозможность проецировать себя в будущее
Четкое разделение рабочего времени и досуга	Режим постоянного доступа
Стабильная занятость	Фрагментация времени и «одержимость» занятостью
Возможность сохранять самоидентичность	Темпоральный дисбаланс, поражающий саму экзистенцию

Следствием трансформации модельного времени становится возможность отчуждения не только рабочего, но свободного времени. Данное явление довольно точно описано в постопераистском дискурсе, который мы приводили ранее. Напомним, фордистская модель капитализма предполагала, что экономическая власть капитала над рабочим заканчивается за пределами фабрики. Постфордистская модель капитализма обусловила появление таких общественных отношений, посредством которых осуществляется подчинение и свободного времени работника. Экономическое подчинение именно свободного времени человека капиталу, точнее, превращение свободного времени в составную часть капиталистического производства становится объективно необходимым направлением развития капитала. Так, А. Горц пишет, что свободное время – это то незанятое оптимизированным производством время, которое позволяет человеку развивать творческие или любые иные неинструментальные способности¹²⁵. Это, в свою очередь, позволяет капиталу не оплачивать повышение способностей, профессиональное развитие своих работников.

¹²⁵См. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010.

Например, социолог М. Шнайдер пишет, что рост свободного времени приводит к возрастанию интереса людей к самоуправляемому труду. М. Шнайдер отмечает: «Понятно, что новые социальные технические приемы, делающие ставку на высокомотивированного, творческого и активного сотрудника, служат, в первую очередь, тому, чтобы побудить его к еще более высоким результатам, к наилучшему достижению целей, которые преследуют предприниматели. Введенные на многих предприятиях «кружки качества», команды для анализа и разрешения проблем, участие пользователей в принятии решений и так далее, служат, в конечном счете, увеличению прибылей»¹²⁶. Тем не менее, автор высказывает надежду, что «взывание предпринимателей к творческому сотруднику, который должен получать удовольствие от работы – не только модная фразеология и обман, не только более ловкая техника манипуляции, но и проявление реальной общественной тенденции»¹²⁷.

Рассмотрим несколько примеров для пояснения смещения рабочего и свободного времени. Распределенные сети и автоматизация производства товаров и услуг позволили привлечь самого потребителя к выполнению части производственных функций. В исследованиях труд, который выполняется самим потребителем, называется скрытой нагрузкой. Это может быть система самообслуживания в магазинах, самостоятельная регистрация на рейс, оплата счетов в терминале, то есть те трудовые задачи, которые ранее выполняли работники¹²⁸. Другим примером, который демонстрирует разрушение дихотомии работы и свободного времени является интернет-серфинг, который обеспечивает производителей и рекламодателей источниками данных. Эти данные, как прямо, так и косвенно приносят прибыль для различных индустрий.

Таким образом, разнообразие работ, которые выполняются потребителями, является чрезвычайно важным для получения доходов. При том, что сами

¹²⁶Цит. по Рот Карл-Хайнц Глобализация. Принципиальные соображения об изменении мировой капиталистической системы [Электронный ресурс] URL: avtonom.org/old/lib/theory/rot_globalisation.html (дата обращения: 24.06.18).

¹²⁷Там же.

¹²⁸Illich I. Shadow work, London, 1981.

потребители не обязательно считают свой вклад ценным и не чувствуют себя эксплуатируемыми.

Тем не менее, критический анализ труда интернет-пользователей показывает, что в свободное время потребители не просто используют продукт, но и участвуют в его производстве. Т. Терранова называет это скрытой эксплуатацией труда пользователей, так как их неоплачиваемый труд коммодифицируется, соответственно, приносит прибыль компаниям¹²⁹.

Главный вывод, который мы можем сделать, происходит изменение темпоральности труда, а именно размывание свободного и рабочего времени, связанное с распространением проектной деятельности. Такая ситуация ведет к уменьшению горизонта планирования трудовой жизни работников. Проблема заключается в том, что захватывается не просто рабочее время, в течение которого производятся товары, но оккупируется все время жизни человека: творчество, воображение, мысли работника. Сказанное наилучшим образом резюмирует мысль М. Лаззарато: современное производство задействует жизнь, социальное и общественное пространство, интеллект, «душу» человека¹³⁰. Это означает, что современный труд включает в себя такие аспекты, которые ранее не рассматривались как непосредственно работа. Способности к такому труду формируются за границами рабочего времени. Особенно ценятся качества не только связанные с работой, но и с разносторонними интересами в личной сфере. Поиск новых проектов ложится на плечи самих работников. Современного работника можно считать прекарным, то есть нестабильным и уязвимым. Такое состояние дел в будущем может обострить социальные противоречия и привести к негативным последствиям.

¹²⁹ Terranova T. Free labor: Producing culture for the digital economy // Social text. № 18, 2000. P 48.

¹³⁰ Лаззарато М. Нематериальный труд [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2008. №. 69. Электрон. дан. [Б. м.], 2008. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrln-trd/> (дата обращения: 08.03.2019).

2.3 Универсализация труда и деквалификация работников во второй половине XX – начале XXI века

Организация современного труда выступает его общественной формой. В сложившейся ситуации возникает необходимость осуществить философский анализ труда под углом зрения изменений в его общественном содержании.

В современном мире частичный труд вытесняется сложным, высококвалифицированным трудом. Высококвалифицированный труд становится важным фактором социально-экономического прогресса общества. Это сложный физический и умственный труд, который требует соответствующего по уровню сложности образования.

Ранее капиталистический процесс производства характеризовался техническим разделением труда на мелкие операции, что приводило к неспособности работника создать конечный продукт и полностью понимать производственный процесс. Такой работник выступал живым приложением машины. Частичность труда создавала частичного человека.

Итак, частичный труд, доведенный до элементарной предметной операции, требовал частичных рабочих, «виртуозность» (К. Маркс) которых создается за счет того, что индивид трансформирует «все свое тело в ее автоматически односторонний орган»¹³¹.

Когда работником выполняется только одна простейшая операция, «сужаются поры рабочего дня»¹³², т. е. экономится рабочее время, которое ранее затрачивалось на смену операций, например, при ремесленном труде. При частичной трудовой деятельности рост производительности труда достигается за счет повышения интенсивности труда и (или) удлинения рабочего дня. В капиталистическом обществе частичный труд обнаруживает общее содержание в виде абстрактного труда. Напомним, что абстрактный труд – простой средний труд, простое расходование рабочей силы, который измеряется общественно

¹³¹Там же.

¹³²Там же.

необходимым рабочим временем, то есть временем, которое затрачивается на создание потребительной стоимости при среднем уровне умелости работника и интенсивности его труда, а также при общественно нормальных условиях производства.

Однако труд, доведенный до предела частичности, в центрах капиталистического накопления постепенно вытесняется. Дело в том, что такой труд перестает вести к росту производительности. Тогда предприниматель вынужден искать такой товар, который позволил бы повысить производительность частичной рабочей силы и вытеснить лишнюю рабочую силу из производства. Таким товаром становятся технологические инновации¹³³. Выступая как средства труда, технологические инновации позволяют повысить производительность, постепенно сокращая затраты на частичную рабочую силу.

Технологические инновации являются особым товаром, продуктом высококвалифицированного труда. По мере того, как результаты прошлого труда все больше внедряются в технологии, а текущее разделение труда все более разнесено по географическому принципу, все большее значение приобретает высококвалифицированный труд. Капитал становится заинтересованным в покупке такой рабочей силы.

Особенность такой категории рабочей силы характеризуется тем, что ее представители, как правило, не имеют собственности на средства производства, а источником их дохода служат полученные знания и способности. Как правило, к высококвалифицированной рабочей силе относят людей, занимающихся профессией, требующей высшего образования и специального обучения, также подразумевается не просто обладание формальной сертификацией знаний, но и компетентностью, подтвержденной практикой, достаточно продолжительной специализацией в какой-то области. Количество таких работников стремительно выросло, и они приобрели важное положение в общественном производстве. «В 60-е годы около 70 % прироста занятости обеспечивалось созданием рабочих мест для этой категории работников; в 70-е годы этот показатель достиг 84 %; в начале

¹³³См. Корякин В.В. Современный мир и философия//Новые идеи в философии. – 2013.-Т. 1, С.11-30.

текущего века представители этой категории обеспечивают фактически весь прирост занятости в постиндустриальных странах»¹³⁴.

Для описания роли высококвалифицированной рабочей силы в современном мире, разными учеными были введены новые понятия: «эксперты», «бобо», «символические аналитики», «креативный класс» и так далее.

Активный интерес ученых к высококвалифицированным работникам возникает в середине XX века, когда на первый план стали выходить «белые воротнички», то есть образованные профессионалы. Д. Белл в работе «Грядущее постиндустриальное общество» показывает, что в конце XX века научно-теоретическое знание определяет как экономическое, так и социальное развитие, открывая пути развития новому классу носителей знания. Меритократия (буквально «власть достойных») возводится в принцип управления, когда оцениваются личные заслуги и способности, в противовес бюрократии и технократии. Белл считает, что меритократия способствовала выдвижению класса интеллектуалов на роль элиты постиндустриального общества. По мнению Белла, те, кто владеют знаниями, приобретают власть в нарождающемся мире¹³⁵.

С позиции Э. Тоффлера, интеллектуалы становятся когнитариатом, то есть определенным слоем высококвалифицированных работников, эффективно распоряжающихся сложной информацией¹³⁶.

М. Кастельс также выделял новую группу квалифицированных профессионалов с гибким графиком труда, которую он назвал «fleximers»¹³⁷.

По мнению В. Иноземцева, в течение XX века в западных странах снизилось количество руководителей, получающих привилегии по наследству, в топ-менеджменте корпораций, и выросло число руководителей, которые получают места исходя из образования и научных степеней: «впервые в истории условием принадлежности к господствующему классу становится не право распоряжаться благом, а способность им воспользоваться. В то же время люди, не имеющие

¹³⁴См. Иноземцев В.Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. – 1997. № 10. – С. 29-43.

¹³⁵Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 171.

¹³⁶Тоффлер Э. Метаморфозы власти, М., 2003. С. 103.

¹³⁷См. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

соответствующего образования и знаний, в целом пытаются решить лишь задачи выживания, ограниченные экономическими целями»¹³⁸.

В марксистских теориях также все больше внимания уделяется изменениям значения группы профессионалов. Как считает Райт, наиболее спорный вопрос в марксистских дебатах – место «белых воротничков» в классовых позициях¹³⁹.

Ф. Джеймисон также отмечает, что это «все те, кто в сегодняшней культурной ситуации причастны к тому, что Маркс в «Grundrisse» называл «general intellect»¹⁴⁰.

Трудно, если не невозможно, четко отличать высококвалифицированных специалистов от других категорий работников. Их труд может быть направлен на создание новых систем и процессов или может адаптировать старые системы для новых целей. Очень часто эти системы и процессы связаны с трудовыми процессами других работников. Без этой особой формы труда современное глобальное разделение труда не могло бы существовать. Это труд, который анализирует трудовые процессы, разрабатывает, как их стандартизировать, автоматизировать, передавать на аутсорсинг, управлять им, нанимать и обучать новых работников.

Значительный объем высококвалифицированного труда вкладывается в воспроизводство рабочей силы, поэтому такой труд нельзя рассматривать как исключительно связанный с развитием и обращением товаров и услуг. Как было показано ранее, все чаще такие работники включаются в проектную работу. Их «мягкие» и «основанные на знаниях» навыки (soft skills) не просто используются для разработки новых систем или для устранения старых проблем, они также необходимы для управления этими системами после их запуска.

Важно отметить, что часть труда высококвалифицированных профессионалов связана с творчеством. Для того чтобы разобраться в том значении,

¹³⁸См. Иноземцев В.Л. Теория постиндустриального общества ...

¹³⁹Райт Э. О. Марксистские концепции классовой структуры [Электронный ресурс] // Научно-просветительский журнал «Скепсис». Электрон. дан. [Б. м.], 2019. URL: http://scepsis.ru/library/id_608.html (дата обращения: 10.01.2019).

¹⁴⁰Джеймисон Ф. Эксплуатация неотъемлема от капитализма [Электронный ресурс] // Ред флора. Электрон. дан. [Б. м.], 2018. URL: http://www.redflora.org/2012/07/blog-post_18.html (дата обращения: 08.08.2018).

которое приобрел труд, связанный с творчеством, в современном мире, необходимо поставить вопрос, как изменились навыки творческих работников, и как изменился опыт их работы.

Если мы обратим внимание на творческих работников и на то, как исторически сформировалась их профессиональная идентичность, то становится возможным выявить некоторые общие черты. Необходимо отметить, что до 30-х гг. XX века о творческом труде говорилось только применительно к труду художников, писателей, ученых, врачей. Р. Кастель в работе «Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда» приводит пример того, как в 1937 г. кассационный суд не признал травму врача как несчастный случай на производстве, в связи с тем, что человек искусства не может состоять в подчинении, следовательно, не является наемным работником.

С тех пор ситуация изменилась, однако труд, связанный с творчеством, до сих пор находится в противоречивом правовом поле. Интересным примером этого является иск сотрудников компании видеоигр Electronic Arts, которые должны были доказать, что их работа не была «творческой», чтобы выиграть групповой иск против своего работодателя, который не оплачивал сверхурочное время работы¹⁴¹.

Критерием творческого труда может служить объем творческих возможностей субъекта. Объем творческих возможностей – объективные условия производства, в которых совершается творческий труд. Строго заданная цель, общепризнанные стандарты, технические характеристики средств производства, могут существенно сузить возможности творческого труда. Создание сравнительно простых продуктов может потребовать совершения лишь механических операций. Творческий труд должен превышать по своему уровню то, что для среднего работника представляет собой механическую работу. Если цель не является в полной мере определенной техническими средствами, либо стандартами, но также требуются новые решения, то такой труд можно назвать творческим.

¹⁴¹Schumacher L. Work Organisation, Labour and Globalisation // Immaterial Fordism: The paradox of game industry labour, 2006. №1. P. 144.

Особую роль творческие наемные работники начинают играть в 50-х гг. XX века. Полное же вовлечение творческого труда в наемный труд, как отмечает Э. Росс, произошло в 90-е гг. XX века. В книге «Без воротничка» автор показывает, как творческий труд был приспособлен к индустриальному производству. Данный процесс Э. Росс назвал «индустриализацией богемы»¹⁴². Автор показал, как «контркультурное сообщество» с конца 80-х годов постепенно становилось частью новой экономики. Творческие работники и их подход к труду оказались привлекательными для нового типа бизнеса. Компании искали художников, занимающихся веб-дизайном, а затем использовали их стиль и творчество для развития целой индустрии. «Сочетание этого приспособленческого менталитета с производственным кодексом эстетического совершенствования стало манной небесной для менеджеров, искавших работников, способных к самодисциплине в условиях чрезвычайного напряжения»¹⁴³. Имитация творческих атрибутов в образе жизни работников привела к возможности капитализации стиля жизни. «Социальная мысль обратила внимание на то, что именно в искусстве зародилась трудовая этика, присущая новой рабочей силе»¹⁴⁴.

Л. Болтански и Э. Кьяпелло изучили, как понятия из мира искусства были интегрированы и стали инструментарием в соответствии с новым духом капитализма. Современные модели работы, которые включают обещания свободы через труд, часто связаны с миром искусства и художественных концепций. Лидерство можно рассматривать как «искусство», и многие сотрудники тоже, особенно в сфере услуг, обязаны вести себя как художники¹⁴⁵.

Компьютер и связанные с ним глобальные коммуникации качественно расширили возможности человека по производству творческих продуктов. Появление массовых творческих досуговых практик на базе компьютерных технологий привели к экспансии «любителей» в сферу творческого производства.

¹⁴²См. Andrew Ross. No-collar: The Humane Workplace its Hidden Costs. Philadelphia: Temple University Press, 2004. P. 123-160.

¹⁴³См. Andrew Ross No-collar: The Humane Workplace its Hidden Costs. Philadelphia: Temple University Press, 2004. P. 123-160.

¹⁴⁴Григорова Я. В. Искусство и нематериальный труд / Я.В.Григорова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2017. № 4. С. 72.

¹⁴⁵См. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011.

За пределами профессиональной среды складываются новые коллективные творческие практики партисипаторности (соучастия, сотрудничества). При том, что партисипаторность потребителей, как отмечает М. Лаззарато, апроприируется фирмами, которые стандартизируют продукты творческих практик¹⁴⁶.

Несмотря на то, что труд высококвалифицированных специалистов играет огромную роль в развитии современного общества, тем не менее, большее количество работников задействованы в так называемом рутинном низкоквалифицированном труде. Это заставляет думать о том, что труд не развивается, а наоборот деградирует. Действительно по мере того, как тейлоризм и фордизм стали наиболее влиятельными формами организации труда, исследователи отметили возрастание деквалификации работников. Самый известный подход – это тезис Брейвермана о деквалификации работников¹⁴⁷.

Глобальное разделение труда в отраслях приводит к объединению специализированных знаний в более широкие базы данных для создания стандартизированных товаров. Следствием этого является развитие двухуровневой структуры организации работников. Первый уровень занимает небольшое количество высокопрофессиональных специалистов, а второй уровень – большое количество легко взаимозаменяемых работников.

К примеру, Н. Даер-Визерфорд в книге «Кибер-пролетариат»¹⁴⁸ стремился показать, что утверждение о том, что труд в целом усложняется, является ложным, так как количество физической работы в сотню раз превышает количество когнитивного труда. Так, он показывает, что современный капитал опирается одновременно на «киборгов» и «рабов».

Распространение такой формы организации производства вновь поставило остро вопрос о пролетаризации труда. Известно, что первоначальный смысл термина пролетаризация заключался в расширении рабочего класса путем вовлечения в него ремесленников и крестьян. Далее, значение термина

¹⁴⁶Лаззарато М. Машина [Электронный ресурс] // ТРАНСФОРМ. Электрон. дан. [Б. м.], 2017. URL: <http://transform.eipcp.net/transversal/1106/lazzarato/ru> (дата обращения: 17.11.2017).

¹⁴⁷См. Braverman H. (1998) Labor and Monopoly capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century, New York, New York University Press.

¹⁴⁸См. Dyer-Witherford N. (2015) Cyber-Proletariat. Global Labor in the Digital Vortex, London: Pluto Press

расширилось на описание труда. А именно, расщепление труда на мелкие операции, его рутинизация. Потеря работника контроля над трудом в процессе пролетаризации ведет к потере интереса к работе, к возрастанию отчуждения. Этой мысли соответствует тезис Г. Брейвермана, рассмотренный в первой главе. Хотя появление тезиса Г. Брейвермана предшествовало повсеместному использованию компьютерных технологий, сейчас он также актуален.

Деквалифицированный труд должен замещаться автоматизацией. Однако, как отмечает И. И. Чангли, «автоматизация при капитализме применяется лишь в тех случаях, когда ее стоимость не превышает стоимости вытесняемой ею рабочей силы»¹⁴⁹. Этот тезис по-прежнему актуален, что и является причиной такого количества девалифицированного труда. Деквалификация труда выступает противоположным процессом универсализации.

Итак, произошли существенные изменения в содержании современного труда, которые связаны с тем, что труд становится все более содержательным, сложным, высококвалифицированным, творческим. В высококвалифицированном труде обнаруживается тенденция к универсализации и индивидуализации труда. Преобладающее значение в таком труде играют универсальные приемы, которые могут переноситься из одних видов труда в другие. В таком труде получает развитие общая способность к труду, частные способности приобретают целостный характер, в отличие от разделенного труда, характерного для индустриального этапа. Тем не менее, девалифицированный труд сохраняется, а современные технологии могут приводить к деквалификации не только физического труда, но и интеллектуального.

При этом процессы протекают одновременно, что свидетельствует о противоречивом состоянии современного труда. Они связаны, во-первых, с отсутствием соответствия между формой и содержанием современного труда. Во-вторых, с несоответствием между объективными тенденциями развития труда и той системы трудовых отношений, которая превалирует в современных обществах.

¹⁴⁹Чангли И. И. Труд: социологические аспекты теории и методологии исследования. М., 1973. С. 115.

Выводы по второй главе. Итак, на начало XXI века изменения, связанные с трудом, проникли практически во все сферы человеческой деятельности. Новая форма организации труда получила название постфордизм. Это понятие делает акцент на новой организации труда, отделяя его от стабильного регламентированного фордистского труда. Чертами постфордизма стали 1) гибкие формы организации труда, позволяющие фирмам выжить в конкурентной борьбе за счет снижения социальных гарантий и оплаты труда, 2) использование свободного неоплачиваемого времени сотрудников для производственных целей, 3) разрушение иерархических структур дало возможность работникам получить больше свободы в принятии решений, но и повысило их ответственность за результат, 4) произошло размывание рабочего и свободного времени, что усилило ощущение нестабильности современного работника. Таким образом, современный труд теряет свои отчетливые временные и пространственные рамки.

Кроме того, современный труд обнаруживает тенденцию к изменению его содержания. Высококвалифицированный труд выходит на первый план. В отличие от разделенного труда, характерного индустриального труда, этот тип труда интегрирует в себе сложные, творческие виды деятельности. Развитие такого труда сопровождается серьезными трансформациями всех сфер современного общества. В то же время декартификация работников сохраняется, что сдерживает положительные тенденции в развитии труда.

3 Субъект труда во второй половине XX – начале XXI века

3.1 Противоречия постфордистского труда

Отличительной чертой последних десятилетий становится идеологическое смятение¹⁵⁰. С одной стороны, произошел спад критики организованной современности, который объясняется тем, что притязания критики 60-70-х гг. XX века, частично удовлетворены. С другой стороны, в современных организациях остро встает проблема приверженности работников труду. Современному производству требуется активный, инициативный, жертвенный работник. Глубокие внутренние перемены толкают работников к переподготовке, если они могут наделить каким-то смыслом навязанную им смену рода деятельности и пережить ее как свободный выбор.

С этого же времени складывается ситуация размывания труда, которое становится причиной обострения проблематики уязвимости¹⁵¹. И эта ситуация напоминает пауперизм в XIX веке. Массовая бедность работников первой волны индустриализации приводила к похожим эффектам, что и нестабильная занятость конца XX – начала XXI века. «Происходит возвращение к той массовой уязвимости, которую удалось победить с таким большим трудом. И в этом движении нет ничего «маргинального»... именно в этом состоит «новый социальный вопрос»»¹⁵².

Противоречие развития высококвалифицированного труда проявляется в его уязвимости и в высокой интенсивности. Есть много условий, которые влияют на интенсификацию процесса труда, некоторые из которых более специфичны для конкретных отраслей или профессиональных групп. Во-первых, на интенсификацию труда влияет требование быть доступным круглосуточно. Во-вторых, выдвигается требование использовать эмоциональные навыки в дополнение к «основному» опыту работы, так называемый аффективный труд

¹⁵⁰См. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011.

¹⁵¹Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб., 2011.С. 391.

¹⁵²Там же.

(«affective labour»). Наконец, повышается вероятность того, что работники будут оцениваться в соответствии с целевыми показателями и индикаторами эффективности и; таким образом, в их работу будут внедрены новые формы мониторинга и контроля. Интенсификация труда особенно заметна в проектной работе. Таким образом, регулирование работы все больше смещается от труда, основанного на рабочем времени, к труду, основанному на «выполненной работе».

Приобретая высококвалифицированную рабочую силу, капиталисту необходимо оплатить ее воспроизводство, в которое помимо жизненных средств и содержания семьи должны войти расходы на образование и повышение квалификации, а также освоение культурных ценностей. Несмотря на то, что такая покупка оказывается достаточно дорогой, такой «перерасход» компенсируется капиталу сокращением доли частичных работников. Кроме того, если учесть, что труд часто ценен для работника сам по себе, вне зависимости от материального вознаграждения, то возникает возможность не оплачивать полностью воспроизводство рабочей силы, тем самым экономить на заработной плате.

Противоречия в труде современных работников особенно заметны на примере и творческих работников. Они характеризуется следующими чертами: во-первых, такой труд связан с увлеченностью субъекта труда своей деятельностью, в связи с этим работа становится «привлекательной сама по себе», а увлеченный работник менее требователен к размеру заработной платы. Ожидаемые вознаграждения в творческом труде характеризуются высокой степенью нестабильности. Большинство работников принимают такую неопределенность как атрибут творческого труда. Во-вторых, немонетарное вознаграждение, которое дает статус творческого работника, позволяет объяснить избыток предложения творческих работников. Часто работник вынужден зарабатывать себе на жизнь вне творческой сферы. Только относительно небольшое число работников занимаются своей творческой профессией полный рабочий день. Наблюдается преобладание работников с неполной рабочей занятостью, большинство из которых работают по совместительству или в какой-то совершенно другой области. Кроме того, лишь незначительная часть творческих работников является штатными сотрудниками,

регулярно получающими заработную плату. Большинство же из них не имеют никакой гарантии непрерывной занятости, работают по временным и краткосрочным контрактам. И наконец, рынок творческого труда отличается крайней асимметрией в распределении доходов, при котором большинство участников получают очень низкие доходы, а «звезды» – завышенные.

Важно отметить, что использование творческого труда в капиталистической экономике приводит к его неизбежной «нормализации», то есть постепенно творческий производственный процесс рутинизируется.

Однако у высококвалифицированных работников также есть и ряд привилегий. Они не являются – как многие другие работники – взаимозаменяемыми с кем-либо с равной физической силой, выносливостью и ловкостью; у них есть то, в чем нуждается капитал, чтобы развиваться дальше – новые и оригинальные идеи. С позиции Л. Болтански и Э. Кьяпелло капитал удовлетворил «требование креативности, носителями которой являются, в частности, рабочие, обладающие дипломами высокого уровня, инженеры или управленцы, получило неожиданное признание еще тридцать лет назад, когда стало очевидно, что одна, постоянно растущая часть доходов зависит от применения изобретательских способностей, от воображения, от нововведений, развития новых технологий»¹⁵³.

Противоречия современного труда проявляются в его управлении и контроле. Как отмечают Л. Болтански и Э. Кьяпелло: «В самом деле, вся история менеджмента может быть представлена как история перманентного усложнения средств контроля над тем, что происходит на предприятии и вокруг него»¹⁵⁴. Эти формы контроля не обязательно единичны или стабильны; некоторые могут сосуществовать друг с другом или переходить друг в друга. Влияние изменения отношений контроля можно рассмотреть как изменение стиля управления и степени принуждения, оказываемых менеджерами на рабочую силу.

¹⁵³Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011, С. 554.

¹⁵⁴Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011, С. 158.

Отличительной чертой управления трудом в условиях современности является то, что вводятся такие инструменты управления, которые ранее не использовались или не считались приемлемыми. Напомним, что в начале XX в. ведущие теоретики управления (Ф. У. Тейлор, Ф. Файоль и др.) настаивали на принципе единоначалия. В индустриальном обществе труд рассматривался как «интенсивнейшее напряжение» (К. Маркс), как антитезу игре. Однако сейчас исчезает традиционная граница между трудом и игрой. Управляемая игра подразумевает символическое размывание традиционных границ, которые обычно различают работу и не-работу. Некоторые современные техники управления компании стремятся к «дружеским» отношениям или к тому, чтобы сделать так, чтобы «душа рабочего стала частью производства»¹⁵⁵. У работника появляется возможность более свободно подходить к организации своего труда. Это включает гибкий график работы, многообразие выбора проектов, увеличение круга общения, использование больших технических возможностей. «В самых высоких сферах рынка труда такие компании, как Microsoft, стараются сделать контору более похожей на дом, предлагая бесплатное питание и программы физических упражнений, чтобы удерживать работников в конторе на как можно большем отрезке времени их бодрствования»¹⁵⁶. Обычно для создания более приятной атмосферы пробуждаются переживания, связанные с семьей, образом жизни, потреблением и учебой.

В отличие от нормативной организации, которая подавляла индивидуальную идентичность во имя коллективной корпоративной культуры, современный менеджмент призывает работника выражать свою личность и «просто быть собой».

Новая фирма временно предоставляет свободу в рамках неявного социального контракта. Ожидание заключается в том, что сотрудники будут отвечать лояльностью, усердием и, прежде всего, благодарностью.

Изменение стратегии управления выдвигает на первый план неоменеджмент, который предполагает, что свобода является определяющим элементом

¹⁵⁵Лаззарато М. Нематериальный труд [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2008. №. 69. Электрон. дан. [Б. м.], 2008. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrln-trd/> (дата обращения: 08.03.2019).

¹⁵⁶Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху Империи. М., 2006. С. 179.

современного рабочего места. Неоменеджмент поощряет самовыражение, принимает поведение, которое ранее могло считаться девиантным, и разрешает сотрудникам высокую степень свободы над структурой и содержанием их труда. Для работника такая свобода имеет высокую ценность. Как отмечает П. Арора: «сегодня мы уделяем основное внимание тому, чтобы оставаться «верными» себе и обеспечивать логическую связность между трудовой деятельностью и досугом»¹⁵⁷.

Компании вместо того, чтобы наказывать своих работников за трату рабочего времени на свои личные занятия, интегрируют так называемые антирабочие тенденции в работу. Это становится возможным при условии того, что наемные работники не имеют установленных графиков работы. Таким образом, само понятие «оплачиваемое время» становится гораздо менее значимо.

Критическая теория, обсуждая новое рабочее место, высказывает определенную тревогу, что «иллюзорная» свобода, которая предоставляется современному работнику, может оказаться в итоге весьма соблазнительной. Однако, по мнению критически настроенных авторов, «гуманное рабочее место» часто действует как прикрытие для интенсификации эксплуатации. Например, Э. Росс утверждает, что фирмы в «новой экономике» стремятся обеспечить культуру труда, «охватывающую открытость, сотрудничество и самоуправление», но такие особенности фактически тесно связаны с длительным рабочим временем и серьезным размыванием границы между работой и досугом. Пока доткомы 1990-х годов предлагали «кучу автономии наряду с теплой коллегиальностью», они также привлекали «работников» свободными мыслями и импульсами на службу оплачиваемому времени»¹⁵⁸. Этот процесс был охарактеризован как «самостоятельная эксплуатация». Как пишут Л. Болтански и Э. Кьяпелло: «Чтобы «контролировать неконтролируемое», существует только один метод: необходимо, чтобы люди сами себя контролировали. Другими словами, внешний контроль организационных механизмов необходимо переместить вовнутрь самого

¹⁵⁷ Арора П. Фабрика досуга: производство в цифровой век // Логос, 2015. Т. 25, №3 (105). С.100.

¹⁵⁸ См. Ross A. No-collar: The Humane Workplace its Hidden Costs. Philadelphia, 2004.

персонала, но при этом важно, чтобы силы контроля совпали с общим проектом предприятия»¹⁵⁹.

Итак, внешние и внутренние конфликты работника обостряются требованием к принудительной самореализации. В такой ситуации «встает вопрос о цельности человеческой личности. Что может гарантировать неприкосновенность личности в этом новом контексте, где от нее требуют, чтобы она отдавала предприятию не только технические компетенции, но и все свои способности, в том числе и самые личные, не только креативность, но также эмоциональность, способность к дружбе и т.п.»¹⁶⁰.

Тотальный скепсис по поводу того, что работодатель может стать «другом» работнику, высказывает С. Жижек. Философ полагает, что игровые комнаты, кухни, бесплатные обеды только создают иллюзию «дружбы с работодателем», а на самом деле являются уловками, которые не позволяют работникам отстаивать свои права¹⁶¹.

Некоторые бизнес-эксперты отмечают, что идея абсолютной лояльности работников работодателю является абсурдом и не идет никому на пользу¹⁶².

Тем не менее, как это ни парадоксально, чем больше расширяется так называемая «свобода» наемного работника, тем больше негативных проявлений прослеживается в субъекте труда. Ж. Липовецки считает, что разлад является важнейшей чертой современности, а «свободный график работы, надомный труд, job enrichment — все это, вопреки оптимизму тех, кто верит в «третью волну», не слишком изменит характер нашего существования»¹⁶³.

Самопринуждение и эмоциональная мобилизация являются важными составляющими современной работы. Работники вынуждены принять давление рынка за собственную внутреннюю мотивацию. «Для одних это предвещает

¹⁵⁹Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011 С. 159.

¹⁶⁰Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011. С. 185.

¹⁶¹Lubin G. Slavoj Zizek Says Your Office Ping-Pong Table Is Oppressing You [Электронный ресурс] // Бизнес Инсайдер. Электрон. дан. [Б. м.], 2017. URL: <http://www.businessinsider.com/slavoj-zizek-says-your-office-ping-pong-table-is-oppressing-you-2012-5> (дата обращения: 06.04.2017).

¹⁶²Nisen M. Marissa Mayer Should Have Used Google's Excellent Argument To Bring Remote Workers Back [Электронный ресурс] // Бизнес Инсайдер. Электрон. дан. [Б. м.], 2018. URL: <http://www.businessinsider.com/author/max-nisen> (дата обращения: 13.05.2018).

¹⁶³Липовецки Ж. Эра пустоты. СПб, 2001. С. 187.

пугающие образы всеохватывающей тюрьмы пожизненного обучения, для других это дает повод для надежд на будущую интеллектуальность масс; для некоторых это означает ужасающие новые способы порабощения, для прочих – само по себе актуализирует микро-политические процессы самообразования и самоформирования»¹⁶⁴. Как считает Горц, наемный работник сменяется «человеком-предприятием», которые сам ответственен за свою карьеру и социальные гарантии¹⁶⁵.

Следует отметить, что новые формы контроля на рабочем месте не обязательно отменяют его старые формы. Вместо этого формы контроля часто являются кумулятивными. Наряду с неоменеджментом необходимо выделить и другие типы управления, каждый из которых модифицируется рядом контекстуальных факторов, включая национальную культуру и традицию, а также факторы, характерные для конкретной фирмы или сектора.

Одним из таких типов является личный контроль, осуществляемый через отношения и обязательства между людьми. Это может быть патерналистская форма контроля, например, в семейной фирме, или это может быть более индивидуальная форма патронажа. Можно было бы подумать, что такие формы контроля становятся все более анахроничными, однако возрастающая нестабильность рынков труда показывает, что такая форма контроля по-прежнему существует. Эта форма контроля подкрепляется дарственными отношениями, взаимным обменом и игнорированием формальных условий контрактов.

Второй тип контроля – бюрократический. Эта форма осуществляется посредством формальных и четких правил. Он традиционно является доминирующей формой не только в государственном секторе, но и в крупных организациях.

Третий тип – своего рода тейлористский контроль. По сути, он связан с системой управления (а иногда и оплаты) по результатам труда. Контроль может

¹⁶⁴Создавая миры [Электронный ресурс] // европейский институт культурной политики. Электрон. дан. [Б. м.], 2017. URL: режим доступа: <http://eipcp.net/projects/creatingworlds/files/about-ru>. (дата обращения: 05.05.2017).

¹⁶⁵Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010. С. 13.

осуществляться открыто, или он может стать формой контроля со стороны участников команды.

Четвертый тип – контроль рынка. Этот контроль связан с расширяющимся предложением рабочей силы, которое становится действительно глобальным, что ведет к возрастанию конкуренции.

А. К. Дамарин утверждает, что в отдельных отраслях (существуют и другие, более распространенные формы контроля, которые она называет «социально-техническими сетями, состоящими из отношений с людьми, технологий, конвенций и типизаций»¹⁶⁶.

Каждая форма контроля вызывает и определенную форму сопротивления работников, то есть защитный ответ, соответствующий определенной форме управленческого контроля. При этом такой ответ может быть бесполезным или даже контрпродуктивным, если он применяется не в соответствии с формой контроля. Когда сосуществует несколько форм контроля рядом друг с другом, противоречивое давление на работников кажется настолько большим, что они часто лишены возможности принимать какую-либо эффективную форму сопротивления. Вместо этого они могут испытывать выгорание, циничную аномию, оппортунизм.

Для капитала в начале XXI века существует сильное напряжение между, с одной стороны, необходимостью непрерывного предложения новых идей и талантов в целях стимулирования процесса его накопления, а с другой – необходимостью строго контролировать эти процессы, чтобы максимизировать эффективность и прибыль. У работников напряжение проявляется в стремлении сделать что-то значимое в жизни, оставить след в мире, быть признанными, оцененными и уважаемыми, с одной стороны, а с другой – необходимостью зарабатывать, возможностью планировать заранее свободное время. Такое противоречие можно назвать противоречием между автономией и поиском безопасности. Эти противоречия разыгрываются друг против друга в сложных

¹⁶⁶См. Damarin A. K. The network-organized labor process: Control and autonomy in web production work // Networks, Work and Inequality. 2013. P. 177–205.

формах, в которых различные формы контроля порождают (или обходят) различные формы сопротивления со стороны работников.

Важно отметить, что творческий работник не только заботится о денежном вознаграждении, но и о содержании работы. Это создает форму переговоров, которая является сложной по сравнению с другими трудовыми отношениями и может быть невыгодна для работника в финансовом отношении, особенно в ситуации, когда наблюдается избыток творческого труда.

Кроме того, сильная идентификация с продуктом труда может оставлять работников с иллюзией постоянной собственности на произведенный им продукт. Отчуждение же творческого продукта может быть более болезненным, чем в других формах труда, где отчуждение считается само собой разумеющимся. В этом отношении, можно сказать, что творческая работа постоянно находится в состоянии отчуждения, а творческий работник находится в центре противоречия.

Личная идентификация творческого работника с его продуктом порождает другое противоречие: между индивидуальным и коллективным интересом, между конкуренцией и сотрудничеством.

Особенностью многих видов творческой работы является то, что она имеет «смысл» в виде своего рода потенциала социального воздействия, положительного или отрицательного. Поэтому перед творческими работниками всегда стоит этический выбор. Иногда это связано с официальной ответственностью. В других случаях работники должны сами судить о том, где провести линию между удовлетворением требований работодателя или клиента, с одной стороны, и своими собственными ценностями, с другой.

Там, где творческие работники чувствуют себя ответственными, принятие этической позиции может повлечь за собой мужество и жертву. Несоблюдение этого требования может привести к чувству вины.

В той мере, в какой творческие работники активно ищут этический и эстетический смысл своей работы, вкладывают свои личностные способности в решение проблем, им сложно ставить вопрос: «какая цена моей рабочей силы?».

Распространение творческого труда обнажает глубинные изменения общественных отношений. Противоречием современного капитализма становится то, что, пытаясь использовать творческие силы человека, он в то же самое время их разрушает, что негативно сказывается и на собственном развитии капитализма.

Таким образом, новые формы контроля наемных работников устанавливаются за счет снижения гарантии занятости, вытекающих из новых форм организации труда (временная работа, срочный контракт и так далее). Фирмы, использующие такие методы, обычно оперируют такими понятиями как самовыражение, игра, забава, свобода – и перекодируют их как работу. Рабочее место становится замаскированным под место отдыха.

Все сказанное выше, может свидетельствовать о качественно новых противоречиях, созревших в процессе развития современного типа общественного труда. Собственно, все эти противоречия можно свести к основному противоречию, которое выражается, на наш взгляд, в противоречии между конкретно-всеобщим содержанием самого труда и формой его эксплуатации как абстрактно-всеобщего труда.

Пояснить сказанное можно, если рассматривать индустриальный труд как абстрактный и совместный труд, а современный - как всеобщий и конкретный. Анализ двойственной природы труда, предпринятый К. Марксом, показал, что в условиях товарного производства целесообразный труд, затраченный в конкретной форме, поддается сведению к абстрактному труду. Каждый товар несет в себе его порцию. Однако в современном труде такое абстрагирование от качественных характеристик, сведение к общему количественному знаменателю все виды труда, становится проблематичным, так как невозможно рассчитать ни средний уровень умелости, ни среднюю интенсивность сложного, высококвалифицированного труда. Сразу оговоримся, что К. Маркс в условиях машинного производства предполагал сложный труд как помноженный простой. Тем не менее, рассматривать постфордистский труд как помноженный простой сомнительно. В условиях сложного постфордистского труда невозможно «сузить поры рабочего дня», следовательно, невозможно таким путем увеличить его производительность.

Результат труда постфордистской рабочей силы часто неопределим и не гарантирован. Кроме того, трудность заключается также в измерении рабочего времени, т. к. труд совершается не только в рабочее, но и в свободное от работы время. Одним словом, рабочее время перестает быть стоимостным мерилем.

Однако, если рассматривать постфордистский труд подобным образом, то следующим шагом его возможно объединить с понятием всеобщего труда (К. Маркс). Те немногие определения всеобщего труда, которые приводит К. Маркс, позволяют заключить, что под всеобщим трудом понимается труд, в котором происходит раскрытие сущностных сил человека¹⁶⁷. Он открыл новую историческую форму труда. Если абстрактный труд, создающий стоимость, как бы уравнивает, сводит к общему количественному знаменателю все виды конкретного труда, то всеобщий труд неразрывно связан со своим конкретным содержанием, а его продукт представляет общественную ценность именно в силу своей особенности, уникальности, конкретности. Как отмечает Н. С. Злобин, в характеристике труда как всеобщего «речь идет о труде как позитивной творческой деятельности»¹⁶⁸. Именно на современном этапе общественного развития форма всеобщего труда выходит на первый план. Средствами такого труда выступают сложные телекоммуникационные и компьютерные технологии. Человек преобразует сложнейшие материальные процессы. Всеобщий труд противостоит абстрактному труду.

Как было показано ранее, современный труд связан с усложнением общих и особенных способностей человека. В. Корякин отмечает, что «общее содержание в труде начинает порождаться не путем его усреднения, а посредством приобретения индивидом всего многообразия особенных производственных навыков. Труд становится в высшей мере индивидуализированным и одновременно общим»¹⁶⁹. Неотъемлемой частью такого труда является открытое сотрудничество между

¹⁶⁷Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. 2-е изд / К. Маркс. М., 1968. Т. 46. Ч. II. С. 208.

¹⁶⁸См. Злобин Н. С. Деятельность–труд–культура // Деятельность: теории, методология, проблемы. М., 1990. С. 111-129.

¹⁶⁹Корякин В. В. Эскиз эволюции человеческой сущности труда и стоимости [Электронный ресурс] // Пермский государственный университет. Электрон. дан. [Б. м.], 2017. URL: http://www.psu.ru/psu/files/1641/06_Korjakin.doc. (дата обращения: 07.04.2017).

отдельными людьми и коллективами, открытый доступ к ресурсам культуры и т.д. Такой труд опирается на всю совокупность научных знаний, достижения культуры, накопленных человечеством за свою историю. Интегрируя совокупность достижений человечества, в постфордистском труде воплощены результаты труда множества людей. В силу этого труд приобретает непосредственно общественный характер.

Итак, изменения в современном обществе неразрывно связаны с коренными преобразованиями труда, которые задают совершенно новый масштаб развитию сущностных сил человека.

Суммируя вышесказанное, в противоположность индустриальному труду, доведенному до предела частичности, постфордистский труд становится конкретно-всеобщим. Тем не менее, противоречия в развитии общественного труда не снимаются, так как есть конфликт между конкретно-всеобщим содержанием самого труда и формой его эксплуатации как абстрактно-всеобщего труда. В самом общем виде эти противоречия заключаются в следующем:

1. Важнейшую роль в современном производстве играют высококвалифицированные работники, труд которых, как правило, наполнен творческими задачами. Несмотря на это, количество деквалифицированных работников, в труде которых превалирует абстрактное содержание, остается высоким. Наблюдается противоречие между простым и сложным типом труда, квалифицированной рабочей силой и деквалифицированной, абстрактным и конкретным трудом, разделенным и универсальным.

2. Противоречие между стремлением к автономии и поиском безопасности.

3. Компании должны уравновесить свою потребность в потоке новых идей с необходимостью управлять и контролировать высококвалифицированную, творческую рабочую силу. Однако чрезмерный контроль разрушает творческую деятельность, и, в конечном счете, сдерживает развитие компании.

Противоречие проявляется и в самом труде, и в трудовом опыте работников. Взаимодействие между этими антагонистическими императивами создает

сложный набор отношений, охватывающих различные формы как «договора», так и конфликта между собственниками, менеджерами и работниками.

Итак, изменения в современном обществе неразрывно связаны с коренными преобразованиями труда, которые задают совершенно новый масштаб развитию сущностных сил человека. Поскольку в противоположность индустриальному труду, доведенному до предела частичности, постфордистский труд становится конкретно-всеобщим, то противоречия в развитии общественного труда обостряется, так как в конфликт вступают конкретно - всеобщее содержание самого труда и форма его эксплуатации как абстрактно-всеобщего труда.

3.2 Появление новой формы эксплуатации труда

Как показал К. Маркс, именно отчуждение частичного труда стало основой развития капиталистического общества. Рабочая сила становится таким товаром, потребительной стоимостью которого является производство стоимости. Рабочее время частичного работника делится на необходимое и прибавочное. За необходимое время создается стоимость равная стоимости его рабочей силы. Прибавочное время идет на создание стоимости, которая присваивается капиталом. Стоимость товара, произведенного трудом, по сумме превышает стоимость рабочей силы и стоимости, перенесенной средствами производства. Такая разница является прибавочной стоимостью, которая, в свою очередь, есть результат эксплуатации рабочей силы.

Высококвалифицированный труд вообще и творческий труд в частности может подвергаться эксплуатации, которая, впрочем, сама по себе не представляет концептуальной новизны. Важным здесь является то, что методы эксплуатации включают в себя новые механизмы. Как отмечают Л. Болтански и Э. Кьяпелло : «теория эксплуатации должна показать, что успех и сила одних на самом деле зависят, по меньшей мере частично, от участия других субъектов рынка, чья деятельность остается не признанной и не оцененной».¹⁷⁰ Как было оказано ранее,

¹⁷⁰Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011 С. 605.

в современных условиях происходит обращение не только рабочей силы, как физической, теперь собственник средств производства апеллирует к работнику как личности, индивидуальности, создает условия для раскрытия творческого потенциала работников, их организаторских способностей.

Эксплуатация не исчезает, а приобретает новые черты. С одной стороны, эксплуатация распространяется в связи с появлением новых форм организации труда. С другой стороны, эксплуатации подвергается личность человека целиком, а не только его рабочая сила. Как говорит М. Лаззарато, современное производство задействует жизнь, социальное и общественное пространство, интеллект, «душу» человека¹⁷¹. Такой труда подвергается сильнейшей эксплуатации. При этом эксплуатация для современного работника играет гораздо более негативную роль, чем для пролетария времен классического капитализма, поскольку прямым образом противостоит всем его способностям, самому его способу существования и возможностям развития. «Аффекты и чувства, языковые способности, способы кооперации, формы ноу-хау и явного знания, выражения желания: все они присвоены и превращены в прибавочную стоимость. Мы перешли от ситуации открытой эксплуатации, в которой капитал подчинял труд и субъективность своим целям, к ситуации внутренней эксплуатации, в которой капитал напрямую встраивает труд и субъективность внутрь своих собственных процессов»¹⁷².

Эксплуатируемый труд теряет существенную часть своего потенциала и обречен лишь на частичное, весьма одностороннее, урезанное существование. Будучи подчинен внешним целям – увеличению прибыли и прочему – труд отчуждается от самого себя как источника и важнейшей цели развития. Например, В.Л. Иноземцев, разрабатывая концепцию постэкономического общества, высказывал предположение о том, что происходит преодоление труда как утилитарной активности и замена его творческой деятельностью, не мотивированной непосредственно материальными факторами¹⁷³. Разве не в этом

¹⁷¹См. Лаззарато М. Нематериальный труд //Художественный журнал. 2008. №. 69.

¹⁷²Шавиро С. Необходимая бесполезность [Электронный ресурс] // Теории и практики. Электрон. дан. [Б. м.], 2019. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8165-accelerationist-aesthetics> (дата обращения: 07.05.2019).

¹⁷³См. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998.

состоит развитие индивидуальности человека «столь же многосторонней в производстве, как и в потреблении, и труд которой предстает уже не трудом, а полным развитием деятельности как таковой»¹⁷⁴?

Ответом на этот вопрос, на наш взгляд, является положение, что в современной форме творческого труда не снимаются социальные антагонизмы. Напротив, в условиях современного общества творческий труд становится объектом глубокой эксплуатации. При том, что для субъекта творческого труда такая эксплуатация играет гораздо более негативную роль, чем для пролетария времен классического капитализма, поскольку прямым образом противостоит его сущности, его способу существования и возможностям развития.

Особенность творческих продуктов характеризуется, во-первых, тем, что творческий труд производит продукты, которые невозможно полностью подвергнуть отчуждению от творческого работника. Творческий продукт воплощается в производящем его субъекте, постепенно выражаясь в его новых способностях, необходимых для того, чтобы совершать творческий труд. Во-вторых, приобретение одним человеком или группой людей продуктов творческого труда не предполагает отчуждения от него всех остальных людей. И наконец, творческий труд совершается благодаря опредмечиванию и распредмечиванию продуктов творческого труда, поэтому имеет специфические признаки и свойства, отличные от характеристик «традиционного товара».

Неотъемлемой частью творческого труда является открытое сотрудничество между отдельными людьми и коллективами, открытый доступ к ресурсам культуры и так далее. Даже если большую часть времени творческие работники занимаются рутинным трудом, эта работа содержит элементы «свободного труда», который воспринимается как неотчужденный.¹⁷⁵

Тем не менее, в современных условиях творческий труд интерпретируется как товар. Для того, чтобы это было возможно, необходимо ускорить потребление

¹⁷⁴Лаззарато М. Нематериальный труд [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2008. №. 69. Электрон. дан. [Б. м.], 2008. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrln-trd/> (дата обращения: 08.03.2019).

¹⁷⁵См. Sayers S. The Concept of Labour: Marx and His Critics // Science and Society. 2007. Vol. 71, № 4. P. 431-454.

творческих продуктов за счет как можно более широкого распространения. В силу этого распространения и параллельно с ним продукты творческого труда приобретают непосредственно общественный характер. Удержание разрыва между скоростью распространения и скоростью обобществления возможно осуществить при условии применения правовых форм, лимитирующих приобщение к продуктам творческого труда.

Таким образом, творческий продукт может выступать товаром, только если доступ к этим товарам искусственно ограничен монопольными барьерами и законодательством о защите авторских прав и интеллектуальной собственности. Очевидно, что такое «огораживание»¹⁷⁶ негативно влияет на развитие творческого труда.

Новые формы эксплуатации наемных работников устанавливаются за счет снижения гарантии занятости, вытекающих из новых форм организации труда (временная работа, срочный контракт и так далее). Например, Г. Рауниг, исследуя миры когнитивной и креативной работы, показывает их как территорию эксплуатации и самопрекаризации¹⁷⁷.

В условиях эксплуатации творческий труд теряет существенную часть своего потенциала и обречен лишь на частичное, весьма одностороннее, урезанное существование. Будучи подчинен внешним целям – накоплению капитала, увеличению прибыли и пр. – творческий труд отчуждается от самого себя как источника и важнейшей цели развития.

Тем не менее, при возможности эксплуатации высококвалифицированного и творческого труда остается и другой тип эксплуатации, который необходимо рассмотреть далее. Л. Болтански и Э. Кьяпелло называют первый тип эксплуатации – неполным, второй тип эксплуатации – полным. Под полной эксплуатацией понимается, такая форма эксплуатации, которая затрагивает саму жизнеспособность, то есть все репродуктивные способности, которыми наделен

¹⁷⁶См. Бутан Я.М. Новое огораживание: информационные и коммуникационные технологии, или Ползучая революция прав собственности // Логос, 2007.

¹⁷⁷См. Интервью Г. Раунига. Машинный поворот: изобретение вместо методологии // Журнал исследований культуры, № 1(6), 2012.

человек.¹⁷⁸ В период индустриального труда полной формой эксплуатации являлся изнурительный труд.

Как уже было показано выше, в современном труде наблюдается высокое количество девалифицированных работников. Отдельные сотрудники теряют контроль над рабочим процессом и получают все более мелкие рутинные задачи. Хотя работник, возможно, был подготовлен для выполнения широкого круга задач, попадая в систему корпоративного управления, в конечном счете, получает возможность выполнять только простые функции. В рамках такого узкого круга обязанностей рабочий не только девалифицируется, но и легко заменяется. Чем больше знаний кодифицировано и закреплено в системе машин, тем больше рабочий становится придатком ее придатком, отчужденным от собственного труда.

Кроме того, труд наемных работников характеризуется возрастанием интенсивности, которая обеспечивается новыми информационными технологиями. Работа подчиняется мониторингу компьютерными системами. Механизмы контроля, связанные с оценкой успешности (неуспешности) действий, могут принимать негативную эмоциональную окраску, фиксироваться на мелочах и тем самым подавлять мотивацию и творческий поиск.

Всепроникающие возможности наблюдения и мониторинга лишают сотрудников вовлеченности в процесс труда. Эти возможности не только допускают, но и фокусируются на задачах разделения и рутинизации труда.

К примеру, все большее распространение получают системы Data Leak Prevention (DLP-технологии). Одной из функций данных программ является увеличение контроля над рабочим временем сотрудников. На этой базе в некоторых компаниях строятся различные системы мотивации. В ряде случаев использование таких программ противоречит законодательству о защите личной жизни, тайны переписки. Данные системы в некотором смысле толкают, как работников, так и работодателей к оппортунистическому поведению. Полученную информацию работодатели могут использовать в целях снижения возможности работников отстаивать свои права, претендовать на повышение оплаты труда и так

¹⁷⁸См. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., 2011.

далее. В свою очередь, работники могут имитировать рабочий процесс, нацеливаясь не на результат труда, а на формальные признаки его исполнения.

DLP-технологии не только позволяют, но и поощряют разделение, рутинизацию. Эти программные средства включают сложные системы наблюдения за сотрудниками во время работы и расширенные возможности аудита для анализа их производительности. В самом крайнем случае менеджмент может отслеживать точное время, в течение которого сотрудник работал над документом (и используя журнал аудита, они могут определить точный объем работы, выполненной сотрудником в этот конкретный период времени). Программа регистрирует отдельные нажатия клавиш. Журналы аудита, документирующие действия работников, дополняются возможностью мониторинга работников в режиме реального времени. Они облегчают создание интеллектуального конвейера, обеспечивая при этом управленческий контроль за каждым работником и каждой частью работы.

Тем не менее, описанные программные средства могли бы произвести радикальную трансформацию процесса труда, так как они позволяют координировать сложный процесс труда. Однако такие системы становятся инструментом, который используется руководством для усиления контроля над трудовым процессом.

Таким образом, труд отдельных работников может быть сведен к интеллектуальному конвейеру. В таких условиях рабочий процесс больше не является обменом идеями между работниками, вместо этого он становится простым алгоритмом, запрограммированным в модуле, который управляется системным администратором. У. Хьюс утверждает, что если навыки трансформируются в те, которые легче регламентировать и количественно оценивать, тогда работники сталкиваются с повышенной опасностью стать «расходным материалом»¹⁷⁹.

¹⁷⁹Huws U The transformation of work in a global knowledge economy: towards a conceptual framework [Электронный ресурс] // Centre de recherche de la Fondation Travail-Université. Электрон. дан. [Б. м.], 2019. URL: http://www.ftu-namur.org/fichiers/WORKS-Conceptual_framework.pdf (дата обращения: 30.04.2019).

На наш взгляд, именно такая форма эксплуатации и является полной, так как дисквалифицированный труд не просто изнуряет рабочую силу, но и постепенно такой труд «исключается» из мира современного труда. «Существование, которое обычно ведут «ищущие место», – в лучшем случае небезоблачное, а в худшем прямо-таки беспросветное, – показывает, что значимость постоянной работы не только не падает, но и возрастает в глазах человека, не способного ее найти»¹⁸⁰.

Такие авторы как Т. Терранова рассматривает распространение досуговых творческих практик как новую форму эксплуатации и отчуждения, аргументируя свою позицию тем, что досуговые творческие практики помогают развитию капитала не столько через рыночные механизмы, сколько через введение участников в заблуждение¹⁸¹.

Итак, возможность эксплуатировать работника достигается не только экономическими методами. При том, что факт эксплуатации может и не ощущаться самим работником. Новая система надзора нависает над современным работником. Масштабный антагонизм между рыночной экономикой и высококвалифицированным трудом обостряет социально-экономические противоречия.

Необходимо отметить, что какими бы сложными не были методы эксплуатации, высококвалифицированный труд сложно подвергнуть такой же эксплуатации, как частичный труд.

Частичный труд постепенно сменяется сложным трудом, что означает появление условий для всестороннего свободного развития человека. Корякин отмечает, что «в недрах всеобщего производства все сильнее вызревают основания для тотального самовоспроизводства и, как следствие, привлечения к нему посредством интеллектуального и практического участия бывших производителей капиталистического типа. Современное наукоемкое производство... постепенно

¹⁸⁰Кастель Р. Конец эпохи постоянного найма: правда или вредный миф? // Отечественные записки. 2003. №3. С. 390.

¹⁸¹См. Terranova T. Free labor: Producing culture for the digital economy // Social text. 2000. № 18. P. 33-58.

приобретает черты самодостаточности, начинает существовать не в капиталистическом обществе, а параллельно с ним, вопреки ему»¹⁸².

Таким образом, капитализм «совершенно непреднамеренно» создает условия для изменения труда и субъекта. Однако необходимо принять во внимание предупреждение К. Маркса о том, что капитал будет всеми силами пытаться сдерживать труд в пределах, сложившихся социальных отношений.

3.3 Субъект современного труда и особенности его субъективности

При анализе труда в условиях современности возникает вопрос, что же объединяет всех тех, кто участвует в таких разнообразных рабочих процессах. По мнению П. Вирно, «нужно иметь смелость ответить: очень мало, если учитывать функции, профессиональные компетенции и характеристики рабочего процесса. Но в то же время – все, если принимать в расчет и содержание внутрудовой социализации отдельных индивидуумов. Общими будут являться эмоциональные оттенки, склонности, ментальность ожидания»¹⁸³.

Строго говоря, вопрос о труде затрагивает самого человека, а значит, его субъективность и идентичность. З. Бауман считает, что «впечатляющее возрастание интереса к «обсуждению идентичности» может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления»¹⁸⁴. Под идентичностью понимается «некоторая устойчивость индивидуальных, социокультурных, национальных или цивилизационных параметров, их самотождественность. Идентичность выступает как интегральный параметр и не сводится к социальным ролям»¹⁸⁵.

¹⁸²См. Корякин В. В. Современный мир и философия / В. В. Корякин // Новые идеи в философии. Философия как инновационный фактор науки и образования: межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 2013. – Т.1. С. 11-30.

¹⁸³Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. С. 136.

¹⁸⁴См. Бауман З Идентичность в глобализирующемся мире// З. Бауман Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 176-177.

¹⁸⁵Модернизация и глобализация: Образы России в XXI в. //отв. ред. В. Г. Федотова. М., 2002. С. 14.

С. Холл понимает идентичность, как «временную привязанность к субъектным позициям, которые конструируют для нас дискурсивные практики»¹⁸⁶. Так, в понимании С. Холла идентичность развивается на пересечении субъекта и репрезентациями, структурами значения в обществе. Автор отмечает, что субъект, как наследник эпохи Просвещения с устойчивой идентичностью, превратился в субъекта «с разомкнутыми, противоречивыми, незавершенными, фрагментированными идентичностями»¹⁸⁷.

Таким образом, проблемным узлом в социальной философии остается описание субъекта. В самом общем виде можно сказать, что необходимость описать субъекта в условиях современности, связана с поиском ответа на вопрос: зависит ли «от действий тех, кто вовлечен в испытания текущего момента»¹⁸⁸ направление, в котором изменяется современность, или следует склониться к «фатализму в плане возможной эволюции»¹⁸⁹.

Л. Болтански и Э. Кьяпелло отмечают, что ни в одной эпохе не было такой слепой веры в возможности действия без субъекта действия¹⁹⁰. Отсутствие субъекта, который может стать агентом социальных изменений, делает философский анализ труда бесплодным. К примеру, Ж. Л. Нанси ставит вопрос, о том нечто или не что, что может стать тем концептуальным узлом, роль которого выполняла метафизическая субъективность¹⁹¹.

Рассматривая современного субъекта как идеальную величину, необходимо показать каким образом возникает эта новая субъективность, которой соответствует все большее количество людей. Кризис трудового общества, упадок труда как *Veruf*¹⁹² (М. Вебер), распространение precarious форм организации труда, по мнению американского социолога Р. Сеннета, привели к тому, что

¹⁸⁶Hall S. Introduction: Who Needs Identity? // S. Hall., P. du Gay (eds). Questions of Cultural Identity. 1996. P. 5.

¹⁸⁷Холл С. Вопрос культурной идентичности [Электронный ресурс] // Художественный журнал № 77-78. Электрон. дан. [Б. м.], 2019. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/77-78/hall> (дата обращения 16.08.2019).

¹⁸⁸Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., НЛО, 2011. С. 880.

¹⁸⁹Там же.

¹⁹⁰Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма ... С. 880.

¹⁹¹Nancy J.-L. Introduction // Who Comes After the Subject? 1991. P. 8.

¹⁹²*Veruf* в немецком языке означает профессию и призвание.

характер работника подвергся «коррозии» вследствие распространения нового, гибкого типа капитализма.

Рассматривая современного субъекта, как идеальную величину, Сеннет показывает возникновение нового типа субъекта, которому соответствует все большее количество людей. «Гибкий» капитализм порождает «гибкого» субъекта, обладающего саморазрушающимся характером. Личность теряет свою корневую структуру, опору в своем опыте, знании и профессии, ставшими недолговечными «ломтиками жизни».

Требование гибкого капитализма к личности, отмечает Сеннет, могут противоречить ее внутренним ценностным установкам. Так, личность оказывается в ситуации противоречия. Из этого противоречия рождается новый субъект, которого Сеннет называет «дрейфующим». «Дрейфующий человек» способен и готов легко адаптироваться к регулярной смене жизненных обстоятельств. Автор ставит диагноз современному обществу – безразличие. «Среда приучает ни к чему не привыкать, не культивировать привязанность, не строить ничего долгосрочного. В гражданской жизни современного города распространено «приспособление через разобщение»¹⁹³.

Э. Фромм еще в 40-х годах двадцатого века заметил появление такого типа характера. Он назвал его «рыночным характером». Люди, данного типа, описывались Фроммом, как «упаковка», которую пытается продать «личность». Они «жизнерадостны», «энергичны», «надежны», «честолюбивы», принадлежат к тому или иному клубу знакомства с «нужными людьми». «Отношение человека к самому себе определяется тем фактом, что одних умений и способностей еще недостаточно... Но так как успех зависит главным образом от того, как человек продает свою личность, то он чувствует себя товаром или, вернее, продавцом и товаром»¹⁹⁴.

Опасность для субъекта, по мнению Р. Сеннета, заключается в том, что работники испытывают не только «отчуждение» от места работы, но еще и

¹⁹³Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость, безразличие // Логос.2008. №3. С. 100.

¹⁹⁴См. Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 152-153.

«принудительную связь» с ним, которая достигается различными техниками управления. Результатом является то, что способность к самооценке, имеющаяся у людей в обществе, нарушается на глубинном уровне. Люди в пассивном состоянии не думают бросать вызов корпоративным правилам. Корпорация – это абсолютная и фиксированная реальность, в которой им приходится прокладывать свой путь, используя свои способности.

Однако остается не до конца понятным, как субъект формируется и как он себя проявляет. Чтобы ответить на эти вопросы остановимся на идеях представителя итальянского автономистского марксизма – П. Вирно.

Сегодня, пишет П. Вирно, мы живем в новом XVII веке, поэтому наш аппарат старых понятий требует решительного пересмотра¹⁹⁵. Речь идет не столько о неологизмах, сколько о поисках тех способов описания, которые несправедливо подверглись забвению, но именно сейчас представляются актуальными. И здесь автор указывает направление, следуя которому можно обнаружить новые контуры субъективности. Обратиться нужно к концепту множества (*multitudo*), который берется из философии Б. Спинозы¹⁹⁶.

Множество – это особая форма коллективного существования субъекта. Она определяется как некая единичность, которая является сетью индивидов, которые в свою очередь являются результатом процесса индивидуации. «Множество – форма общественного и политического существования в качестве многих»¹⁹⁷. Если мы обратимся к финальной части текста Вирно («Множество как субъективность»), становится понятным, что для автора важен сам процесс формирования субъективностей, а точнее процесс индивидуации: «множество состоит из сети индивидов; многие суть сингулярность»¹⁹⁸. Для Вирно сингулярности – это результат индивидуации, процесса, который никогда не может завершиться полностью. Свою гипотезу итальянский теоретик поясняет, ссылаясь на французского философа Ж. Симондона. Вирно подчеркивает, что марксистская

¹⁹⁵Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М. 2013. С. 15.

¹⁹⁶Там же. С. 10.

¹⁹⁷Там же.

¹⁹⁸Там же. С. 89.

теория должна быть дополнена теорией индивидуации. Философский подход Ж. Симондона позволяет рассматривать онтогенез становящейся материи, которая проходит различные режимы индивидуации: физический, биологический, психический и психосоциальный. При том, что границы между этими режимами подвижны.

Итак, чтобы понять множество, как нового агента действия в условиях современности, необходимо увидит субъекта, как процесс, который разворачивается и не заканчивается. По Симондону сам процесс является сущим¹⁹⁹. Сущее развивается через отношения, которые связывают между собой все моменты изменения, как в органической, так и в неорганической сфере.

Так как нас интересует формирование субъекта, то остановимся именно на этой фазе развития сущего. Важно, что индивидуация – принципиально незавершенный процесс. Границы между доиндивидуальным и индивидуальным подвижны, а субъективность есть «переплетение доиндивидуальных элементов с индивидуализированными аспектами»²⁰⁰. Неустойчивость индивидуальности проблематизирует ее существование. Само сущее никогда не представляется Единым. Проходя процесс индивидуации, оно находится в процессе становления, остается множественным. По Симондону, этот процесс включает в себя доиндивидуальную реальность – нечто общее, которое продолжает оказывать свое влияние на индивидуальное. Это, в первую очередь, природа, биологическая основа человека, его органы чувств, способность к определенному типу движения, восприятия. Вирно пишет, что видит не «я». Местоимение первого лица единственного числа не описывает восприятие. Это означает, что для обозначения восприятия с необходимостью «добавляется анонимный суффикс «ся»²⁰¹. Язык также доиндивидуален. Язык, на котором говорят «все», никому не принадлежит в отдельности. «Parole» (речь) не зависит от «langue» (язык)²⁰². Язык похож на анонимную среду. Производительные силы, которые человек не выбирает, а

¹⁹⁹ Simondon G. L'Individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble. 2013. P. 29.

²⁰⁰ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М. 2013. С. 94.

²⁰¹ Там же. С. 91.

²⁰² Там же.

застает – также, по Вирно, являются доиндивидуальной реальностью. Все эти характеристики предпосылочны субъекту. Наложение анонимной универсальности на индивидуальные черты и создают ту стратегию формирования субъекта, которая всегда неустойчива и обратима. Субъект – это и «я» и «некто». «...Субъект содержит в себе постоянное переплетение доиндивидуальных элементов с индивидуализированными аспектами, более того, он и есть это переплетение...Субъект является сложным соединением: «я», но также и общим «ся» – неповторимой уникальностью, но в то же время анонимной универсальностью»²⁰³. Притом такое переплетение не является мирным. В субъекте ведется постоянная борьба между фазами «доиндивидуального» и «индивидуального». Вирно пишет о субъекте, как о «поле битвы». Таким образом, необходима защита, произошедшей индивидуации, от ее растворения в доиндивидуальной реальности. Этой защитой, по Вирно, может стать публичная сфера. И здесь появляется еще одна симондоновская идея. Индивид сам по себе не может разрешить проблемы, которые связаны с влиянием доиндивидуального. Когда индивидуация заходит в тупик, человек испытывает тоску и желание «пересочинить» себя (М. Куртов)²⁰⁴. Ответом может быть только трансиндивидуация, как соединение индивида с группой через заряд доиндивидуального.

Возвращаясь к идее, что марксизм должен стать теорией индивидуации, Вирно находит определение множества в рукописях К. Маркса. «В этом превращении в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма, одним словом — развитие общественного индивида»²⁰⁵. По Вирно «общественный индивид» – это оксюморон. Тем не менее,

²⁰³Вирно П. Грамматика множества ... С. 93.

²⁰⁴Куртов М. видео лекторий: Введение в философию Жильбера Симондона: индивидуация в природе, психике и технике [Электронный ресурс] // НГПУ Им. Козьмы Минина НН., Электрон. дан. [Б. м], 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FYlooNpGNxk> (дата обращения 05.05.2019).

²⁰⁵См. Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 гг..... С. 213-214.

именно такое «единство противоположностей» позволяет соединить марксизм с концепцией индивидуации.

Включение восприятия, языка, производительных сил в доиндивидуальное позволяет преодолеть бинарную оппозицию общественного и индивидуального. Как отмечает Вирно, «общественный индивид» – это индивид, который открыто предъявляет свой онтогенез»²⁰⁶. Добавление концепции индивидуации к идеи общественного индивида является, на наш взгляд, весьма плодотворным для понимания современного субъекта.

Для прояснения этой идеи требуется обратиться к концепции всеобщего интеллекта. В широко известном параграфе в «Экономических рукописях 1857-1859 гг.» К. Маркс писал: «Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда – показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта (курсив мой – Я.Г.) и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса»²⁰⁷.

Из этого классического фрагмента П. Вирно пытается извлечь идею того, что труд, основанный на «всеобщем интеллекте» имеет вербальный характер кооперации живых субъектов. Поскольку интеллект следует понимать как нечто, что носит общественный характер. П. Вирно показывает, что мышление в современности больше не является приватным, одиноким занятием: «публичность интеллекта или его разделение всеми»²⁰⁸, вот то основание труда, присущее современному множеству.

О каком же все же основании идет речь? Во-первых, Вирно полагает, что неправомерно сведение абстрактного знания к научному. Во-вторых, научное знание постепенно становится частью автоматизации: «это знание, которое

²⁰⁶Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2013. С. 53.

²⁰⁷Маркс К., Энгельс Экономические рукописи 1857 – 1859 гг. ... С. 215.

²⁰⁸Там же. С. 39.

задействуется основным капиталом и является неотъемлемой частью автоматизированной системы производства»²⁰⁹. В-третьих, машины подчиняли общественное знание только на этапе индустриализации, теперь же такое поглощение невозможно. В постфордистском производстве всеобщий интеллект принадлежит живому труду. В нем проявляется собственно человеческое мышление через языковые способности. Для Вирно принципиально важно, что всеобщий интеллект не может быть подчинен постоянным капиталом. Всеобщий интеллект становится вербальной кооперацией живых людей.

Строго говоря, уже Аристотель писал о «частных местах» (*topoi idoi*), то есть о выражениях, оборотах речи, которые соответствуют тому или иному контексту, выражают человеческую индивидуальность и особенность той аудитории, которая эту речь воспринимает. Вирно же констатирует, что сегодня место «частных мест» занимают «общие места», как родовые лингвистическо-логические формы. С одной стороны, «общие места» защищают от изменчивости современного мира, как береги, с другой стороны, становятся надежными ориентирами.

«Живой труд» (*lebendige Arbeit*) – понятие, которое предлагается К. Марксом для описания индивидуально-телесного воплощения рабочей силы, которое противостоит «мертвому труду». П. Вирно напоминает, что понятие «живого труда» (*lebendige Arbeit*) и рабочей силы (*Arbeitskraft*) означают потенциальность, как особую модальность, которая именно сегодня «целиком располагается на высоте собственного понятия»²¹⁰.

Одним словом, рабочая сила – это «совокупность физических и духовных способностей»²¹¹. В свою очередь, Вирно подчеркивает, что в условиях современности действительно покупаются все способности человека, а не только способность производить. Рабочая сила является чистой потенцией, но не имеющей автономного существования. Живое тело содержит эту потенцию, которая в современном обществе является товаром. В этом смысле актуальным является понятие биополитика, но, как пишет автор, не в модном смысле, как

²⁰⁹Вирно П. Грамматика множества... С. 75.

²¹⁰Там же. С. 98.

²¹¹Маркс К. Капитал ... С. 178.

жизнь, которая управляется политически. Живое тело интересует капиталиста по косвенным причинам, так как оно является субстратом рабочей силы, чистой потенции. Биополитика – просто эффект продажи и покупки потенциального, того, что не присутствует.

Таким образом, труд как субъективность связан с возможностью живой личности, с живым телом. Субъективность работника формируется как в процессе социализации, так и в самих рабочих моментах, она связана с биологическим основанием, с коммуникацией, со всем жизненным опытом, со всеми чувствами и способностями. При том, что такая субъективность является зыбкой, неустойчивой, способной всегда повернуть вспять. Новым здесь является и способ существования в мире, где «общественное время сорвалось с петель, потому что нет больше ничего, что отличает труд от основных видов человеческой деятельности»²¹².

П. Вирно показывает, что и промышленное производство организуется по форме культурной индустрии, которая становится прототипом любой модели труда. Дело в том, что культурная индустрия, по мысли философа, в основе своей есть коммуникативная деятельность или «деятельность говорящего»²¹³. При этом ценность самого высказывания не имеет значения. Высказывание «хоть как-то»²¹⁴ является целью самой в себе, но требует присутствия реципиентов этого высказывания. Строго говоря, это акт самого говорения. Здесь Вирно ссылается на двухкомпонентную теорию знака Ф. Соссюра²¹⁵ и на Э. Бенвениста²¹⁶. «Язык не имеет произведения»²¹⁷. Таким образом, характерной чертой современного производства является устный язык: «Говорящий, в отличие от пианиста, танцора или актера, может обойтись без сценария или партитуры»²¹⁸. По Вирно говорящий же является виртуозом, так как его деятельность не может «воспроизводиться снова

²¹²Вирно П. Грамматика множества ... С. 131.

²¹³Там же. С. 59

²¹⁴Там же.

²¹⁵См. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999.

²¹⁶См. Бенвенист Э. Общая лингвистика М.: Прогресс. 1974.

²¹⁷Вирно П. Грамматика множества ... С. 59.

²¹⁸Там же. С. 60.

и снова»²¹⁹. Вирно подчеркивает, что это способность политического типа, когда продукт неотделим от производительного акта и деятельность не воплощается в произведении. В таком случае, именно виртуозность и импровизация определяют качество труда. Впрочем, главной чертой импровизации признается лишь то, что это «деятельность без произведения»²²⁰. В заключении этих рассуждений Вирно приходит к мысли, что политическое действие должно пониматься как сам современный труд: «пересечение между виртуозностью, политикой и трудом наблюдается везде и повсюду»²²¹.

Все это, в свою очередь, приводит к повышению значения живого. Живой труд существует процессуально, во времени. Овеществленный труд умножается в процессе живого труда, который основывается на коммуникативных практиках.

Это состояние современного труда, к примеру, К. Марацци описывает так: «дематериализация основного капитала и услуг имеет конкретным следствием «привлечение к труду» различных – преимущественно лингвистических и коммуникативных – способностей, приобретенных как в труде, так и особенно вне его (разнообразные навыки, ощущения, гибкость, чуткость и т. д.); одним словом, всей той совокупности человеческих способностей, которые во взаимодействии с автоматизированными и информатизированными производственными системами непосредственно производят прибавочную стоимость»²²². Так, основным действующим лицом в этом производстве остается человек, но он же является и продуктом новой модели экономики.

Здесь следует сказать еще несколько слов о нестабильности социальных условий, в которых появляется современный работник и то, как это влияет на появление особых способов «быть и чувствовать». Этот эффект плохо описывается языком политической экономии, поэтому вслед за П. Вирно здесь предлагает опираться «на множество неоднородных философских сказуемых». Для того, чтобы описать способ существования современного множества нужно обратиться

²¹⁹Там же.

²²⁰Вирно П. Грамматика множества ... С. 53.

²²¹Там же. С. 65.

²²²Марацци К. Тело-машина и его амортизация // Логос. 2007. № 4 (61). С. 114.

к всему опыту философского теоретизирования, не замыкаясь на каком-либо отдельном направлении, не боясь показаться эклектичным. Описывая эмоциональные тональности, Вирно скорее приглашает к размышлению, чем дает строгий категориальный анализ.

Неожиданные события, связанные с хронической нестабильностью современной рабочей среды, требуют от множества определенного навыка. Ощущая себя вне дома (*bios xenikos*), они должны постоянно уметь ориентироваться в калейдоскопе вариантов, уметь извлекать выгоду из любого шанса. Поэтому представитель множества – оппортунист, так как может приступить к работе на самых разных условиях. «Оппортунист – это тот, кто противостоит течению взаимоисключающих возможностей, находясь в ситуации готовности к наибольшему их числу, подчиняясь ближайшей и затем следуя от одной к другой»²²³ Но Вирно рассматривает данную ситуацию вне моральных категорий, не давая ни позитивных, ни негативных оценок. Важно то, что множество отличается умственной гибкостью.

Современные субъекты труда постоянно имеют с защитой своего существования. Опору в случайном мире они ищут во «всеобщем интеллекте». С позиции Вирно, корни оппортунизма находятся во внерабочей социализации. Умение создавать связи с возможным как таковым становится отличительной чертой постфордистского производства. Когда рабочий процесс пронизан «коммуникативным действием», оппортунизм становится ценным способом поведения.

Следующим проявлением нестабильного существования современного множества является цинизм. Цинизм порожден осознанием того, что между правилами, которые стали видимыми, и той реальностью, которая ими регулируется, нет «фактических» соответствий. Это лишь конвенция или «заранее определенная игра». В таких условиях нет причины относиться к правилам серьезно. На первый план выходит фигура циника. «Не стоит удивляться тому, когда властный акцент на веселье на рабочем месте приводит к цинизму, отчуждению и

²²³Вирно П. Грамматика множества ... С. 107.

негодованию со стороны сотрудников»²²⁴. Это состояние П. Слотердаик определяет как «универсальный и диффузный цинизм»²²⁵.

Реабилитация хайдеггеровских понятий «болтовни» и «любопытства» на фоне цинизма выглядит вполне оправданным. Очищенные от негативных значений анонимного *das Man*, Вирно выводит их из интерпретации виртуозного труда. «Это когнитивная и поведенческая реакция современного множества на тот факт, что рутинные практики более не организуются вокруг четко прочерченных линий; напротив, они представляют высокую степень непредсказуемости»²²⁶.

Основанием эмоциональных тональностей, которые мы можем считать, как «дурные чувства», является «нейтральное ядро» доиндивидуального, анонимного фона на котором разыгрываются различные порой противоречивые действия. Для наблюдателя на настоящий момент в множестве видны отгалкивающие качества, но Вирно просит воздержаться от таких преждевременных выводов. Ядро нейтрально и противоречиво, а, следовательно, открыто может изменяться в разнообразных направлениях.

То, что воспринималось, да и продолжает восприниматься, как опасность, В. Беньямин видит в «технической воспроизводимости» возможность приблизить к себе мир. Так, *mass media* дает возможность тренировки чувства восприятия, а именно, что достойно стать фигурой, а что должно быть только фоном. Такое рассеянное восприятие тренирует все чувства человека, которые затем могут воплотиться в труде. Рассеянность, пишет Вирно, только усиливает чувственный опыт, идет ему на благо. Автор называет это эффект телесным осваиванием абстрактной реальности или «телесным видением научных парадигм»²²⁷. Итак, из этой видимости и вытекает та характеристика производства, которая была запущена зрелищными индустриями или культурными индустриями. Вирно выдвигает гипотезу, что такие индустрии играют роль индустрии средств производства: «Культурная индустрия изготавливает (обновляет, экспериментально

²²⁴См. Fleming, P. 'Workers' Playtime? Boundaries and cynicism in a "culture of fun" program' // *Journal of Applied Behavioural Science* № 41(3). 2005. P. 285-303.

²²⁵Слотердаик П. Критика цинического разума. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. С. 27.

²²⁶Вирно П. Грамматика множества ... С. 107.

²²⁷Вирно П. Грамматика множества ... С. 118.

внедряет) коммуникативные процедуры, предназначенные служить средствами производства, в том числе и в наиболее традиционных секторах экономики»²²⁸.

Коллективная субъективность современного множества формируется на фоне «доиндивидуальности». Сама доиндивидуальная реальность не может быть устойчивым основанием для формирования субъекта. Доиндивидуальное постоянно ставит «под вопрос» индивидуацию. И здесь разворачивается особый конфликт: либо «я» вне мира, либо мир без «я»²²⁹. По Вирно это и есть границы колебания условного маятника современного множества. Проблема субъективности, следовательно, может решаться по-разному. Решение будет зависеть от того в какой момент мы наблюдаем за этим «субъектом-амфибией». Именно статус субъекта разбивает бинарные оппозиции частного/общественного, рабочего времени/свободного времени, аутентичной/неаутентичной жизни. Сам понятийный аппарат, описывающий современного субъекта, меняется в соответствии со сложностью того предмета, который он пытается описать. Новый понятийный аппарат призван показать разрушение детерминизма пары «публичное – частное», так как теперь пространство не частное и не публичное. По мысли Вирно, только тогда, когда общее пространство становится публичным, оно становится политическим.

Впрочем, именно такой субъект и требуется современному капитализму. Л. Болтански и Э. Кьяпелло назвали это духовными потребностями капитализма²³⁰. Для того, чтобы наемные рабочие включались в участие капиталистического процесса одного материального мотива недостаточно. Капиталу требуется активный, инициативный, жертвенный работник. Работник должен уметь адаптироваться и быть гибким. Он должен быть многосторонним, способным переходить от одного вида деятельности к другому, быть также активным и автономным. Желание, заинтересованность, умение наделять смыслом собственные действия – все эти компоненты являются необходимыми составляющими современного труда. Однако новые методы контроля сдерживают

²²⁸Там же. С. 69.

²²⁹Вирно П. Грамматика множества ... С. 94.

²³⁰Там же. С. 41.

развитие этих способностей. Что, в конечном счете, сдерживает и развитие самого капитала. Капитал «трубит о творчестве и повсеместно же удушает его»²³¹.

Амбивалентный характер изменения труда и субъекта обнажает глубинную трансформацию общественных отношений. «Превращение служащего, получающего оклад, в «человеческий капитал», в предпринимателя по отношению к самому себе, превращение, которому способствуют современные техники управления, представляет собой завершение процесса субъективации и эксплуатации, поскольку в этом случае один и тот же индивидуум расщепляется надвое»²³².

Из этих положений, к примеру, С. Шавиро заключает, что капитализм шагнул от «формального подчинения» к «реальному подчинению». Если у Маркса в основе подчинения капиталу лежат экономические факторы извлечения излишков, произведенных в процессе труда, то при реальном подчинении капитал полностью определяет все производственные процессы и социальные отношения. Изначальность такого подчинения определяет утрату позиции автономии: «мы все равно работаем, даже когда мы потребляем, и даже когда мы спим. Аффекты и чувства, языковые способности, способы кооперации, формы ноу-хау и явного знания, выражения желания: все они присвоены и превращены в прибавочную стоимость»²³³. С. Шавиро называет такое положение «внутренней эксплуатацией». Отныне нелокализованность труда означает, что в условиях отсутствия автономной системы ценностей, субъект труда становится частью капитала или его функцией. Шавиро отмечает, что именно это и позволяет говорить в понятиях «социальный капитал», «культурный капитал», «человеческий капитал». «При режиме реального подчинения каждый живущий индивид превращается в резервный капитал, который не может оставаться «невозделанным», но должен быть прибыльно инвестирован»²³⁴.

²³¹Лаззарато М. Марсель Дюшан и отказ трудиться. М. 2017. С. 47.

²³²Лаззарато М. Машина [Электронный ресурс] // ТРАНСФОРМ. Электрон. дан. [Б. м.], 2017. URL: <http://transform.eipcp.net/transversal/1106/lazzarato/ru> (дата обращения: 17.11.2017).

²³³Шавиро С. Необходимая бесполезность [Электронный ресурс] // Теории и практики. Электрон. дан. [Б. м.], 2019. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8165-accelerationist-aesthetics> (дата обращения: 07.05.2019).

²³⁴См. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2013.

Главная проблема заключается в изменении форм контроля над трудом. Ж. Делез отмечает, что дисциплинарное общество сменяется обществом контроля, которому соответствует новые отношения власти, связанные с типом машин. Простые машины соответствуют «обществу суверенитета», энергетические машины – дисциплинарному. Современный тип общества основывается на кибернетических машинах: «Общества контроля имеют дело с машинами третьего типа – с компьютерами, пассивная опасность которых – зависание, а активная – пиратство и внедрение вирусов»²³⁵.

Как отмечает П. Вирно, «общественное богатство производится наукой с помощью *general intellect*»²³⁶. И это действительно «противоречивый процесс, являясь театром жестоких антиномий и озадачивающих парадоксов»²³⁷. Коллективный субъект находится в становлении. Более того, сам процесс развития может быть обратим. Всеобщий интеллект, как отмечает Вирно, может вполне приводить к разрастанию личной зависимости и иерархии. Цинизм, оппортунизм, болтовня, «рассеянность» любопытства – все это может быть пока еще «цветочками». Действительно, нам предстоит еще сформулировать новую теорию «общественного индивида» (К. Маркс). Однако уже сейчас можно различать те контуры будущего, которые видны в настоящем.

Таким образом, множество, по словам Вирно, есть «субъект-амфибия», то есть такой субъект, который, с одной стороны, связан с общественным производством, а с другой стороны, с кризисом государственной формы. Это означает, что множество может разрабатывать принципы альтернативных способов существования. Автор показывает парадокс современного капитализма, в котором знания, физические и духовные способности человека начинают играть ведущую роль в производстве; при этом размываются границы труда и досуга, а традиционная форма национального государства находится в кризисе (или даже «в процессе отмирания») в связи с процессами глобализации.

²³⁵Делез Ж. Общество контроля. Postscriptum [Электронный ресурс] // Артогея. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2019. – URL: <http://my.arcto.ku/public/9deleuze.htm> (дата обращения: 17.07. 2019).

²³⁶Вирно П. Грамматика множества ... С. 129.

²³⁷Там же.

П. Осборн в свою очередь отмечает, что «ведь ведущая проблематика философии субъекта состоит не в отношении субъекта к «сознанию» или «разуму» (как можно было бы подумать), а в его отношении ко времени...А субъект современности – это коллективный субъект»²³⁸. Когда вопрос поставлен так, то теоретизирование о субъекте должно стать рассмотрением субъекта труда и тех механизмов, которые его формируют, а также тех способов защиты, которые эти субъекты используют, чтобы хоть как-то избежать рисков в изменчивом современном мире.

Итак, субъект в условиях современности существует в ситуации нестабильности, при этом в самом процессе капиталистического производства все больше задействованы антропологические, лингвистическо-коммуникационные способности человека. Это означает, что субъект труда выходит за пределы непосредственного трудового процесса, а представляет собой процесс индивидуации из доиндивидуальной среды. Таковой является биологические и телесные способности, язык и формы мышления, коллективный опыт и производственные отношения. В самом центре этой проблематике стоит всеобщий интеллект.

Равным образом это означает, что субъект в такой ситуации испытывает определенного рода новые эмоциональные тональности: оппортунизм, цинизм, болтовню и любопытство. В этих эмоциональных тональностях проявляется механизм приспособления к постоянно изменяющимся условиям. В ходе исследования мы показали, что для обозначения этого опыта требуется новый язык описания, так как концептуальные пары частного/общественного, рабочего времени/свободного времени, которые являлись базой для понимания способа существования субъекта труда в условиях индустриального способа производства, более не выполняют основополагающую функцию.

Итак, если теперь суммировать все вышесказанное, со второй половины XX века мы являемся свидетелями существенных изменений, происходящих в труде. На начало XXI века эти изменения проявились в глубинных противоречиях. Иными

²³⁸Осборн П. Философия после теории. Трансдисциплинарность и новое // Логос. 2017. Т. 27. №. 3. С. 213.

словами, сложилась ситуация, когда тенденция к усложнению труда сталкивается с появлением новых форм эксплуатации. Особое внимание в этой главе мы уделили субъекту, в котором в принципиальном виде проявляются рассмотренные противоречия. Эти противоречия проявляются в нестабильности существования, которая не может оставаться только в пределах труда, она распространяется на все регионы человеческого существования, обостряя внешние и внутренние конфликты, разрушая человеческую целостность.

Заключение

Данное диссертационное исследование было посвящено анализу развития современного труда и субъекта труда. В исследовании мы показали, что труд продолжает служить ключевым понятием для понимания современности, центрирующим вокруг себя весь спектр наиболее важных тем, мотивов и положений социальной философии.

Происходящие качественные изменения в труде являются предметом анализа различных исследовательских направлений. В первой главе осуществлен анализ концепций, затрагивающих проблемы труда, включая концепцию труда К. Маркса, теорию постиндустриального общества, постфордистские дебаты в рамках постопераистской теории и концепции «креативной экономики». Мы продемонстрировали, что теории постиндустриального общества присущ технологический детерминизм, признание научно-технического прогресса главным фактором общественного развития. Тем не менее, вслед за теоретиками постиндустриального общества, мы отметили, что потребность в высококвалифицированных работниках в современном обществе становится объективным явлением. Далее была рассмотрена концепция постопераизма (А. Негри, М. Хардт, П. Вирно, М. Лаззарато), которая продолжает, с одной стороны, разрабатывать марксистский теоретический подход, с другой стороны, переосмысляет его в ключе нематериального труда. Будучи несогласными с этим положением постопераизма, мы, тем не менее, считаем, что описание противоречий, в которых оказался современный работник является весьма точным.

В результате осмысления широкого теоретического контекста выявлена теоретико-методологическая основа нашего исследования. Такой основой является классический марксизм, дополненный социально-философскими исследованиями постопераизма.

Мы обратились к анализу особенностей развития современного труда и продемонстрировали, что к числу таких особенностей относятся гибкость, мобильность, прекаризация и др. Выявлено, что в результате изменения и технико-

технологических аспектов современного труда, и его организации изменяется роль работника в производстве. Интегрируя совокупность достижений человечества, современный работник воплощает в своем труде результаты труда множества людей. Тем не менее, реальное развитие труда, связанное с его мнимым упразднением, отличается от ожиданий. Показано, что не все рутинные операции передаются автоматизированным системам, а остается еще большое количество труда, выполняя который под воздействием контроля и управления, заключенного в самих системах, человек теряет или не приобретает квалификацию, необходимую в век высоких технологий. Что, в конечном счете, приводит к вытеснению его из мира труда.

Показано, что появляются новые способы контроля над трудом, связанные с компьютерными технологиями. Сущность эксплуатации анализируется под следующим углом зрения: эксплуатация нацелена на «овладение» всеми родовыми силами человека.

Исследование показало, что наиболее характерным явлением становится precarious труд. Кроме того, возрастание роли деятельности, связанной с творчеством и коммуникацией, по-новому ставит вопрос о соотношении «живого труда» и «кибернетических машин».

Выявлено, что с 60-х годов XX века на первый план выходят высококвалифицированные специалисты, которые оказались востребованы в процессе развития труда. Одновременно с этим происходит вытеснение из мира труда работников, которые в процессе автоматизации и информатизации оказались лишними.

Выявлено, что современная трансформация труда – амбивалентный процесс. С одной стороны, наблюдается развитие личности работника, универсализация его способностей. Важным является тот факт, что современные работники, в отличие от индустриальных рабочих, не являются частичными работниками. С другой стороны, сохраняется большое количество девалифицированных работников. Кроме того, особенности включения труда в современную капиталистическую систему приводят к появлению новых форм эксплуатации такого труда, которые в

некотором смысле «болезненной» переживаются человеком. Эксплуатация становится опосредованной, то есть выходит за пределы производства, распространяется на все жизненное пространство. Особенности эксплуатации труда экстраполируются на весь мир современного человека.

Показано, что проектная деятельность влияет на развитие коммуникативного, гибкого характера труда, общий характер новых технологий приводит к стиранию дифференциации между временем работы и отдыха, усиливают ощущение «неукорененности» современного человека. Отчуждению подвергается не только рабочая сила, но и личность человека.

Важно, что современная рабочая сила состоит из различных сил, которые включают в себя физические качества человека, способность к мышлению, общению, восприятию и вниманию. На основе философии К. Маркса, Ж. Симондона и П. Вирно мы выделили важнейшие, на наш взгляд, особенности, свойственные современному субъекту труда. Показали, что его труд основывается на так называемом всеобщем интеллекте, который связан, с одной стороны, с высоким профессионализмом, творчеством, развитыми личностными способностями, такими как гибкость, способность наделять свою работу этическими и эстетическими смыслами. С другой стороны, в условиях изменений организации труда, стирания границы между свободным и рабочим временем, проектной работы. Понятие «general intellect» схватывает процесс развертывания всеобщих родовых сил человека в процессе труда. Однако нестабильное существование современных работников определяет особенные формы ответа, которые выражаются в цинизме, оппортунизме, болтовне.

Предложенный в настоящей диссертации подход, безусловно, не исчерпывает содержание проблемы современного труда. Проведенное исследование позволяет определить направления дальнейшей работы над проблемой труда. Выделим те из них, которые представляются нам наиболее важными:

1. Расширение анализа современного труда на более разнообразном фактическом материале.

2. Конкретизация проблемы: изучение конкретных видов современного труда.

3. Дальнейшее изучение субъекта труда.

4. Анализ способов разрешения противоречий между высококвалифицированным, творческим трудом и формами его эксплуатации.

5. Эвристичным представляется изучение проблемы прекаризации трудовых отношений в современном мире.

Список литературы

1. Абульханова К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова, Т.Н. Березина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
2. Адорно Т. Диалектика Просвещения: философские фрагменты / Т.Адорно, М. Хоркхаймер. – СПб: Медиум, Ювента, 1997. – 311 с.
3. Арора П. Фабрика досуга: производство в цифровой век // Логос, – 2015. – Т. 25, №. 3 – С. 88–119.
4. Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип / Г. С. Батищев [и др.] // Проблема человека в современной философии. – М.: Наука, 1969. – С. 73–144.
5. Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики / Г.С.Батищев. – М.: Высш. школа, 1963. – 119 с.
6. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
7. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Бек У. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
9. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
10. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин. – М.: Медиум, 1996. – 240 с.
11. Берарди Ф. Б. Новые герои: массовые убийцы и самоубийцы / Ф.Б.Берарди. – М.: Кучково поле, 2016. – 320 с.
12. Берарди Ф. Что значит автономия сегодня? [Электронный ресурс] // Anti-Job – Электрон. дан. – [Б. м.], 2019 – URL: http://antijob.net/class_war/id609/ (дата обращения: 08.06.2019).
13. Бехман Г. Современное общество как общество риска / Г. Бехман // Вопросы философии. – 2007. – №. 1. – С. 26–46.

14. Библер В. С. Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога) / В. С. Библер. – М.: Политиздат, 1975. – 400 с.
15. Бизюков П. В. Диктатура прекариата. О рождении в России нового социального класса. [Электронный ресурс] // Газета.Ру. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2019 – URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/04/29_x_6013393.shtml#comments (дата обращения: 08.06.2019).
16. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. – 95 с.
17. Болтански Л., Новый дух капитализма / Л. Болтански, Э. Кьяпелло. – М.: НЛО, 2011. – 976 с.
18. Брукс Д. Бобо в раю: откуда берется новая элита / Д. Брукс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 296 с.
19. Буайе Р. Теория регуляции: критический анализ / Р. Буайе. – М. Наука для общества, изд-во РГГУ, 1997. – 212 с.
20. Бuzгалин А. В. Глобальный капитал.. Методология: по ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded) / А. В. Бuzгалин, А. И. Колганов – М.: Ленанд, 2015. – Т. 1. – 640 с.
21. Бuzгалин А. В. Эксплуатация XXI века. От наемного рабочего и прибавочной стоимости к «креативному классу» и интеллектуальной ренте? [Электронный ресурс] // Журнал «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». Электрон. дан. – [Б. м.], 2019. http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/2012_7_8/11.pdf (дата обращения: 08.06.2019).
22. Бутан Я. М. Новое огораживание: информационные и коммуникационные технологии или Ползучая революция прав собственности // Логос. – 2007. – № 4 (61). – С. 199–299.
23. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
24. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

25. Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 368 с.
26. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / П. Вирно. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 170 с.
27. Волков Ю. Г. Креативность: исторический прорыв России / Ю. Г. Волков. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2011. – 328 с.
28. Выготский Л. С. Вопросы детской (возрастной) психологии // Соч.: в 6 т. / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 4. – 432 с.
29. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Соч.: в 6 т. / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1. – 488 с.
30. Выготский Л. С. История развития высших психических функций: Проблемы развития психики // Соч.: в 6 т. / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 3. – 366 с.
31. Выготский Л. С. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок / Л. С. Выготский, А. Р. Лурия. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 223 с.
32. Гартон-Эш Т. Европа-континент недовольных [Электронный ресурс] // Гардиан. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2017. – URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/may/26/europe-unhappy-european-union> (дата обращения: 19.03.2017).
33. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Философия духа // Соч.: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель – М.: Мысль, 1977. – Т. 3. – 471 с.
34. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 116 с.
35. Гнедовский В. М., Капитализируя гений места и дух времени: Стратфорд-на-Эйвоне–Веймар–Ясная Поляна: культурное наследие как фактор устойчивого регионального развития / В. М. Гнедовский, С. В. Аверченкова, М. Б. Гнедовский. – Тула: Изд. дом Ясная Поляна, 2008. – 80 с.
36. Горальски А. Пути изучения творчества // Вопросы психологии. – 1986. – №. 5. – С. 153–158.

37. Горц А. Нематериальное: знание, стоимость, капитал / А. Горц. – М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 208 с.
38. Грамши А. Тюремные тетради // Избранные произведения: в 3 т. / А. Грамши. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – Т. 3. – 565 с.
39. Грецкий М. Н. Неомарксизм // Словарь современной западной философии. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – С. 199–201.
40. Григорова Я. В. Искусство и нематериальный труд / Я. В. Григорова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. – 2017. – № 4. – С. 69–73.
41. Григорова Я. В. Концепция нематериального труда в философии постопераизма и ее критика / Я. В. Григорова, В. С. Гриценко // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – № 2. – С. 39–44.
42. Григорова Я. В. Проблема труда в философии постопераизма / Я. В. Григорова // Философия хозяйства. – 2015. – № 2. – С. 46–50.
43. Гриценко В. С. Труд в постиндустриальном обществе: монография / В.С.Гриценко. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013. – 209 с.
44. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. Избранное / Д. Гэлбрейт. – М.: АСТ, Транзиткнига, СПб.: Terra Fantastica, 2004. – 605 с.
45. Давыдов В. В. Методологический анализ категории деятельности / В. В. Давыдов, Л. А. Радзиховский // Вопросы психологии. – 1980. – №. 4. – С. 167–170.
46. Давыдов Ю. Н. Труд и искусство / Ю. Н. Давыдов. – М.: Астрель, 2008. – 678 с.
47. Делез Ж. Общество контроля. Postscriptum [Электронный ресурс] // Артогея. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2019. – URL: <http://my.arcto.ru/public/9deleuze.htm> (дата обращения: 17.07. 2019).
48. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / Ж. Деррида. – М.: Logos-altera, Ессе homo, 2006. – 256 с.

49. Джеймисон Ф. Эксплуатация неотъемлема от капитализма [Электронный ресурс] // Ред флора. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2018. – URL: http://www.redflora.org/2012/07/blog-post_18.html (дата обращения: 08.08.2018).
50. Джохадзе И. Д. Демократия после Модерна / И. Д. Джохадзе. – М.: Праксис, 2006. – 112 с.
51. Долгин А. Б. Экономика символического обмена / А. Б. Долгин. – М.: Инфра-М, 2006. – 632 с.
52. Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке / П. Ф. Друкер. – М.: Издательский дом Вильямс, 2001. – 272 с.
53. Дубина И. Н. Творчество как феномен социальных коммуникаций / И. Н. Дубина, Л. А. Кощей. – Новосибирск: СО РАН, 2000. – 189 с.
54. Дюран Ж., Фордистская сущность постфордизма / Ж. Дюран, М. С. Добрякова // Рубеж (альманах социальных исследований). – 1998. – №. 12. – С. 48–70.
55. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX-начала XX веков. М., 1996. – 432 с.
56. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм / С. Жижек. – СПб.: Алетейя, 2005. – 155 с.
57. Зиммель Г. Философия труда // Избранное / Г. Зиммель. – М.: Юрист 1996. – Т. 2 – 607 с.
58. Злобин Н. С. Деятельность – труд – культура // Деятельность: теории, методология, проблемы. – М.: Политиздат, 1990. – С. 111–128.
59. Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. – М.: Наука, 1994. – 443 с.
60. Ильенков Э. В. Об эстетической природе фантазии / Э. В. Ильенков. // Искусство и коммунистический идеал. – М.: Искусство, 1984. – С. 25–42.
61. Ильенков Э. В. Психика и мозг // Вопросы философии. – 1968. – № 11. – С. 145–155.
62. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2009. – 448с.

63. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
64. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире / В. Л. Иноземцев. – М.: Academia – Наука, 1998. – 640 с.
65. Иноземцев В. Л. К теории постэкономической общественной формации / В. Л. Иноземцев. – М.: Таурис, Век, 1995. – 195 с.
66. Интервью Г. Раунига. Машинный поворот: изобретение вместо методологии // Журнал исследований культуры. – № 1(6). – 2012. – С. 84–89.
67. Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). / М. С. Каган. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
68. Кагарлицкий Б. Ю. Восстание среднего класса / Б. Ю. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2012. – 224 с.
69. Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения / Б. Ю. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2005. – 480 с.
70. Кастель Р. Конец эпохи постоянного найма: правда или вредный миф? // Отечественные записки. – № 3. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2003. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/3/koniec-epohi-postoyannogo-nauma-pravda-ili-vrednyu-mif> (дата обращения: 09.07.2019).
71. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Р. Кастель. – СПб.: Алетейя, 2011. – 574 с.
72. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 607 с.
73. Кастельс М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М.: Academia, 1999. – С. 494–495.
74. Келле В. Ж. Деятельность и общественные отношения // Деятельность: теория, методология, проблемы. – М.: Политиздат, 1990. – С. 98–110.
75. Климов Е. А. Человек как субъект труда и проблемы психологии // Вопросы психологии. – 1984. – № 4. – С. 5–14.

76. Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брендов / Н. Кляйн. – М.: Litres, 2014. – 624 с.
77. Корняков В. И. Тсс... Вот придет-войдет творческий труд.. //Философия хозяйства. – 2005 – № 1. – С. 173–196.
78. Корсани А. Трансформация труда и его темпоральностей. Хроническая дезориентация и колонизация нерабочего времени // Логос, – 2015. – Т. 25, №. 3 – С. 51–71.
79. Корякин В. В. Современный мир и философия // Новые идеи в философии. – Вып.21: Философия как инновационный фактор науки и образования: межвуз. сб. науч. тр./ Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2013. – С. 11– 30.
80. Корякин В. В. Труд и единый закономерный исторический процесс: монография: в 2 ч. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2008. – Ч. 1. – 418 с.
81. Корякин В. В. Труд и единый закономерный исторический процесс: монография: в 2 ч. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2008. – Ч. 2. – 340 с.
82. Корякин В. В. Эскиз эволюции человеческой сущности труда и стоимости [Электронный ресурс] //Пермский университет – Электрон. дан. – [Б. м.], 2017. – URL: http://www.psu.ru/psu/files/1641/06_Korjakin.doc. (дата обращения: 07.04.2017).
83. Корякин В. В. Эскиз эволюции человеческой сущности труда и стоимости [Электронный ресурс] // Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2017. – URL: http://www.psu.ru/psu/files/1641/06_Korjakin.doc. (дата обращения: 07.02.2017).
84. Лаззарато М. Машина [Электронный ресурс] // ТРАНСФОРМ. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2017. – URL: <http://transform.eipcr.net/transversal/1106/lazzarato/ru> (дата обращения: 17.11.2017).
85. Лаззарато М. Нематериальный труд [Электронный ресурс] // Художественный журнал. – 2008. – №. 69. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2008. – URL: <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrln-trd/> (дата обращения: 08.03.2019).

86. Лайкер Д. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира / Д. Лайкер. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 401 с.
87. Лаццарато М. Марсель Дюшан и отказ трудиться / М. Лаццарато.– М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2017. – 96 с.
88. Лаццарато М. Предприятие и неомонадология // Логос. – 2007. – №. 4. – С. 168–197.
89. Лекторский В. А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. – 2001. – №. 2. – С. 52–65.
90. Ленин В. И. Великий почин// Полн.собр соч. : в 55 т. / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы М., 1969. – Т. 39. – С. 7–29.
91. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
92. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – М.: Изд-во Московского унив., 1981. – 584 с.
93. Лиетар Б. Будущее денег: новый путь к богатству. Полноценному труду и более мудрому миру / Б. Лиетар. – М.: КРПА Олимп: АСТ: Астрель, 2007. – 493с.
94. Липовецкий Ж. Эра пустоты / Ж. Липовецкий. – СПб.: издательство «Владимир Даль», 2001. – 336 с.
95. Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч.: в 3 т. / Дж. Локк. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. – 668 с.
96. Лосев А. Ф. Диалектика творческого акта (Краткий очерк) // Контекст. – М.: Терра, 1991. – С. 48–78.
97. Малоун Т. У. Труд в новом столетии. Как новые формы бизнеса влияют на организации, стиль управления и вашу жизнь / Т. У. Малоун. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2006. – 272 с.
98. Мандель Э. О социализме в прошлом и будущем // Социальные идеалы и политика в меняющемся мире. – М.: Наука, 1992. – С. 136–143.
99. Марацци К. Тело – машина и его амортизация // Логос. – 2007. – № 4 (61). – С. 144–122.

100. Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. в 50 т. 2-е изд / К. Маркс. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. – Т.13. – 770 с.
101. Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. 2-е изд / К. Маркс. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1962. – Т. 23. – 907 с.
102. Маркс К. Экономическая рукопись 1861 – 1863 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. 2-е изд / К. Маркс. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1973. – Т. 47. – 659 с.
103. Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. 2-е изд / К. Маркс. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1968. – Т. 46, Ч.1. – 559 с.
104. Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. 2-е изд / К. Маркс. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1968. – Т. 46, Ч.2. – 618 с.
105. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. 2-е изд / К. Маркс. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, – Т. 42. – С. 41–174.
106. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. 2-е изд / К. Маркс. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955 – Т. 3. – С. 7–554.
107. Мартынчук О. И. Противоречия и интегративные тенденции развития общественной формы труда в процессе постиндустриализации: дисс.... канд. экон. наук / О. И. Мартынчук. – Кемерово, 2006. – 169 с.
108. Мейсон П. Посткапитализм: Путеводитель по нашему будущему / П. Мейсон. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 373 с.
109. Мусаелян Л.А. Россия в XXI веке: постиндустриальная цивилизация или эпоха средневековья? // Философия и общество. – 2002. – № 4. – С. 146–171.
110. Негри А. Империя / А. Негри, М. Хардт. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.
111. Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи / А. Негри, М. Хардт. – М.: Культурная революция, 2006. – 599 с.

112. Неисчерпаемые возможности и границы применимости категории деятельности / Г.С. Батищев // Деятельность: теории, методология, проблемы. – М.: Политиздат, 1990. – С. 307–316.

113. Нойз Б. Рециркуляция негативности: теория, литература и неудача утверждения // Stasis. – 2013. – № 1. – С. 156–173.

114. Нордстрем К. Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта / К. Нордстрем, Й. Риддерстрале. – М.: Litres, 2014. – 288 с.

115. Овчинников В. Ф. Репродуктивная и продуктивная деятельность как фактор творческого развития человека / В. Ф. Овчинников. – М.: Высшая школа, 1984. – 88 с.

116. Огурцов А. П. Деятельность // Философский энциклопедический словарь / А. П. Огурцов, Э. Г. Юдин. – М.: Сов. энцикл. – 1983. – С. 151–152.

117. Орлов В. В. Основы философии. Общая философия/ В. В. Орлов. – Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2001. – 215 с.

118. Орлов В. В. Философия экономики / В. В. Орлов, Т. С. Васильева. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2013. – 268 с.

119. Осборн П. Интеллектуальный поворот [Электронный ресурс] // Художественный журнал. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2018. – URL: <http://xz.gif.ru/numbers/69/int-pov/> (дата обращения: 14.03.2018).

120. Осборн, П. Философия после теории. Трансдисциплинарность и новое // Логос. – 2017. – Т. 27, № 3. – С. 199–222.

121. Пасквинелли М. Цифровой неофеодализм: кризис сетевой политики и новая топология ренты [Электронный ресурс] // Музей современного искусства «Пермм» – Электрон. дан. – [Б. м.], 2016. – URL: <http://permm.ru/menu/xzh/archiv/xudozhestvennyij-zhurnal-E2%84%9685.-nashe-novoe-budushhee.-chast-2/czifrovoj-neofeodalizm:-krizis-setevoj-politiki-i-novaya-topologiya-renty.html>. (дата обращения: 10.02.2016).

122. Патырбаева К. В. Особенности современной формы труда и работник нового типа: монография / К. В. Патырбаева; науч. ред. В. В. Орлов. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. – 175 с.

123. Пинк Д. Нация свободных агентов / Д. Пинк. – М.: Секрет фирмы, 2005. – 328 с.
124. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. / М. Полани. – Благовещенск, 1998. – 344 с.
125. Польрэ Б. Двусмысленности когнитивного капитализма // Логос. – 2007. – №. 4. – С. 70–114.
126. Пятигорский А. М. О времени в себе. Шестидесятые годы – от Афин до ахинеи / А. М. Пятигорский, И. П. Смирнов // Избранные труды. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 590 с.
127. Райт Э. О. Марксистские концепции классовой структуры [Электронный ресурс] // Научно-просветительский журнал «Скепсис». – Электрон. дан. – [Б. м.], 2019. – URL: http://scepsis.ru/library/id_608.html (дата обращения: 10.01.2019).
128. Резников Л. Б. К обоснованию леводемократической реформационной альтернативы / Л. Б. Резников, А. Ю. Мелентьев // Российский экономический журнал. – 2004. – № 7. – С. 3–36.
129. Рот К. Х. Глобализация. Принципиальные соображения об изменении мировой капиталистической системы. [Электронный ресурс] // Автономное действие. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2019. – URL: avtonom.org/old/lib/theory/rot_globalisation.html (дата обращения: 24.06.2019).
130. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн – СПб.: Питер Ком, 2002. – 712 с.
131. Рубинштейн С. Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Проблемы общей психологии. – 1983. – № 2. – С. 9–25.
132. Руллани Э. Когнитивный капитализм: déjà vu? // Логос. – 2007. – № 4 – С. 64–69.
133. Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. – 2008. – № 3. – С. 95–107.
134. Сеннет Р. Коррозия характера / Р. Сеннет. – М.: ФСПИ «Тренды», 2004. – 296 с.

135. Сеннет Р. Падение публичного человека / Р. Сеннет. – М.: Логос, 2002. – 423 с.
136. Слотердаjk П. Критика цинического разума / П. Слотердаjk. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. – 800 с.
137. Смит. А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 256 с.
138. Создавая миры [Электронный ресурс] // европейский институт культурной политики – Электрон. дан. – [Б. м.], 2017. – URL: режим доступа: <http://eipcp.net/projects/creatingworlds/files/about-ru>. (дата обращения: 05.05.2017).
139. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики/ Ф. Соссюр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. – 432 с.
140. Срничек Н. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / Н. Срничек, А. Уильямс. – М.: Strelka Press, 2019. – 336 с.
141. Тиктин Х. Политэкономия класса в переходную эпоху [Электронный ресурс] // Российское Социалистическое Движение – Электрон. дан. – [Б. м.], 2016. – URL:: режим доступа: http://anticapitalist.ru/teoriya/biblioteka/politekonomiya_klassa.html. (дата обращения: 04.03.2016).
142. Тоффлер О. Будущее труда / О. Тоффлер. – М.: Прогресс, 1986. – С. 250–275.
143. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / О. Тоффлер. – М.: Издательство АСТ, 2001. – 669 с.
144. Тоффлер Э. Революционное богатство: как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь // О. Тоффлер, Х. Тоффлер – М.: АСТ, 2008. – 570 с.
145. Тоффлер Э. Третья волна / О. Тоффлер. – М.: АСТ, 1999. – 781 с.
146. Тоффлер Э. Шок будущего / О. Тоффлер. – М.: АСТ, 2001. – 558 с.
147. Тросби Д. Экономика и культура / Д. Тросби. – М.: Высшая школа экономики, 2013. – 256 с.
148. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. – М.: Науч. мир, 1998. – 204 с.

149. Узбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Узбстер. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
150. Федотова В. Г., Глобальный капитализм: три великие трансформации / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова – М.: Культурная революция, 2008. – 608 с.
151. Фещенко В. В. Семиотика творчества и лингвистика креативности // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. С. 143–150.
152. Флорида Р. Большая перезагрузка: как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда / Р. Флорида. – М.: Классика-XXI, 2012. – 240 с.
153. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Классика-XXI, 2005. – 422 с.
154. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни / Э. Фромм – М.: Айрис-пресс, 2004. – 360 с.
155. Фромм Э. Марксова концепция человека / Э. Фромм // Душа человека. – М.: Республика, 1992. С. 375–414.
156. Хайдеггер М. Бытие и время /М. Хайдеггер. – М.: Академический проект, 2011. – 460 с.
157. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Д. Харви. – М.: Поколение, 2007. – 288 с.
158. Хобсбаум Э. Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России [Электронный ресурс]: // Журнала «Скепсис». – Электрон. дан. – [Б. м.], 2017.– URL: http://scepisis.net/library/id_421.html. (дата обращения: 10.09.2017).
159. Хокинс Д. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги / Д. Хокинс. – М.: Классика – XXI, 2011. – 255 с.
160. Холл С. Вопрос культурной идентичности [Электронный ресурс] // Художественный журнал № 77 – 78. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2019. – URL: <http://xz.gif.ru/numbers/77-78/hall> (дата обращения 16.08.2019).
161. Хэнди Ч. Время безрассудства / Ч. Хэнди. – СПб: Питер, 2001. – 278 с.

162. Цифровая экономика Российской Федерации [Электронный ресурс]: Утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р // Электрон. дан. [Б. м.], 2019. – URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 10.08.2019).

163. Чангли И. И. Труд: социологические аспекты теории и методологии исследования / И. И. Чангли – М.: Наука, 1973. – 588 с.

164. Черковец В. Н. О содержании понятия "Реальный сектор экономики" и роли материального производства (материалы к лекциям и семинарам) // Российский экономический журнал. – 2001. – №. 11. – С. 12–17.

165. Чижова Т. Грамматика множества Паоло Вирно: к проблеме субъекта политического действия в эпоху постфордизма // Топос. – 2013. – № 1. – С. 133–142.

166. Шавиро С. Необходимая бесполезность [Электронный ресурс] // Теории и практики. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2019. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8165-accelerationist-aesthetics> (дата обращения: 07.05.2019).

167. Шевчук А. В. Постфордистские концепции (критический анализ). / А. В. Шевчук. – Казань: КГУ, 2000. – 232 с.

168. Шекова Е. Л. Экономика и менеджмент некоммерческих организаций / Е. Л. Шекова. СПб.: Лань, 2004. – 192 с.

169. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки / Э. Г. Юдин. – М.: Наука, 1978. – 392 с.

170. Adler M. Stardom and talent // The American economic review. – 1985. – P. 208–212.

171. Barbrook R. The Class of the New / R. Barbrook. – London : Mute Publishing, 2006. – 116 p.

172. Barbrook R. The digital artisans manifesto / R. Barbrook, P. Schultz // ZKP. – 1997. – Vol. 4. – P. 52–53.

173. Bard A. Netocracy: the new power elite and life after capitalism / A. Bard, J. Söderqvist. – London : Pearson Education, 2002. – 269 p.

174. Braverman H. Labor and Monopoly capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century / H. Braverman. – New York : New York University Press, 1998. – 465 p.

175. Damarin A. K. The network-organized labor process: Control and autonomy in web production work // Networks, Work and Inequality. 2013. – P. 177–205.

176. Delvaux M. Report with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics [Electronic resource] // European Parliament. – Электрон. дан. [Б. м.], 2019 – URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2017-0005_EN.html (дата обращения: 10.08.2019).

177. Department for Culture, Media and Sport [Электронный ресурс] // Сайт Департамента культуры Медиа и спорта Великобритании. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2017. – URL: <https://www.creativitycultureeducation.org/publication/creative-industries-mapping-document-1998/> (дата обращения: 06.12.2017).

178. Ehrenreich B. The Professional-Managerial Class in Pat Walker Between Labour & Capital / B. Ehrenreich, J. Ehrenreich. – Hassocks : Harvester, 1979. – 337 p.

179. Fleming, P. Workers' playtime? Boundaries and cynicism in a "culture of fun" program / P. Fleming. – Newbury Park: Journal of Applied Behavioral Science, 2005. № 41. – P. 285–303.

180. Gorz A. Capitalism, socialism, ecology / A. Gorz. – London : Verso, 2012. – 148 p.

181. Gorz A. Farewell to the working class: an essay on post-industrial socialism / A. Gorz. – London : Pluto Press, 1997. – 160 p.

182. Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change/ D. Harvey. – Oxford: Blackwell, 1989. – 388 p.

183. Huws U The transformation of work in a global knowledge economy: towards a conceptual framework [Электронный ресурс] // Centre de recherche de la Fondation Travail-Université. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2019. – URL: <http://www.ftu->

namur.org/fichiers/WORKS-Conceptual_framework.pdf (дата обращения: 30.04.2019).

184. Illich I. *Shadow work* / I. Illich. – London : UK Boyars Publishers, Incorporated, MARION, 1981. – 150 p.

185. Lazzarato M. *General intellect: Towards an inquiry into immaterial labour* [Электронный ресурс] // University of Massachusetts Boston. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2019. – URL: http://www.faculty.umb.edu/gary_zabel/Courses/Spinoza/Texts/Multitudes%20Web%20-%20General%20intellect.htm (дата обращения: 10.08.2019).

186. Leadbeater C. *The Pro-Am Revolution: how enthusiasts are changing our economy and our society* / C. Leadbeater, P. Miller. – London : Demos, 2004. – 75 p.

187. Lubin G. *Slavoj Zizek Says Your Office Ping-Pong Table Is Oppressing You* [Электронный ресурс] // Бизнес Инсайдер. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2017. – URL: <http://www.businessinsider.com/slavoj-zizek-says-your-office-ping-pong-table-is-oppressing-you-2012-5> (дата обращения: 06.04.2017).

188. Meiksins, P. *Labor and monopoly capital for the 1990s: A review and critique of the labour process debate* // *Monthly Review*. – 1994. – vol. 46. – P. 45–59.

189. Nancy J.-L. *Introduction* // *Who Comes After the Subject?* 1991. – New-York, 1991. – P. 1–8.

190. Network F. *Precarious, Precarisation, Precariat* [Электронный ресурс] // Мбют. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2019. – URL: <http://www.metamute.org/editorial/articles/precarious-precarisation-precariat> (дата обращения: 21.01.2019).

191. Nisen M. *Marissa Mayer Should Have Used Google's Excellent Argument To Bring Remote Workers Back* [Электронный ресурс] // Бизнес Инсайдер. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2018. – URL: <http://www.businessinsider.com/author/max-nisen> (дата обращения: 13.05.2018).

192. Reich R. *The Work of Nations: Preparing ourselves for 21st-century Capitalism* / R. Reich. – London : Simon & Schuster, 1991. – 339 p.

193. Rifkin J. *The end of work. Social Planning Council of Winnipeg* / J. Rifkin – New York: Tarcher, 1996. – 361 p.

194. Ross A. No-collar: The Humane Workplace its Hidden Costs / A. Ross – Philadelphia : Temple University Press, 2004. – 298 p.
195. Sayers S. The Concept of Labour: Marx and His Critics // Science and Society. – 2007. – Vol. 71, № 4. P. 431–454.
196. Schumacher L. Work Organisation, Labour and Globalisation // Immaterial Fordism: The paradox of game industry labour, 2006. – №1. P. 144–155.
197. Simondon G. L'Individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble. 2013. – 571 p.
198. Standing G. The Precariat – The New Dangerous Class / G. Standing. – London : Bloomsbury Academic, 2011. – 198 p.
199. Terranova T. Free labor: Producing culture for the digital economy // Social text. – 2000. – № 18. – P. 33–58.
200. Thompson E. Time, work-discipline, and industrial capitalism // Past & Present. – 1967. – № 38. – P. 56–97.
201. Turchetto M. From «Mass Worker» to «Empire»: The Disconcerting Trajectory of Italian Operaismo [Электронный ресурс] // Critical Companion to Contemporary Marxism. – 2008. – №16. – P. 285–308. – Электрон. версия печат. публ. – [Б. м.].
202. Wagner P. A. Sociology of Modernity: Liberty And Discipline / P. A. Wagner. – London: Routledge, 1994. – 284 p.